Кей Грегори

- ДВОЙНОЙ ОБМАН -

KAY GREGORY - BEGUILED

Двойной обман
Кей Грегори

Аннотация
Кей Грегори. Двойной обман
Пролог
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Эпилог

Аннотация

Брак — это ненадолго. Достаточно доказать мужчине его слабость, а потом бросить с осознанием одержанной победы! Так считала решительная Оливия…

Брак — это однажды и навсегда. Чтобы всю жизнь любить друг друга и быть вместе. Так полагал «старомодный» Люк…

Эти двое оказались перед алтарем — с очень разными планами. Кто же победит в опасной игре, затеянной Оливией и поневоле поддержанной Люком?..

Кей Грегори
Двойной обман

Пролог

Голос миссис Крамп был подобен сирене. Фантом поджал мягкие черные уши и поспешно скрылся. Он всегда удирал при появлении миссис Крамп.

Внезапно сирена зазвучала тише и напоминала теперь отдаленные раскаты грома, что должно было обозначать шепот в исполнении миссис Крамп. Оливия могла разобрать лишь отдельные слова, что было весьма огорчительно.

Она оставила свой пост на галерее и присела на самом краешке лестницы. Так-то лучше — теперь она могла расслышать все.

— …Так ужасно. Бедные Джо и Шарлотта. Я имею в виду Реймонда, естественно…

— Да-да, ужасно. Реймонд — блестящий молодой человек. Благодарение небесам, у них осталась Оливия…

Это был голос доктора Крампа, столь же мощный, как у жены, но менее пронзительный.

Оливия спустилась по лестнице и пробралась к приоткрытой двери в гостиную. Если они собрались говорить о ней, а не о Реймонде — стоит

послушать.

Реймонд был ее братом. Ему исполнилось двадцать, то есть он был на десять лет старше Оливии. И три дня назад он погиб в авиакатастрофе недалеко от аэропорта Ванкувер.

С тех пор мама Оливии плакала не переставая. Даже отец, который всегда был внимателен к Оливии и называл ее Солнечным Зайчиком, изменился. Он часто сморкался и говорил, что им всем сейчас очень тяжело и что они должны поддерживать друг друга и «не волновать мамочку».

Что это значило, Оливия поняла в полной мере, когда ее оставили на попечении Инес — няни-филиппинки, которая тоже постоянно плакала. Инес называла Реймонда «такой красивый молодой человек».

Оливия вовсе не считала его красивым. Он был просто старшим братом, у которого вечно не хватало времени для маленькой сестренки. Люди все время повторяли, что он мог сделать блестящую карьеру дипломата. Она не знала в точности, что такое дипломат, но звучало это очень значительно. А сейчас Реймонда нет — а все продолжают говорить только о нем. Кроме доктора Крампа. Он хочет поговорить о ней.

Она приложила ухо к стене и прислушалась.

— Ах да, Оливия, — произнесла миссис Крамп так, словно позабыла, что у Реймонда была сестра. — Да, это благословение Господне, что она есть. Но не могу отделаться от мысли, что Джо и Шарлотта пережили бы утрату дочери легче, чем смерть сына. Мальчик всегда был для них смыслом жизни.

— Дора, ты не должна так говорить. — Голос доктора Крампа звучал крайне недовольно. — На все Божья воля. — Он кашлянул и замолчал.

Поскольку пауза затянулась, Оливия прикрыла глаза и попыталась осмыслить то, что услышала. Мама и папа хотели бы, чтобы она умерла вместо Реймонда? И поэтому они теперь все время велят ей идти играть с Инес?

Холодок пробежал по спине Оливии, комок подкатил к горлу. На какой-то миг ей захотелось заплакать, но, сдержавшись, она открыла глаза и оглядела просторный холл здания, которое всегда считала своим домом.

Теперь это не ее дом. Здесь жил Реймонд, и он не должен был умереть. Миссис Крамп сказала, что ее родители гораздо легче пережили бы потерю дочери…

— Оливия! Ты что это, подслушиваешь?

Оливия подпрыгнула от неожиданности. Ее

мать в черном шелковом платье спускалась по лестнице.

— В самом деле, Оливия, ты уже должна понимать, что можно делать, а чего нельзя. Где Инес?

— Я не знаю.

— Ну так пойди и поищи ее.

Мать помрачнела, опустила голову и сразу же утратила всякий интерес к девочке. Ее лицо оставалось таким же скорбным, когда она вошла в гостиную, где беседовали мистер и миссис Крамп.

Оливия услышала голос доктора Крампа.

— Ну же, Шарлотта. Попытайтесь вспомнить то счастье, все радостные моменты, связанные с Реймондом.

Поднимаясь по лестнице с прижатыми к глазам кулачками, Оливия расслышала ответ матери, прозвучавший сквозь слезы:

— Я именно это и делаю, доктор. И никак не могу смириться с тем, что все это в прошлом.

В прошлом? Счастье? Радостные моменты? Потому что Реймонд умер?

Оливия толкнула дверь в свою спальню и подошла к окну, за которым раскинулся сад.

Оливия любила сад. Она знала, что их большой дом на Марин-драйв называется «Кедры» и что

он один из самых красивых в Ванкувере, но ей никогда не позволяли бегать по дому. Другое дело сад. Там можно было бегать сколько угодно. Сад был полон цветов, там росли вишневые деревья, порхали бабочки, а иногда можно было даже увидеть колибри.

Но сегодня бабочки и цветы не радовали ее, как обычно.

Что ж, если родители не любят ее так же сильно, как Реймонда, она тоже не станет любить их. Она никого не будет любить. С этой минуты она будет думать только о себе. Оливия стукнула каблучком туфельки в стену и обрадовалась, когда кусочек краски отлетел и упал на ковер. Возможно, для родителей она на втором месте, но сама для себя она всегда будет самой главной. И для Фантома.

Фантом ее любил. Она это точно знала, потому что пес всегда весело вилял хвостом, завидев ее, и прыгал, пытаясь лизнуть в нос.

Нахмурившись, Оливия уселась на розовый стул и обвела мрачным взглядом свою веселенькую розовую комнату. С сегодняшнего дня она не любит розовый цвет. Голубой выглядит значительно лучше. Она заставит маму изменить все в спальне. Это самый лучший способ, чтобы начать

превращаться в человека, который нисколько не беспокоится о других людях.

Когда спустя несколько минут Инес вошла в спальню, все покрывала и постель Оливии были на полу, а сама она деловито отрезала маникюрными ножницами оборки с обивки стула.

— Оливия! — завопила Инес. — Ты плохая девочка! Мама очень рассердится!

— Ну и пусть, — равнодушно ответила Оливия.

Мама не придала происшествию особого значения. Она окинула разгром в комнате равнодушным взглядом, вздохнула и велела Оливии оставить стул в покое.

Две недели спустя у Оливии появилась спальня в голубых тонах.

Глава 1

Люк был на полпути к вершине, по грудь в зарослях колючего кустарника, когда вдруг зазвонил мобильник. Чертыхаясь, он сунул записную книжку в карман, перебрался через корень поваленной ели и, приняв более или менее устойчивое положение, потянулся к телефону.

Женский голос на другом конце провода звучал официально и словно бы успокаивающе, что немедленно заставило его забеспокоиться.

— Это мистер Люк Харриман? Брат Розмари Харриман?

— Да, это я. Что с Розмари?

— С ней произошел несчастный случай…

— Несчастный случай? Ее жизнь в опасности?

— Не волнуйтесь, мистер Харриман. Приезжайте. Хотелось бы поговорить с вами лично.

— Скажите, что с ней случилось, — перебил Люк.

— Боюсь, не в наших правилах…

— Плевать на ваши правила. Просто скажите, что случилось.

— Хорошо. — Женский голос стал неестествен-

но сдержанным. — Ваша сестра приняла слишком много таблеток.

— Что? — Люк поскользнулся, потерял равновесие и шлепнулся на кучу колючих веток, все еще прижимая трубку к уху.

— Мистер Харриман, вы слушаете?

— Конечно, слушаю.

— Ваша сестра приняла их слишком много. Мы промыли ей желудок, и сейчас она отдыхает. Но, мистер Харриман, если бы мы могли поговорить с вами…

— Из какой больницы вы звоните?

Она сказала, и уже через несколько секунд, наскоро упаковав рюкзак, он буквально скатывался вниз по крутому склону. Банальные биологические исследования в рамках правительственной программы были абсолютно неважной вещью в сравнении с благополучием его сестры. В первую очередь Розмари, с того самого дня, четырнадцать лет назад, когда он стал для нее единственной опорой в жизни.

Розмари поморщилась, когда Люк прикоснулся к ее запястью.

— О-о, — простонала она.

Люк зарычал:

— Рози, ради всего святого… — Он замолчал и

покачал головой, не находя слов, чтобы выразить свои чувства.

— Что?.. — еле слышно спросила она. — Люк, почему я здесь? Это ведь больница, да?

— Ну конечно, больница. Разве ты не помнишь, почему здесь оказалась?

— Не совсем. Я знаю, что у меня сегодня утром не было занятий — это ведь было сегодня утром, правда? — и я готовилась к экзамену по английскому, когда… Ох! — Она прижала руку к голове.

— И что случилось, Рози?

Розмари опустила веки.

— Позвонил Майкл. Он сказал, что между нами все кончено, что он предпочел мне Оливию Франклин…

— Кто такая, черт побери, эта Оливия Франклин?

— Дочь Джо Франклина. Ну знаешь, один из этих богатеев. Какой-то финансовый магнат. Она учится вместе со мной.

— Понятно. И что ты делала после звонка Майкла?

— Я позвонила Оливии. Мне не следовало этого делать. Она просто посмеялась и назвала меня маленькой робкой мышкой.

Люк почти взревел:

— Робкая? Рози, не верь этому. Ты красавица и добрая и…

— Ты мой брат. А большинство мужчин не любят веснушки и светлые волосы. И потом, Оливия такая яркая и эффектная. Как Скарлетт О'Хара из «Унесенных ветром».

Люк выругался в ответ, и Розмари поспешно добавила:

— Как бы то ни было, Оливия получила Майкла, но сейчас она больше уже не хочет его.

— Рози… — Большая ладонь Люка коснулась ее запястья, не давая закрыть глаза руками. — Ты приняла целую кучу таблеток. Зачем ты это сделала? — Глаза Люка были полны боли. — Неужели ты не понимала, что эта крыса не стоит того?

— В тот момент нет. Я приняла таблетки просто потому, что не могла успокоиться, а потом еще немножко, потому что забыла… — Ее тонкие пальцы легли на его ладонь. — Прости. Пожалуйста. Как только я поняла, что натворила, я позвонила в «скорую помощь».

Люк посмотрел на белое лицо сестры и почувствовал, как стальной обруч стиснул его грудь. Он ведь мог ее потерять. И все из-за какого-то ничтожества — темноглазой бессердечной красотки.

— Рози, — сказал он, присаживаясь на краешек

кровати и беря ее маленькие руки в свои ладони. — Рози, ты ведь любишь меня?

— Конечно. Больше всех на свете.

— Тогда обещай мне, что больше никогда не сделаешь ничего подобного. Что бы ни случилось.

Голубые глаза слегка затуманились, и брови сошлись к переносице, образуя характерную фамильную морщинку.

— Хорошо, — согласилась она. — Обещаю.

Люк едва сдерживался, чтобы не огласить звериным рыком больничные стены. Как посмела эта ничтожная тварь, называющая себя мужчиной, поступить так с его сестрой? А что до Оливии Франклин, то эта маленькая дрянь заслуживает хорошего пинка.

Очутившись на свежем воздухе, Люк взял себя в руки. Черт его побери, если этот Майкл посмеет спать спокойно сегодня ночью. Люк посмотрел на окна палаты Розмари.

— Я разделаюсь с ним ради тебя, Рози, — громко заявил он.

Картины разбитого подбородка и кровоточащего носа не оставляли Люка всю дорогу до дома Майкла на Третьей Западной улице. Но здесь его мечты о мести столкнулись с неожиданным препятствием: оказалось, что Майкл уехал с бас-

кетбольной командой на сборы.

Люк, лишившись жертвы, поплелся обратно к своему грузовичку, но черная туча злобы продолжала клубиться внутри его. Оливия Франклин. Эта ведьма стала причиной боли, причиненной его сестре. И он должен ее найти.

Люк понял, что приехал по верному адресу, в тот же момент, как затормозил перед перестроенным кирпичным особняком с тенистой лужайкой и клумбами нарциссов и вереска.

Он постучал.

Дверь распахнулась через несколько мгновений, в течение которых Люк понял, что его рассматривают сквозь дверной глазок. Когда же он увидел женщину на пороге, то на несколько секунд почувствовал, что земля ушла у него из-под ног. Она была потрясающе красива.

— Привет, — сказала она таким глубоким голосом, что волосы у него на затылке встали дыбом. — Входите.

Люк вытер мгновенно вспотевший лоб.

— Вы меня не знаете, — сказал он.

— Нет, но я знаю вашу сестру. — Она улыбнулась, а он вновь почувствовал землю под ногами. — Я видела вас пару раз, когда вы заезжали за ней после занятий.

— Понятно, — произнес он, удивляясь, почему его голос звучит так надтреснуто.

Ведьма приподняла брови.

— Вы не хотите войти?

Чувствуя себя неловко, как озабоченный четырнадцатилетний подросток, Люк ступил на полированный паркет узкого холла, в глубине которого виднелась дубовая лестница, ведущая, по всей вероятности, в спальню. Он заметил на стенах несколько акварелей с изображением животных. Сразу за холлом располагалась светлая, уютно обставленная гостиная.

Только услышав за спиной звук закрывающейся двери, Люк догадался спросить:

— Вы Оливия Элизабет Франклин?

— Да, но большинство людей зовут меня просто Оливия.

Люк, все еще не полностью придя в себя, бросил через плечо:

— Значит, вы и есть та стерва, которая довела мою сестру до больницы.

Если бы он продолжал смотреть на нее, то не смог бы произнести эти слова. Она была слишком похожа на ангела, чтобы оказаться стервой.

— Что? — Оливия обошла его и стала прямо перед ним, недоуменно глядя своими огромны-

ми глазами. — Розмари в больнице? Что с ней случилось?

Это было произнесено так невинно. Но он был уверен, что на самом деле ей абсолютно безразлично.

— Она приняла таблетки, после того как вы увели ее парня. — Люк поглубже засунул руки в карманы джинсов. Оливия проследила за этим движением, и он отметил, как она облизнула нижнюю губу.

— О, бедняжка! Как это ужасно! Он этого не стоит.

Руки Люка сами собой сжались в кулаки. Неужели он всерьез полагал, что эта женщина похожа на ангела?

— Вам ведь наплевать, а? — сказал он.

— На Розмари? Да. Но не думайте, что только на нее. Мне вообще ни до кого нет дела.

— Кроме самой себя.

Ее полные губы изогнулись в улыбке, и ему захотелось тут же придушить ее. Это была самая лицемерная, самая фальшивая улыбка из всех, что он видел.

— Разумеется, — сказала она. — Если я не буду беспокоиться о себе, то кто же это сделает?

— Немногие, я полагаю, если обычно вы об-

ращаетесь со своими друзьями так же, как поступили с Розмари.

Она пожала плечами:

— Полагаю, так. Хотя, если это имеет какое-то значение, ваша сестра не относится к числу моих друзей. Зачем вы пришли?

Он сделал шаг вперед и теперь возвышался прямо над ней. Она ощутила аромат чего-то греховного и экзотического с легким оттенком запаха лимона.

— А вы как думаете?

— Не знаю. Думаю, вы обратили внимание на то, что я обратила внимание на вас.

Люк гневно фыркнул в ответ:

— Простите, что разочарую вас. Не поэтому.

— О! Какая жалость. — Она провела холеной рукой по мягким волосам, струившимся по плечам.

— Я пришел, потому что маленькая злобная ведьма разбила сердце моей сестры.

— Сердце поддается лечению, — проговорила Оливия. — Кроме того, не думаю, что во всем виновата только я. Майкл тоже имеет к этому некоторое отношение. Почему бы вам не разобраться с ним?

— Я пытался. Его нет в городе.

— Ах вот как. Значит, все достанется мне. И что

же вы собираетесь делать?

— Не знаю, — резко бросил он. — Но подумаю. Что бы вы сделали, если бы Розмари погибла?

— Сделала? Я ничего не смогла бы сделать. Возможно, огорчилась бы. Трудно сказать. — Она слегка наклонила голову. — Хотите знать, что на самом деле нужно вашей сестре?

— Что нужно моей сестре?

Он поднял руки, собираясь схватить ее за плечи, но затем опомнился и лишь засунул их поглубже в карманы.

— Стать самостоятельнее и не полагаться на вас во всех делах и проблемах. Никто не сможет причинить ей боль, если она сама не позволит этого.

Люк покачал головой, не в силах поверить тому, что слышит. Было совершенно очевидно, что это очаровательное бессердечное создание понятия не имеет о том, что такое настоящая боль.

— А вот что вам действительно необходимо… — произнес он, и руки в карманах судорожно сжались.

Оливия рассмеялась:

— Хотите меня проучить? Интересно, как у вас получится.

— Мисс Франклин, если вы когда-либо снова приблизитесь к моей сестре или к кому-нибудь,

кто ей дорог, клянусь, вы пожалеете об этом. Вы меня хорошо понимаете?

— Вполне, — ответила Оливия. Холодно улыбаясь, она сняла лист, запутавшийся в его волосах. — Вы не думаете, что вам следует немного почиститься? — И ее рука, опускаясь, легко скользнула по его груди.

Люк выругался про себя, отступил на шаг, развернулся и вышел.

На улице шел дождь. Глубоко вдохнув, он подставил лицо под тяжелые прохладные капли и только сейчас почувствовал, как пылает кожа.

Оливия стояла у окна, наблюдая, как Люк бредет по дорожке к своему грузовичку, припаркованному под деревьями.

Он был великолепным образцом мужественности. Ради него стоило потрудиться, хотя она не смогла бы себе внятно объяснить, чего именно хочет от этого парня. Может, послать его подальше, как и всех остальных. Но Люк, похоже, крепкий орешек. Сейчас он, конечно же, думал о ней как о мерзкой богатенькой девице. Было бы забавно заставить его изменить мнение.

Люк произвел на нее впечатление в первый же момент, когда она увидела его. Он сидел в грузовичке в ожидании сестры. Его густые темные

волосы, тяжелый подбородок, четко очерченный рот создавали впечатление неотразимой мужественности. Оливия позавидовала той улыбке, с которой он приветствовал сестренку. Никто не улыбался ей так с тех пор — о, она даже не могла припомнить с каких пор. Фантом, наверное, улыбнулся бы, если бы умел, но бедный Фантом умер от старости вскоре после того, как ей исполнилось двенадцать.

Оливия нахмурилась, как всегда, когда имела неосторожность вспомнить тот злополучный день рождения.

Реймонда к тому моменту уже давно не было, и родители оправились от первой острой боли утраты. Жизнь продолжалась, и отец заявил, что, хотя эта боль останется с ними навсегда, они должны научиться принимать неизбежное.

Оливия полагала, что это правильно, хотя ни на миг не забывала о клятве, которую дала себе после смерти Реймонда. Она изо всех сил старалась не добиваться любви и тепла, которых ей всегда не хватало. Но постоянно ее решимость ослабевала. Возможно, миссис Крамп была не так уж права…

За несколько недель до дня рождения Оливия решила спросить, не может ли она устроить

настоящую вечеринку по поводу своего двенадцатилетия, и родители охотно согласились.

Полная радостных ожиданий, Оливия составила список друзей, которых хотела бы пригласить: все ее одноклассники из дорогой частной школы и кузина Маргарет.

А потом, за четыре дня до праздника, Джо Франклин объявил, что должен уехать в Нью-Йорк.

— Но ты пропустишь мою вечеринку, — захныкала Оливия.

— Вечеринку? — удивился Джо. — Ах да, конечно. Не беспокойся, я постараюсь успеть.

Оливия поверила ему и успокоилась, несмотря на то, что мама проводила в постели почти все время после его отъезда и ни с кем не хотела разговаривать.

Утром в день своего рождения Оливия проснулась с чувством какого-то звенящего нетерпения и подскочила, чтобы успеть одеться до того, как придет мама и велит не надевать парадное голубое платье до вечера.

Но ей не стоило так волноваться. Мама не пришла, а когда Оливия кинулась ее разыскивать, миссис Кавендиш, экономка, сказала, что мама ушла по магазинам вместе с миссис Крамп. И никакой вечеринки не планировалось. Как сооб-

щила миссис Кавендиш, миссис Франклин даже не взглянула на список гостей и, уж конечно, не озаботилась рассылкой приглашений.

В тот вечер Оливия не спустилась к обеду, а когда миссис Кавендиш послала за ней, сказала, что не голодна и неважно себя чувствует.

Позже мама заглянула к ней спросить о самочувствии, но выглядела при этом более раздраженной, чем обеспокоенной, поэтому Оливия ответила, что все в порядке. Когда же отец не вернулся даже к полуночи, Оливия улеглась в постель и плакала, пока вся подушка не промокла насквозь.

Слыша ее рыдания, Фантом открыл дверь и забрался к ней в постель. Остаток ночи она провела, обнимая его мохнатую шею.

Оливия пожала плечами. Она не нравилась Люку — велика беда. Давным-давно она оставила попытки завоевать чье-либо расположение. И в конце концов, стремление нравиться самой себе было гораздо более безопасно — это не причиняло боли. Но так или иначе она должна заставить Люка увидеться с ней еще раз, и первое, что необходимо для этого сделать, — попросить прощения. Это будет довольно легко.

Подождав минут двадцать, она полистала те-

лефонную книгу, затем сняла трубку и набрала номер.

— Да? — услышала она глубокий мужской голос.

— Люк?

— Да.

Определенно, он был не слишком общителен.

— Люк, это Оливия Франклин…

На том конце провода повесили трубку.

Черт! Он не хочет с ней разговаривать. Ну и что теперь?

Подождав немного, Оливия попробовала набрать номер еще раз. С тем же успехом, что и в первый.

Полтора часа спустя она вызвала такси.

Дом Люка выглядел не слишком представительно. В этом районе Ванкувера располагались дорогие красивые дома, но эта пятиэтажная коробка явно к ним не относилась.

Оливия нажала кнопку домофона:

— Это Оливия. Могу я войти?

— Нет. Убирайтесь прочь.

Домофон выключился. Оливия нажала кнопку еще раз и не отпускала.

— Я сказал «убирайтесь прочь», — повторил Люк.

— Не вешайте трубку, — взмолилась она. — Я пришла извиниться. И принесла вам кое-что.

— Мне не нужны извинения. И вообще ничего не нужно.

Оливия готова была нажать кнопку в третий раз, но тут подошел какой-то молодой человек и открыл ей дверь.

В комнате Люка работал телевизор, и, судя по всему, хозяин не расслышал стук в дверь. Она постучала снова, на этот раз более настойчиво, и наконец дверь распахнулась.

Оливия тут же просунула ногу в образовавшуюся щель.

— Как, черт побери, вы проникли в дом? — прорычал Люк.

— Могу я войти? — Оливия с удовлетворением заметила, что он успел принять душ и переодеться в чистые джинсы и свежую черную рубашку.

— Не можете. Уберите ногу.

— Не уберу. Я хочу поговорить с вами.

— Ах вот как! Ну хорошо. — Люк пожал плечами, с подозрительной готовностью признавая поражение, и сделал шаг вперед, за порог. — Говорите здесь.

— Простите, что я причинила боль Розмари. Я не хотела.

— Вы полагаете, что я в это поверю?

— Да, потому что это правда. Я не знала, как сильно она привязана к Майклу. А когда вы сказали, что она в больнице, я была настолько потрясена, что растерялась.

— Просто не успели придумать, что надо сказать в таком случае.

Оливия подумала, что сейчас можно бы и улыбнуться.

— И это тоже. Пожалуйста… мне в самом деле так жаль — и я хотела бы что-нибудь сделать, как-то помочь вам…

— Мне? Вам следовало бы помочь Розмари.

О, это осложнение не приходило ей в голову.

— Конечно, я это сделаю, — поспешно проговорила Оливия, — как только она выйдет из больницы. Но я хотела бы что-то сделать и для вас. Я… гм… купила билеты на спектакль. Это комедия. Мы еще могли бы успеть. Думаю, это помогло бы… ну, понимаете… немного развеяться, успокоиться.

— Я достаточно спокоен, благодарю вас.

Уфф! Все шло не так. Пора менять тактику.

— О, пожалуйста, — взмолилась Оливия, надеясь, что в глазах ее появились слезы, — этому приему она научилась в школьном драмкружке.

Когда нужно было заплакать, Оливия думала о Фантоме.

Люк сказал что-то, Оливия не расслышала. Она всхлипнула, и пара слезинок скатилась по ее щеке. Люк раздраженно сказал:

— О дьявол! Из-за чего вы ревете?

— Вы сердитесь на меня, — пролепетала она театрально.

— Конечно, я сержусь, вы, маленькая… Слушайте, прекратите это нытье — сию же минуту!

— Я н-не могу. — Оливия вытащила из кошелька театральные билеты. — Вот, возьмите. Пригласите кого-нибудь, если не хотите идти со мной.

— Не будьте идиоткой. И ради Бога, прекратите реветь.

Ага, это его слабое место… Он был из тех мужчин, которые не выносят женских слез.

— Я же сказала, что н-не м-могу, — повторила она, возвращаясь мыслями к бедняжке Фантому.

— О Бог мой, — пробормотал Люк. — Ну ладно, ладно, если я возьму эти чертовы билеты, вы успокоитесь?

Она кивнула, не поднимая головы, и протянула билеты. И снова громко всхлипнула.

— Ну а теперь в чем дело?

— Я понимаю, что вам неприятно мое общество, — сказала она, невинно моргая. Но пьеса вам понравится.

— Отлично, я сдаюсь, — сказал Люк голосом грешника, принимающего заслуженную кару. — Мы пойдем на ваш чертов спектакль. И после этого вы исчезнете из моей жизни. И из жизни Розмари. Идет?

Разумеется, нет. Но для начала это годилось. Оливия опустила веки, чтобы он не увидел торжества в ее глазах.

— Да, — сказала она, ангельски улыбаясь. — Конечно.

Глава 2

Люк стиснул руки на руле своего грузовичка. Пьеса и в самом деле оказалась забавной, но он совершенно не расположен был веселиться.

Дважды за день он совершил одну и ту же идиотскую ошибку — позволил симпатичной эгоцентричной бессердечной гарпии, которая в настоящий момент сидела рядом, командовать собой.

Он знал, зачем отправился к ней домой: ярость привела его к ее порогу. Но почему он согласился пойти на это чертово представление?

Розмари. Он должен думать о Розмари, которая так плакала, когда их мать умерла от аневризмы — ему тогда было тринадцать, а Розмари всего восемь. С тех пор для него стало естественной реакцией немедленно бросаться на помощь при виде слез. Через две недели после смерти матери отец застрелился, и Розмари рыдала, уже не останавливаясь. Все эти годы он прилагал столько усилий, чтобы не допустить ее новых слез…

Их отправили жить к тетушке и дядюшке на ферму в Фрейзер-Вэлли, хотя у тех было четверо

своих детей. Люк хорошо помнил тот день, когда они с Розмари появились на ферме: настороженные, потерянные и все еще не пришедшие в себя после событий, круто изменивших их жизнь. Дядя Питер был мрачен и неразговорчив. Но тетушка Лайла, надо отдать ей должное, старалась быть доброй и даже обрадовалась им. Кузены были откровенно недовольны их появлением, и Люк со старшим из мальчиков сцепились прежде, чем были распакованы чемоданы.

Люк и Розмари были сыты, одеты, но никогда не были любимы. И так уж получилось, что забота о сестре целиком легла на плечи Люка. Он никогда не считал такое положение дел обременительным — более того, ему сложно было смириться с тем, что Розмари выросла и превратилась в вполне самостоятельную двадцатидвухлетнюю женщину.

Люк бросил короткий взгляд на Оливию, причину нынешних страданий Розмари. Что превратило эту женщину в холодное эгоистичное существо? Или она такой и родилась?

«А может, вы просто ничего не понимаете в женщинах, Люк Харриман», — резко прозвучал в ответ внутренний голос. Люк попытался игнорировать его, хотя и в самом деле его отношения с

женщинами никогда не были продолжительными. Две последние подружки бросили его после того, как он отказался переехать к ним и…

— О чем вы думаете? — ворвался в его мысли глубокий голос Оливии.

Это надо прекратить, решил Люк. Он довезет ее до дома, и это будет последний раз, когда она встречалась с Люком Харриманом.

— Я думаю о Розмари, — ответил он.

— О, как бы я хотела что-нибудь сделать для нее.

— Держитесь от нее подальше. И от меня.

— Пожалуйста, конечно. Если вы считаете, что так будет лучше.

Оливия снова вздохнула, и остаток пути они провели в напряженном молчании.

— Вы не собираетесь проводить меня до двери? — спросила она, когда машина остановилась и Люк не двинулся с места.

Пожав плечами, Люк выпрыгнул из кабины и подошел к дверце с ее стороны. Она взглянула на него своими огромными глазищами так, словно прыжок вниз был для нее чем-то невозможным.

— Прыгайте, — почти приказал он.

Оливия прыгнула и, не удержавшись на ногах, прижалась к его груди.

— Ловко, — заметил Люк, отодвигая ее и приходя в бешенство от того, что его тело немедленно отреагировало на ее близость. — Ладно, пойдемте. Где ваш зонтик?

— Должно быть, оставила его в вашей машине. Нечаянно.

Нечаянно, черт побери, подумал Люк, возвращаясь за зонтиком. У этой дамочки в запасе множество фокусов.

Когда они подошли наконец к двери, он подождал, пока она достанет ключи, затем, бросив «Спокойной ночи», повернулся, намереваясь уйти.

Оливия вскрикнула.

Он помедлил. Что за игру она затеяла на этот раз?

Оливия снова закричала:

— Люк, Люк, вернитесь. Пожалуйста. Здесь мышь…

— Мышь не опасна, — ответил он, не оборачиваясь.

— Но я не смогу уснуть, зная, что она здесь. — Ее голос с каждым произнесенным словом становился все более испуганным.

— Где вы ее видели? — спросил Люк, неохотно возвращаясь и оглядывая небольшой пустой

холл.

— Думаю, она убежала в спальню.

Охо-хо. Люк взглянул на нее с подозрением, но глаза девушки были полны лишь тревоги и страха, и она так стиснула красный шелк своей блузки, что он мог видеть…

Он резко развернулся и направился к лестнице.

— Хорошо, давайте посмотрим. Где тут у вас спальня?

— Дверь направо.

Люк толкнул дверь и очутился в типично женской спальне: сине-белые занавески в цветах, антикварный туалетный столик с серебряными гребнями и множеством блестящих побрякушек. И легкий аромат духов Оливии, манящий и греховный.

И никаких мышей.

— Возможно, вам показалось, — сказал он, заглянув под кровать и осмотрев затем огромный платяной шкаф, набитый таким количеством одежды, которого он не видел у Розмари за всю ее жизнь.

— Нет-нет. О, пожалуйста…

— Послушайте, — заявил Люк, — я сделал все, что мог, и вы прекрасно знаете, что здесь нет и

никогда не было никакой мыши. — Он не знал, почему так уверен в том, что говорит. Оливия ни на миг не меняла своей напряженно-испуганной позы, и, черт побери, она была чертовски хороша в этот момент. И тем не менее он знал, что она лжет.

Он уже выходил из двери, и первые капли дождя коснулись его лица, как вдруг две тонкие руки сомкнулись у него на талии.

Дьявол. Неужели эта женщина не оставит его в покое? Он разжал пальцы, вцепившиеся в его ремень, и повернулся.

— Прекратите, — приказал он. — Я же сказал «нет».

Она опустила ресницы, как будто скрывая боль, терзающую ее сердце, и Люк, к своему ужасу, почувствовал себя виноватым.

Она была самой сексуальной, самой соблазнительной искусительницей из всех, кого он встречал, так что все попытки отвергнуть ее были просто смешны.

— Если вы немедленно не прекратите… — попытался пригрозить он, прекрасно понимая, как заметно его возбуждение.

— Что вы сделаете? — улыбнулась Оливия. Ее белоснежные зубы блеснули во мраке холла, а в

черных глазах светился вызов.

— Я… Дьявол! — Рычание, больше похожее на стон, вырвалось из его уст, когда Оливия запустила ладошку между его бедер.

После этого никаких сил сдерживаться не осталось. Он попытался было отодвинуться, но она только рассмеялась, и этот низкий, глубокий, волшебный смех окончательно сломил его самообладание. В конце концов, он был мужчиной. А она была женщиной — умной, коварной, опасной, но от этого еще более желанной.

Он закрыл глаза. Да. Пусть так. Он даст мисс Оливии Франклин то, чего она хочет — и, если быть до конца честным, чего он тоже хочет — и сразу же после этого их пути разойдутся.

Когда Оливия коснулась его ремня, он подхватил ее на руки и понес вверх по лестнице в бело-голубую спальню. На какой-то миг, взглянув в ее глаза, он поймал в них тень замешательства. Но потом, когда, уложив Оливию на постель, сорвал с нее красную шелковую блузку, не видел уже ничего, кроме совершенства ее груди. Помедлив, он прикоснулся к нежным соскам и, услышав ее вздох, приник к ним губами.

Ее бедра шевельнулись, и она прошептала смущенно и страстно его имя.

Люк сбросил пиджак, стянул рубашку и приподнялся, расстегивая ремень. Она смотрела на него внимательно и несколько недоуменно, в то время как он освобождался от джинсов.

Секундой позже, склонившись над ней, чтобы расстегнуть ее узкие черные брюки, он почувствовал, как она напряглась. Несколько удивившись, он медленно погладил ее бедра. Поскольку никакой реакции не последовало, он скользнул рукой дальше, лаская внутреннюю поверхность ног.

Глаза Оливии широко распахнулись.

— О-о, — простонала она, — пожалуйста, Люк…

— Все, что ты захочешь. — И он стянул с нее трусики.

Боже, она была великолепна. Но он уже не мог ждать, у него не оставалось сил насладиться красотой ее тела. Не сейчас, когда она обнаженная лежала перед ним, а глаза ее светились желанием…

Оливия двигалась в одном ритме с ним, как распутница, какой она и была, и, когда оба одновременно достигли пика, вдруг вскрикнула «Нет!», а потом «Люк!».

Через некоторое время, когда первый восторг страсти улегся, Люк потрясенно переспросил:

— Нет? Оливия, немного поздно для «нет».

— Да, конечно. Я не это имела в виду…

— А что же ты имела в виду?

Постепенно к нему возвращалась ясность сознания. Медленно, хотя, впрочем, не так уж и медленно, до Люка начало доходить, что он натворил.

В то время как его сестра лежит в больнице, он занимается любовью — нет, блудом — с маленькой испорченной дамочкой, из-за которой и произошли все несчастья. Как он мог? Его скрутило от отвращения к самому себе.

— Я даже не могла представить, что это может быть так чудесно, — услышал он тихий голос Оливии.

Она была права: это было незабываемо. Оливия Франклин была чертовски хороша в постели, что удивительно, учитывая… О нет! Как она сказала? Что она не знала…

О черт, дьявол, проклятие! Этого не может быть! Только не эта испорченная маленькая ведьма, с телом богини и уловками опытной развратной кошки. Хотя она вся напряглась, когда…

Люк закрыл глаза.

— Оливия, — произнес он, — это было для тебя в первый раз?

Она не ответила, и он повернул голову, чтобы

посмотреть на нее.

Она улыбалась ему нежной улыбкой, от которой все внутри замерло.

— М-м, ну да. Я, признаться, не думала, что мы зайдем так далеко. Но я рада, что все так получилось.

На этот раз она не лгала. Он готов был поклясться чем угодно.

— Черт! — произнес он вслух.

Оливия хихикнула:

— Что, все так плохо?

— Даже хуже, чем ты думаешь. Приподнявшись на локте, он посмотрел на ее прекрасное обнаженное тело, расслабленно раскинувшееся на постели. — Прости. Если бы я знал…

— Что бы ты сделал, если бы знал? — ангельски улыбнулась она. И Люк едва удержался, чтобы вновь не броситься на нее.

— Ничего. Совершенно ничего, — с чувством ответил он.

— Тогда я рада, что ты не знал.

— Но почему я?

Он лег на спину и уставился в белоснежный потолок.

— Не поняла…

— Почему ты выбрала меня, чтобы… — Он

провел рукой по мгновенно вспотевшему лбу. — Чтобы я стал первым.

— Я и не выбирала. Я просто хочу, чтобы ты остался.

— Зачем?

Она долго молчала, а когда наконец заговорила, Люк был уверен, не сказала всей правды.

— Ты не такой, как большинство мужчин. Тебя трудно поймать. А мне нравится принимать вызов.

— Я не форель, чтоб меня ловить, — огрызнулся он. — И сейчас, когда ты все-таки подцепила меня, тебе придется все же меня выпустить.

— Ты определенно не похож на форель, — согласилась она, — но что, если я не собираюсь выпускать тебя?

— Придется, — сказал он. — Я не шучу, Оливия. Это не повторится.

— Из-за Розмари?

— Да. Кроме всего прочего.

Последнее, что ему сейчас было нужно в этой жизни, это лживая маленькая интриганка, вроде той, которая лежала сейчас перед ним. Но ей совершенно ни к чему говорить об этом. Он только что получил от нее такой подарок, который в жизни не получал ни от одной женщины.

Оливия провела кончиками пальцев по его груди.

— У тебя красивое тело, — сказала она. — И так мало волос на груди.

Люк вздрогнул, когда ее рука двинулась ниже.

— Не делай этого, — сказал он. — Оливия, хватит.

— Но почему? — Она убрала руку с явной неохотой. — Я не хочу, чтобы все вот так закончилось.

— Не всегда получаешь все, что хочешь.

— Почему же? Я всегда получала то, что хотела.

Ее искренность поражала.

— Тебе повезло. Но, видишь ли, я не твой папочка, чтобы удовлетворять все твои прихоти и капризы.

— Он этого и не делает. Я вообще его не видела с тех пор, как поступила в колледж.

— Хотя он оплачивает все это? — Люк обвел рукой шикарно обставленную комнату.

Оливия пожала плечиком:

— Через год у меня будут собственные деньги. Мать оставила мне наследство, и я вступлю в права наследования, когда мне исполнится двадцать три.

Ей было двадцать два года, как и Розмари? И

уже такая холодная и хищная, как акула.

— Не уходи, — сказала Оливия. — У нас впереди целая ночь.

— Нет. — Люк встал, повернулся к ней спиной и принялся натягивать джинсы. — Некоторым приходится зарабатывать на жизнь, а я работаю гораздо лучше, если высплюсь.

Не похоже, что ему удастся заснуть…

— А чем ты занимаешься? — спросила она.

Люк решил быть сдержанным и отвечать как можно более коротко.

— Я биолог. Работаю в комитете по охране окружающей среды.

— И чем занимается этот комитет?

Он натянул рубашку через голову.

— Мы исследуем природные районы, которые предполагается застраивать, и составляем рекомендации для правительственных органов о том, что необходимо сделать для сохранения флоры и фауны, оказавшихся под угрозой. Мы также разрабатываем альтернативные программы развития, проекты восстановления естественной среды обитания и… — Он замолчал, заметив ее рассеянный взгляд. — Мне продолжать, или ты уже засыпаешь?

Оливия не обратила внимания на насмешку в

его голосе.

— И тебе нравится работать на кого-то?

— Не особенно. Я не собираюсь всю жизнь на кого-то работать.

— Ты собираешься начать свое собственное дело?

— Да.

Оливия, нагишом лежавшая на кровати, протянула руку:

— Пожалуйста, не уходи.

— Я должен, — сказал он, стараясь не смотреть на нее. — Послушай, Оливия, мне жаль, что все так получилось… и, поскольку это не может повториться, лучше нам попрощаться и покончить с этим. — Он помолчал и добавил: — Ты была великолепна.

Совершенно не собираясь этого делать, он захлопнул дверь слишком резко, словно подчеркивая окончательность своего ухода.

Он был уже на полпути к своей квартире, как вдруг осознал, что, хотя они занимались любовью с невероятной страстью, он ни разу не поцеловал женщину, которая осталась сейчас в одиночестве в своей постели.

Оливия смотрела, как рассвет занимается над елями в дальней части сада. Если Люку удалось

выспаться сегодня ночью, значит, он везучий человек. А она так и не сумела заснуть.

Это было нечестно. За все годы, что мужчины ухаживали за ней, она ничего от них не хотела, и вот теперь, когда она наконец-то нашла того, кого хотела, он отказался от нее. По дурацкой причине.

Как он посмел отвергнуть ее? Она ему покажет. И когда он будет полностью в ее власти, вот тогда-то она отплатит ему той же монетой. В следующий раз он будет брошен в одиночестве.

Но не сразу. Она будет держать его до тех пор, пока ей хочется заниматься с ним любовью. Мечтательно улыбаясь, Оливия провела ладонями по своему плоскому животу и задумалась о том, чем они займутся в следующий раз, когда она получит этого мужчину. Она надеялась, что это произойдет довольно скоро.

Несколько дней спустя, когда Люк вернулся вечером с работы, Розмари ждала его дома.

— Что случилось? — спросил он, сразу заволновавшись. — Тебя кто-то расстроил?

— Оливия Франклин, — буркнула она, нервно листая журнал. — Она имела наглость позвонить и пригласить нас на ужин.

— Нас? — переспросил Люк.

— Да. Думаю, она собирается подать меня в качестве основного блюда. Под соусом с каперсами.

Люк не поддержал шутки:

— Она не сказала, зачем нас приглашает?

— Нет. — Розмари отбросила журнал. — Она сказала, что хочет исправить недоразумение. Но в ее голосе не было и тени раскаяния.

— Что ты ей сказала?

— Что мы заняты.

— И она приняла это объяснение?

— Нет. Но я повесила трубку.

Губы Люка изогнулись в усмешке, которая больше напоминала гримасу.

— Отлично. Она не перезвонила?

Розмари нахмурилась. Она готова была поклясться в этот момент, что ее брат знаком с Оливией. Но это невозможно. Неделю назад он и не подозревал о ее существовании.

— Нет, — ответила она. — А почему ты спрашиваешь?

— Просто так.

Оливия, слишком взволнованная, чтобы сидеть дома после прерванного телефонного разговора, мерила шагами узкий газон, отделявший песок Джерико-Бич от дороги. Какое право имела эта маленькая глупая мышка отвергать ее при-

глашение от имени Люка? Если бы не Розмари Харриман… Если бы не Розмари Харриман, увещевала ее разумная часть сознания, ты никогда не встретилась бы с ее братом.

Сунув руки в карманы стильных джинсов, Оливия любовалась горными вершинами вдали, освещенными солнцем. И почему Розмари оказалась такой упрямой? Она совсем не такая бесхребетная, какой всегда ей казалась. Если бы она была абсолютно безвольна, то, конечно, приняла бы приглашение на обед как своего рода оливковую ветвь примирения.

Отлично. Оливия приняла решение. Нет смысла хныкать по поводу того, что не в силах изменить. План номер один провалился. Пришло время вводить в действие план номер два…

Наконец-то дома. Люк припарковал грузовичок и выпрыгнул на тротуар. Сегодня у него был трудный день. Как было бы сейчас здорово вытянуть ноги и пропустить кружечку прохладного пива перед ужином.

Когда он поворачивал за угол, нечто красное мелькнуло в кустах, привлекая его внимание. Он помедлил. За этими кустами, рядом с входом, не должно быть ничего красного. Что за?..

Нет. Это невозможно. Она не станет…

Но уже говоря себе это, Люк знал, что она-то как раз станет. И когда Оливия Франклин появилась из-за кустов и рухнула у его ног, вся окутанная облаком красной ткани, подчеркивавшей каждый изгиб ее пленительного тела, он понял, что даже не удивлен.

Глава 3

Люк был совсем не рад видеть ее. Она поняла это по выражению его глаз.

— Поднимайся, — резко сказал он.

Оливия попробовала приподняться, осторожно оперлась на ногу и поморщилась от боли:

— Думаю, я что-то сломала.

— Отлично. А теперь поднимайся.

— Я н-не могу. — Она смотрела на него с восхищением. Такой мужественный и темпераментный, такой привлекательный. — Я в самом деле не могу, — повторила она, добавляя дрожи в голос.

Когда и это не произвело эффекта, она попыталась приподнять подол своего красного платья, демонстрируя стройное белое бедро.

Люк, выглядевший крайне недовольным, протянул руку:

— Розмари рассказывала мне, что ты блистала на школьной сцене.

Чертова Розмари!

— Да, верно, — призналась Оливия, принимая протянутую руку. — И в музыке. Но в основном я

интересуюсь более практичными вещами.

Он помог ей подняться, не проявляя ни малейшего внимания и осторожности в отношении предположительно сломанной ноги.

— А теперь соберись с силами и убирайся отсюда.

Оливия вцепилась в его руку, опираясь на нее всем весом:

— Я в самом деле что-то там повредила. Не думаю, что смогу идти без посторонней помощи.

— Прекрасно, я вызову «скорую помощь».

— О, в этом нет необходимости. Если бы я смогла немного передохнуть у вас…

— Не сможешь. Я сказал, что все кончено, Оливия. Почему ты не хочешь смириться с этим и найти другого простофилю для плотских утех?

Отлично, он не намерен сдаваться. Ни на секунду. Попробуем по-другому.

— Люк, — прошептала она, уже готовясь пустить так необходимую сейчас слезу. — Я в самом деле скучаю…

— Ты не можешь скучать по мне. Ты едва меня знаешь.

— Я знаю тебя. Очень хорошо. Ох!

Ноги ее подогнулись, и, чтобы не упасть, она вцепилась в плечи Люка, припав к его груди и

слегка изогнувшись, чтобы теснее прижаться к нему. К ее радости, ответная реакция его тела не замедлила последовать.

Это было не безнадежно. Он все еще хотел ее, хотя и не намерен в этом признаваться. Оливия слегка шевельнулась, продолжая прижиматься к нему.

— Зачем ты явилась? — требовательно спросил Люк.

Оливия смотрела, как капельки пота выступают у него на шее. Это, конечно, был жаркий майский день, но не настолько же.

— Потому что я хочу тебя, — сказала она, улыбаясь так, что любой другой мужчина немедленно рухнул бы к ее ногам. Любой другой, но не Люк.

— Я тоже хочу тебя, — сказал он. — В своей постели, но не в своей жизни. Поэтому ничего не получится.

— Я никому не нужна, — сухо сказала Оливия, высвободилась из его объятий и прислонилась к пыльной кирпичной стене.

Люк задумался. Ее слова звучали серьезно. Черт возьми, что же превратило ее в столь необычную женщину? Он полагал, что никогда этого не узнает, потому что чем больше смотрел на нее, тем больше убеждался, что этой женщины следует

избегать любой ценой.

— Послушай, — сказал он мягко, — я знаю, что ты не понимаешь этого, но большинство мужчин — порядочных мужчин — хотят испытывать еще какие-то чувства, помимо вожделения, к женщине, с которой занимаются любовью. Один раз, конечно, может произойти все, что угодно, но это будет лишь один раз. Поэтому, пожалуйста, будь хорошей девочкой и забудь о нас с Розмари.

— Оставь свой снисходительный тон, — огрызнулась Оливия.

Люк изо всех сил боролся с желанием взять ее прекрасное, злобное лицо в ладони и прижаться поцелуем к мягким горячим губам. Рассерженная, она была еще милее. Глаза сверкали, как темные бриллианты, кожа раскраснелась.

— Я не собирался быть снисходительным, — сказал он. — И прошу прощения, если тебе так показалось. Просто у меня был очень тяжелый день, и Розмари ждет меня к ужину. Хочешь, я вызову тебе такси?

— Нет, благодарю. У меня «мерседес».

Последние слова она произнесла, надменно кивнув, и Люк подумал, что таким образом она пытается сохранить достоинство.

— До свидания, Оливия. — Он улыбнулся и при-

коснулся к ее щеке.

Июнь прошел, не принеся с собой никаких известий от Оливии, и Люк начал думать, что больше никогда ее не увидит. Иногда ночами он сожалел о том, что оттолкнул ее тогда, но при свете дня каждый раз понимал, что иного выбора просто не было.

Розмари, оправившаяся от тоски по Майклу, сдавала экзамены и казалась вполне довольной результатами. И в этой июльской жаре весенние дожди казались чем-то далеким и почти нереальным. Поэтому, когда однажды тихим вечером зазвонил телефон, Люк снял трубку, не ожидая никаких неприятностей.

— Люк? — произнес голос, который он так старался забыть. — Это ты?

Он отложил в сторону наполовину разгаданный кроссворд и отставил недоеденный ужин.

— А кого ты рассчитывала услышать? Оливия, я же сказал…

— Да-да, я знаю, что ты сказал, и оставила тебя в покое. Но сейчас уже не могу. Я должна тебе кое-что сказать. Ты должен знать об этом.

— Хорошо, говори.

— Я предпочла бы поговорить с тобой лично, — сказала Оливия.

— Не сомневаюсь. Но этого не будет.

Оливия, должно быть, почувствовала, что он намерен прервать разговор, и поспешно воскликнула:

— Люк, пожалуйста, не вешай трубку! Я беременна.

Несколько секунд, которые показались часами, он не мог произнести ни слова. Потом, взяв себя в руки, переспросил:

— Что ты сказала?

— Я сказала, что беременна.

Так спокойно, без всяких эмоций. Он провел ладонью по лицу. Невероятно. Оливия Франклин не может быть беременна от него. Такая безответственность не в его характере.

— Это невозможно, — сказал он.

— И тем не менее.

— Это не мой ребенок.

— Люк! Как ты можешь? Ты же знаешь, что ты единственный мужчина, с которым я… Что никого, кроме тебя, не было.

— Я не верю тебе.

— Это правда. И я могу это доказать. Пожалуйста, можем мы в конце концов встретиться и поговорить?

Люк застонал и бросил безнадежный взгляд на

остатки ужина.

— Хорошо. Где?

Он не мог отказаться от встречи с ней. В противном случае всю оставшуюся жизнь он гадал бы, его ребенок или нет родился у женщины, с которой он провел единственную ночь.

— Ты мог бы прийти ко мне, — сказала Оливия.

— Нет. — Реакция Люка была мгновенной, порожденной естественным чувством самосохранения.

— Тогда в кофейне «Элида». Знаешь, где это?

— Да. Кажется, это модное заведение на Четвертой авеню?

— Именно так. Мы можем встретиться там через полчаса?

— Через час. — Люк ответил так лишь потому, что ему нужно было время, чтобы успокоиться и привести мысли в порядок.

— Отлично. Встретимся через час.

Оливия сидела за столиком у окна и поглядывала на стильные розовые часы за стойкой. Он опаздывал на три минуты, но, конечно, придет. Она знала это наверняка. Люк был из тех мужчин, что держат слово.

Бородатый мужчина и рыжеволосая девушка

вошли в кафе, держась за руки, и сели за розовый столик напротив, не отрывая глаз друг от друга. Оливия вдруг почувствовала, что в душе шевельнулось чувство, абсолютно ей незнакомое. Она задумалась. Это не могла быть зависть, поскольку она всегда презирала подобные публичные выражения чувств…

Звук отодвигаемого стула заставил ее вздрогнуть.

Люк, одетый в голубую рубашку с короткими рукавами и простые джинсы, сел напротив нее, положил ладони на стол и спокойно сказал:

— Итак?

Оливия попыталась заглянуть в его глаза, не сумела, нервно отхлебнула кофе и равнодушно спросила:

— Выпьешь что-нибудь?

— Нет. Я жду объяснений.

Она уставилась в свою чашку.

— Наверное, эта штука порвалась, — наконец проговорила она.

— Какая штука?

Она нервно расправила юбку, которую выбрала именно из-за ее пристойного вида.

— Пре… презерватив.

— Нет. Ничего подобного.

Ну ладно, она знала, что он на это не купится, но все равно стоило попробовать.

— Я была у врача, — продолжала она. — У меня будет ребенок.

— Вполне возможно. Но я не думаю, что имею к этому какое-то отношение.

Его голос, твердый и недружелюбный, подтвердил ее предположения. Люк Харриман не намерен становиться жертвой.

— Но у меня больше никого не было, — настойчиво повторила она, умоляюще глядя на него. — Ты должен мне поверить.

— С чего бы вдруг? — Его губы превратились в узкую полоску, глубокая складка прорезала лоб.

— Потому что это правда. Зачем мне лгать?

В углу стойки загудела кофеварка. Когда шум стих, Люк сказал:

— Возможно, привычка. Но ты можешь иметь и множество других причин.

— Назови хотя бы одну.

— Деньги.

Она покачала головой:

— Нет, думаю, нет. У меня их более чем достаточно.

— М-м. Пожалуй… — Он помолчал, потом проговорил, с трудом выталкивая слова: — Ты могла

вообразить, например, что влюблена…

— Но я не влюблена, — ласково улыбнулась Оливия. — Я просто хочу, чтобы у моего ребенка был отец.

Она подождала, пока эти тщательно продуманные и отрепетированные слова возымеют эффект, наблюдая целую гамму переживаний на лице Люка. Сомнение, неверие, подозрение и наконец, осознание возможности того, что она говорит правду.

Да! Это сработало. Оливия скрестила руки на груди. Если она правильно разыграет карты, Люк непременно поверит, что ребенок его.

— Откуда я знаю, что ты действительно беременна? — спросил он.

Она знала, что он спросит об этом.

— У меня есть справка от моего врача. Я сказала ему, что ты можешь не поверить.

— Понятно. Полагаю, справка у тебя с собой?

— Да, — ответила она, — я принесла справку с собой.

Люк протянул руку и заметил, что она делает вид, будто роется в сумочке. Она прекрасно знала, где лежит эта чертова справка. Протягивая ему листок, она изобразила то, что, видимо, по ее представлениям, было победной улыбкой.

Он пробежал глазами по странице: «…подтверждаю, что беременна… срок два с половиной месяца» и подпись — «Энтони Крамп, доктор медицины».

Люк перечитал еще раз, все время непроизвольно ероша волосы.

— Откуда я знаю, кто это написал? — Он небрежно бросил справку на стол.

Оливия вполне была способна подделать и справку, и подпись врача.

— Но… — захлопала она длинными ресницами. — Он всю жизнь был моим врачом. Почему бы тебе не поговорить с ним?

— Хорошо. — Он снова взял справку и посмотрел на адрес врача. — Я так и сделаю.

Он рассчитывал, что Оливия готова будет отступить после этого, но она лишь кивнула, удовлетворенная его согласием.

Люк не был любителем выпить, но сейчас он напивался.

Прошло два дня с момента их встречи с Оливией, и он только что вернулся от доктора Крампа. Старый доктор, видимо, был уже на пенсии, но продолжал консультировать нескольких давних своих пациентов, в числе которых, как он заверил Люка, была Оливия.

— Ну конечно же, она беременна, — проворчал доктор в усы. — Надеюсь, вы не пытаетесь увиливать от ответственности, молодой человек. Бедная маленькая Оливия! Я знаю ее с рождения. И очень люблю. Вы должны быть очень добры и бережны с ней, слышите?

Люк слышал, именно поэтому он сейчас торчал в баре одного из отелей, пытаясь забыться. Ее ребенок не может быть от него. Конечно, неожиданности случаются, но он бы знал… так ведь?

К тому времени как он прикончил еще три порции виски, зеркало за стойкой отражало гораздо больше голов, чем было в баре. Он встал, подождал, пока комната перестанет вращаться, и поплелся к выходу.

Презрительный голос насмешливо бросил: «Не туда, чудак» — за секунду до того, как он воткнулся лицом в стену. В этот момент его замутненное алкоголем сознание несколько прояснилось, и он понял, что должен взять себя в руки. С трудом отлепившись от стены, он сосредоточился и, держась неестественно прямо, наконец вышел.

На следующее утро Люк уже знал, что делать. Около десяти часов он позвонил Оливии и назначил встречу на Джерико-Бич. Прогноз обещал дождь, но это его не беспокоило.

Оливия сидела на бревне с высоко задранными коленками. В белых шортах и легком черном топе она выглядела как русалочка из сказки, которую мама читала ему в детстве. Сходство сохранялось, пока она не повернулась к нему лицом. И тогда стала той, кем была, — женщиной, которая владела его мыслями в течение трех месяцев, женщиной, держащей в своих нежных белых руках то, что осталось от его жизни.

Он сел на другой конец бревна.

— Я хочу знать правду, — сказал он, не отводя взгляда от ее очаровательного профиля.

— Разумеется. — Ее голос был тихим и мягким, как ветерок, шелестящий в кронах деревьев. — Но я уже сказала тебе правду.

— В самом деле? Посмотри на меня, Оливия.

Нехотя она перебросила ногу через бревно и села поудобнее, подняв на него глаза.

— Да? Я слушаю.

— Этот ребенок, которого ты носишь… Ты можешь, глядя мне в глаза, поклясться всем святым, что у тебя не было никого, кроме меня? И не вздумай лгать мне сейчас.

Оливия улыбнулась нежно и печально, а выражение ее глаз заставило Люка почувствовать себя последним негодяем.

Глава 4

Оливия провела языком по губам и почувствовала, что они соленые. Она видела напряженные мускулы под темносиней футболкой, обтягивавшей грудь Люка. Было совершенно ясно, что успех ее последнего плана зависит от того, как она сейчас ответит.

Странно, но ей не нравилось обманывать Люка. Не то чтобы это имело большое значение, поскольку ничего по-настоящему святого для нее не было — но сейчас, под его пристальным взглядом, ей стало не по себе.

Губы, казалось, стали еще солонее.

— Нет. Я не занималась любовью ни с кем, кроме тебя. Я просто не хотела. — По крайней мере последнее утверждение было правдой.

Глаза Люка все еще были полны сомнения. Что еще сказать, чтобы убедить его? Есть еще один ход… Правда, Люк может поймать ее на этом…

— Если ты не веришь мне, мы можем сделать анализ ДНК, — сказала она.

Он не шевельнулся, никак не отреагировал, но она сразу же поняла: что-то в нем изменилось.

Через несколько секунд он кивнул и, к ее невыразимому облегчению, расслабился.

— В этом нет необходимости, — сказал он. — Не знаю почему, но я верю тебе. И что ты хочешь, чтобы я сделал?

Оливия не ожидала этого, не рассчитывала, что он примет на себя такую ответственность без сопротивления. Это делало достижение цели менее приятным, менее триумфальным. Она глубоко вдохнула и ответила так сдержанно и спокойно, как могла:

— Пожалуйста, женись на мне.

— Пожалуйста? — Люк издал звук, напоминавший звериный рык, и вскочил. — Пожалуйста? Ты как будто просишь передать соль!

— Я просто стараюсь быть вежливой.

Люк схватился руками за голову, словно не в силах поверить тому, что слышит.

— Значит, ты хочешь этого ребенка?

— Ну конечно. Я хочу твоего ребенка.

Если бы это не зацепило его, ничего бы не случилось — хотя хорошо, что в этот момент он не видел ее лица.

— Брак — это навсегда, как известно. — Люк скрестил руки на груди, и она смотрела, как ветер играет его волосами.

«Так вот как ты к этому относишься». Оливия чуть не произнесла это вслух. По ее мнению, брак должен длиться столько времени, сколько ей будет нужно. И ее единственная цель — продемонстрировать Люку Харриману, что он не может просто так безнаказанно отвергнуть ее. Мужчины никогда от нее не отказывались — это она отвергала их. И совсем нелегко было ждать целых два месяца, чтобы наконец осуществить месть.

— Разумеется, брак — это навсегда, — произнесла она тем мягким тоном, который всегда использовала, чтобы создать у мужчин иллюзию ее собственной мягкости и нежности. — Это так много для тебя значит?

— Да, — сказал он, — так много. Ребенок не виноват, что я не смог удержаться. Я хорошо знаю, что значит быть нежеланным, и не хотел бы, чтобы мой ребенок испытывал подобные чувства.

— Я тоже была нежеланным ребенком, — помолчав, заявила она.

— Не будь смешной. У тебя были любящие родители, которые обожали тебя.

— Неправда. Мама погибла в автокатастрофе, когда мне было семнадцать. Но в любом случае родители никогда не любили меня. Они притво-

рялись, но на самом деле не испытывали никаких чувств. После того, как погиб мой брат.

— Ерунда. Зачем бы им притворяться?

— Это не ерунда. Они всегда больше любили Реймонда.

— С чего бы это? Думаю, он был таким же испорченным ребенком, как и ты.

— Ты не слишком добр. — Шмыгнув носом, она опустила глаза и принялась ковырять песок носком туфли.

— Я и не собирался. — Оливия промолчала, и он произнес менее агрессивным тоном: — Хотя, пожалуй, ты права. Не могу притворяться, что я счастлив от этих новостей. Но если нам предстоит с этим разбираться, можем попробовать поладить.

— Так ты намерен жениться на мне? — спросила она вновь, чтобы быть до конца уверенной.

Люк шагнул к ней и резко остановился.

— Ты действительно этого хочешь? Выйти замуж за человека, который тебя не любит? Я в любом случае буду заботиться о ребенке…

— Мне не нужны деньги. Я хочу иметь мужа.

— Да. Я понял. Полагаю, ты имеешь право рассчитывать на это. — Взгляд, которым он смерил ее, был мрачен, и игнорировать его было

невозможно. — Оливия, брак — это не игра. Это обязательства, которые принимаются на всю жизнь. Ты не можешь сначала решить, что тебе нужен отец для ребенка, а потом в любой момент передумать.

Люк чувствовал и понимал все очень хорошо, но в этом случае он ошибался: она могла изменить свое решение в любой момент. Именно это она и сделает.

— Я знаю. — Она встала и подошла к нему. — Я хочу этих обязательств, Люк. Ради нашего ребенка.

Эта фраза была очень кстати. Как раз в прошлом месяце она репетировала ее в театре. Люк нахмурился, и она поняла, что он не до конца поверил.

— Отлично, — сказал он, — но не пытайся пробовать на мне эти свои штучки, Оливия. Я женюсь на тебе и сделаю, черт побери, все, что от меня зависит, чтобы это был нормальный брак. Можешь ли ты сказать о себе то же самое?

— Ну конечно. — Глядя в его глаза, она попыталась в улыбке выразить соответствующие чувства.

Люк глубоко вздохнул и, взяв ее лицо в ладони, поцеловал.

Она думала, что это будет короткий поцелуй, своего рода знак, скрепляющий сделку. Видимо, он тоже на это рассчитывал. Но почти сразу поцелуй превратился в нечто большее. В тот момент, когда их губы соприкоснулись, он скользнул руками ниже, обнимая ее бедра и теснее прижимая их к себе. Эротические воспоминания моментально вспыхнули в мозгу, и огонь, который они сдерживали в течение двух месяцев, превратился в бушующее пламя.

Язык Люка проникал все глубже, и все остальное потеряло значение. Остался только шум моря, руки, обнимавшие ее… и его губы. Теплые, нежные, удивительно страстные губы…

И вдруг наслаждение было прервано горстью песка, брошенной у их ног. Прямо рядом с ними послышался детский смех, сопровождаемый раздраженными нотациями смущенной матери.

— Пойдем домой, — прошептала Оливия.

В этот миг упали первые капли дождя.

— Нет. — Люк с усилием оторвался от нее. — Давай не создавать дополнительных проблем. — Уголки его рта скривились в циничной усмешке. — Хотя, похоже, в этой части наш брак обречен на успех.

— Не будь так печален. Это ведь лучшая часть.

Люк безуспешно попытался улыбнуться:

— Боюсь, ты права.

Еще несколько капель дождя упали на землю, а потом наконец небеса разверзлись и хлынул настоящий ливень.

— Люк, ты не можешь жениться на Оливии! — Розмари стояла, сцепив руки за спиной, и возмущенно смотрела на брата.

— Могу, и ты это прекрасно знаешь, — ответил Люк с полным отсутствием романтического восторга.

— Но зачем? Я знаю, ты сказал, что она беременна, но… не хочешь ли ты сказать, что влюблен в нее?

— Нет. Ее трудно полюбить.

— Тогда не женись. Даже если ребенок и в самом деле твой. Ей нет необходимости его рожать.

— Есть необходимость. Я хочу, чтобы он родился.

— Ты? — переспросила Розмари потрясенно.

Он кивнул:

— Это ведь и мой ребенок тоже.

— Да, но ты никогда не говорил, что хочешь иметь детей.

— Я и не хочу. Но если уж все случилось именно так, я должен найти наилучший выход из этой

ситуации.

— Но Оливия — это не лучший выход. Она сделает тебя несчастным, И ради чего?

— Ради самоуважения, кроме всего прочего. Я хочу жить в мире с самим собой, Рози. И не могу отвернуться от своего собственного ребенка.

— Ты не отвернешься от него. Или нее, — настаивала на своем Розмари. — Ты всегда сможешь помогать им материально…

— Оливии не нужна финансовая поддержка. Она говорит, что ей нужен муж.

— Конечно, нужен, до тех пор, пока это ее забавляет. Но ей все очень быстро надоедает, Люк. Как только она получит тебя, ей это сразу же наскучит, и она перестанет обращать на тебя внимание, а ребенка предоставит заботам няни.

— У нее ничего не выйдет, поскольку я совершенно не намерен безропотно оставаться в стороне. Я согласился жениться на ней, и у ребенка будет по крайней мере один из родителей, который будет любить его и постарается воспитать достойным человеком.

— Но ты уверен, что ребенок твой?

— Насколько это вообще возможно. Оливия клянется, что не спала ни с кем, кроме меня, — и по некоторым причинам я склонен ей верить.

Розмари ничего не сказала в ответ, и, когда хлопнула входная дверь, он понял, что сестра ушла.

Она злится и переживает из-за него. И кто бы стал винить ее за это? Черт возьми, он сам злится на себя. Но дело сделано, и пришло время расплачиваться за мгновения неконтролируемой страсти.

Он женится на Оливии. И сделает все, чтобы их брак был нормальным.

Люк вспомнил последний разговор со своей бесстыжей невестой. Он тогда напомнил ей, что пора рассказать об их помолвке ее отцу.

— В этом нет никакой необходимости, — заявила она. — И потом, он все равно не придет на свадьбу.

Люк, с трудом сдерживаясь, чтобы не встряхнуть ее за плечи, ответил, что тем более важно пригласить его и что отец обязательно придет.

Не желая усугублять конфликт, он не стал добавлять, что хотел бы посмотреть на человека, вырастившего эту прелестную легкомысленную распутницу, которая вскоре станет его законной женой.

Темноволосая женщина в переднике проводила Люка в библиотеку «Кедров».

— Входите, входите, присаживайтесь. — Худощавый лысеющий мужчина с венчиком седых волос взглянул на него снизу вверх, не вставая с роскошного кожаного кресла, придвинутого чересчур близко к жарко горящему камину.

Люк, радуясь, что надел легкую спортивную рубашку, а не официальный костюм, занял другое кресло и тут же постарался повернуться спиной к огню.

— Вы пришли один, без Оливии? — Джо поднялся и направился к маленькому изящному столику, где на серебряном подносе поблескивали бутылки и стаканы. Не спрашивая Люка, он наполнил стаканы виски.

— Да. — Люк прикинул, насколько возможно сказать всю правду отцу Оливии. Сам Люк ужасно устал от полуправды и недоговоренности и взял на себя смелость позвонить старику без ведома невесты. — Насколько мне известно, Оливия вообще не знает, что я здесь.

— Понятно. — Необычно светлые голубые глаза, так непохожие на глаза дочери, не изменили своего выражения, хотя левое веко слегка шевельнулось, когда Джо протянул Люку стакан. — Полагаю, вы хотите сказать, что Оливия решила не посвящать меня в свои матримони-

альные планы. Это меня не удивляет.

Люк понимающе улыбнулся:

— Я сказал ей, что собираюсь поговорить с вами, но когда я за ней заехал, ее не оказалось дома.

— Поэтому вы пришли один. Очень мудро. Моя дочь имеет привычку поступать по своему собственному разумению. Не сомневаюсь, вы уже и сами поняли это.

— Пожалуй. — Люк внимательно смотрел на Джо, пытаясь понять, почему Оливия так к нему относится, но видел перед собой только бледное, похожее на маску лицо человека, слишком редко бывающего на воздухе. Какие между ними, должно быть, странные отношения.

Дрова в камине громко затрещали. Джо моргнул и сказал:

— Я, разумеется, оплачу все свадебные расходы.

Он говорил так, словно речь шла об оплате партии игры в гольф.

— В этом нет необходимости. Я в состоянии самостоятельно содержать семью, — ответил Люк. Затем, поняв, что говорит грубо, добавил более мягко: — Правда, с трудом.

Маска треснула, и Джо Франклин весело рассмеялся:

— Мне нравится ваша искренность. — И тут же спросил: — Вы любите ее?

Люк заколебался. Он полагал, что Джо удивился бы, узнав, что кто-то может полюбить его дочь, но это вовсе не означало, что ему будет приятно услышать правду.

— Она носит моего ребенка, — произнес он наконец, и одним глотком допил виски.

Джо сидел неестественно прямо, как седовласая статуя. Через несколько секунд, которые показались Люку вечностью, он потянулся за коробкой кубинских сигар, извлек одну и отрезал кончик серебряными ножничками.

Библиотека наполнилась ароматом дорогого табака.

— Полагаю, я должен назвать вас подлецом и негодяем и вышвырнуть из своего дома, — наконец проговорил Джо.

— И вы собираетесь это сделать? — спросил Люк.

— Нет. Ради чего? Вы ведь согласились жениться на ней, не так ли?

Откуда он знает? Что он имеет в виду? Люк попытался понять, что бы он чувствовал, окажись на месте отца Оливии. Возможно, облегчение. В конце концов, другой мужчина брал теперь на

себя ответственность за нее.

— Да, — согласился Люк. — Я намерен жениться на ней.

— Замечательно.

Похоже, Джо не слишком заботливый отец.

— Вы и Оливия… — начал Люк, стараясь быть как можно более деликатным. — Ваши отношения так необычны.

— Этому есть одно объяснение. — Джо сосредоточился на кончике сигары в ожидании, пока молчание не станет почти неприличным, а потом довольно равнодушно продолжил: — Оливия изменилась после смерти своего брата. Боюсь, я не заметил этого вовремя. Было слишком много других проблем.

— Вполне понятно.

— Да. — Веки Джо вновь слегка дрогнули. — Моя жена очень тяжело перенесла смерть Реймонда. Она никогда так и не оправилась полностью. Она утратила интерес ко всему, включая Оливию. Я не хочу сказать, что она ее не любила, но у нее просто не было внутренних сил, чтобы воспитывать дочь.

— Для вас это было, должно быть, очень тяжело — как и для Оливии.

— Именно так. Но я должен был понять, что

происходит. К тому времени, когда я заметил некоторые странности, было уже слишком поздно. Оливия не была больше милой подвижной девчушкой, как раньше. Казалось, что она все время играет какую-то роль. Не то чтобы с ней нельзя было общаться, поймите правильно. Внешне она все так же оставалась моим Солнечным Зайчиком. Но это было скорее пародией на прежнего ребенка: казалось, все прежнее дружелюбие куда-то исчезло и она лишь изображает его.

Отец Оливии с первого взгляда не слишком понравился Люку, но сейчас он ощутил нечто вроде симпатии к нему.

— То есть Оливия стала такой, какая она сейчас, именно с тех пор? — спросил Люк.

— Пожалуй.

Он замолчал, заслышав голоса в холле, а потом раздался стук каблучков по паркету.

Мгновением позже дверь библиотеки распахнулась, впуская волну свежего прохладного воздуха, и на пороге появилась Оливия.

Люк, увидев горящие глаза своей невесты, обреченно понял, что грядут неприятности. В своем обтягивающем черном платье, на высоких каблуках, она удивительно напоминала породистую норовистую лошадку, которая только и ждет,

кого бы лягнуть.

— Говорите обо мне? — с явным сарказмом спросила она.

— У нас не было бы такой возможности, приди ты вместе со мной, — мягко заметил Люк.

— Я сказала тебе, что в этом нет необходимости.

— А я сказал, что есть.

Джо кашлянул, прочищая горло:

— Добрый вечер, Оливия. Как поживаешь? Как себя чувствуешь?

Оливия смерила отца равнодушным взглядом, прошла к окну и остановилась, вызывающе скрестив руки на груди.

— Кроме того, что здесь ужасно жарко, все остальное в порядке, — сказала она. — Почему бы мне чувствовать себя плохо?

Джо бросил на нее взгляд, который Люк не смог понять, и выдохнул еще одно облако ароматного дыма.

— Насколько я помню, в твоем состоянии нормально время от времени испытывать легкую тошноту.

Оливия посмотрела на него:

— Единственная вещь, от которой меня тошнит, — это твои сигары. А что касается… — Она

перебила сама себя и сердито повернулась к Люку: — Ты рассказал ему…

— Но кто-то должен был это сделать. Конечно, лучше бы это сделала ты сама.

— Ты не имел права…

— Я имел полное право, поскольку я отец ребенка. И твой отец имеет право знать, что скоро станет дедушкой.

— Оливии нет дела до моих прав. — Джо проговорил это так, словно утверждал печальный, но неоспоримый факт. — Однако она всецело уважает и учитывает свои интересы.

— Черт побери, папа…

Люк чувствовал, как нарастает его раздражение, по мере того как переводил взгляд с разозленной дочери на равнодушного отца и обратно.

— Не смей так разговаривать с отцом, — резко сказал он. — Извинись немедленно.

— Не буду. Я не обязана тебе подчиняться.

Он и забыл, как очаровательна она бывает, когда сердится. Он коснулся ее плеча, и словно электрический ток пробежал по пальцам. Нет, на этот раз он не позволит желанию овладеть им.

— Верно, — согласился он, — ты не обязана подчиняться. Но с другой стороны, ты рассчиты-

ваешь выйти за меня замуж.

Оливия прищурилась, и Люк весь подобрался, понимая, что вызов принят. Они молча смотрели друг на друга, выжидая, кто первый отведет взгляд. Наконец она, по-видимому, поняла, что Люк не намерен отступать.

— Ладно, — сказала она, картинно склоняя голову. — Я извинюсь, если это тебя осчастливит.

— Извинения приняты, — быстро произнес Джо. — Люк, вы не нальете нам еще выпить?

Джо Франклин приподнял бокал, едва заметно улыбаясь тонкими губами. Это напоминало тост, который он поднимал в честь человека, который заставил извиниться его дочь.

— Присаживайся, Оливия. — Джо сделал приглашающий жест в направлении кожаного диванчика. — Мы как раз обсуждали подготовку к свадьбе. Все-таки не каждый год моя дочь выходит замуж.

Люк бросил Оливии предупреждающий взгляд. Он не был уверен, что та в ответ не заявит, что ее свадьба отца не касается.

Но, несколько озадаченно посмотрев на отца, она сказала:

— Отлично. Я собираюсь выходить замуж в красном.

Ага. Первая перчатка брошена. Люк кивнул, соглашаясь:

— Как пожелаешь. Ты выглядишь в красном чрезвычайно соблазнительно.

Оливия, не встретив возражений, продолжала:

— Думаю, ты не хочешь пышного торжества.

Понимая, что она испытывает его на прочность, Люк ответил:

— В данных обстоятельствах это вполне разумно. Но если ты хочешь, чтобы было множество гостей…

— Не хочу, — оборвала его Оливия, — ненавижу толпу.

Люк улыбнулся уголком рта. Он одержал первую победу. Маленькую, но крайне важную. Несомненно, его брак с Оливией будет состоять из серии таких вот стычек. Он надеялся, что все остальные будут так же легко выиграны.

— Ты приехала на машине или брала такси? — спросил Люк, когда спустя два часа они спускались по ступеням особняка Франклина.

Вечер был прохладным, аромат цветов наполнял воздух, в небе сиял молодой месяц — впереди была ночь, самой природой предназначенная для любви. Оливия вздохнула. Люк не собирался даже взять ее за руку.

— Я приехала на такси, — сказала она. — Тебе придется отвезти меня домой.

— Отвезу, если хорошо попросишь.

— А если нет?

— Придется взять такси.

Он подошел к своему «рейнджеру». Оливия остановилась, уперев руки в бедра.

— Ты не посмеешь оставить меня так.

— А ты проверь. — Он запрыгнул в кабину.

Она продолжала молча наблюдать за ним, пока не поняла наконец, что Люк завел двигатель. Мягко заворчав, машина двинулась с места.

Он не посмеет…

«Рейнджер» направился к воротам — и в этот момент Оливия поняла, что Люк запросто оставит ее здесь. Без колебаний. Возможно, даже получит от этого удовольствие. Эта мысль потрясла ее.

— Эй, — закричала она, пускаясь вдогонку за машиной. — Подожди. Я еду с тобой.

Люк притормозил и высунулся из окошка:

— Ну?

Стиснув зубы, Оливия сказала:

— Пожалуйста.

Он кивнул и открыл дверцу.

— Неужели это так трудно? — спросил он, помогая ей забраться на сиденье.

— Не слишком, — призналась Оливия. Она была мрачна. Чем же Люк так отличается от всех мужчин, которых она встречала раньше? И почему она в его обществе ведет себя совсем не так, как хотела? Будь он другим человеком, она улыбнулась бы и без всяких проблем засыпала его всеми этими «спасибо» и «пожалуйста». Но будь Люк другим человеком, она не стала бы выходить за него замуж, чтобы отомстить.

Впрочем, она стремилась к этому не только ради мести. Несмотря на то что сейчас они с Люком уже были официально помолвлены, он все еще отказывался спать с ней. Он сказал, что, таким образом, у них будет о чем мечтать и что воздержание станет для него своего рода наказанием за глупость.

Оливия не испытывала восторга от идеи наказания и не понимала, почему это она должна страдать вместе с ним. Может, сегодня ночью удастся изменить его точку зрения? Она повернулась к нему с улыбкой и нежно проговорила:

— Прости, что меня не было дома, когда ты заехал.

— И почему тебя не было?

— Я отправилась по магазинам и застряла в пробке.

— Ага, — сказал он, — по магазинам. Думаю, что ты и не собиралась возвращаться к намеченному времени.

— Я же сказала, что ни к чему беседовать с моим отцом, — недовольно буркнула она.

— Да, сказала. — Люк притормозил, пропуская кошку, перебегавшую дорогу. — Но ты оказалась не права, ведь так? У меня создалось впечатление, что твой отец в восторге от того, что ты собираешься замуж — и не только из-за ребенка. Очень благородно с его стороны.

Оливия, как обычно, собралась возразить, но не смогла. Отец действительно казался довольным. Раз или два за вечер она готова была поверить, что он в самом деле переживает за нее…

— Ты должен позволить ему оплатить все расходы. — Оливия попыталась перевести разговор в более безопасное русло.

— Я уже согласился, чтобы он заплатил за банкет. Как он сказал, отец невесты всегда берет это на себя.

— Да, но он может оплатить и медовый месяц в Европе…

— Оливия, — перебил Люк, — и так плохо, что я вынужден переехать в твой дом, по крайней мере до рождения ребенка…

— Что в этом плохого? Мне нравится мой дом.

— Я знаю. Но я должен буду платить за него.

— Я же сказала, что все уже оплачено. До конца года. К тому же ты платишь за квартиру Розмари. И если отец хочет подарить нам медовый месяц…

— Нет. — Люк непроизвольно увеличил скорость и резко свернул за угол, едва не задавив еще одну кошку.

— Что случилось с ванкуверской популяцией кошек? — почти прорычал он. — Они что, все решили покончить жизнь самоубийством?

— Кошки просто понятия не имеют о правилах дорожного движения.

— Как и обо всем остальном. Тупые создания.

— Они не тупые. Они просто кошки.

Люк бросил на нее заинтересованный взгляд:

— Ты любишь кошек?

— Я вообще люблю животных.

— Невероятно. — Он покачал головой и вновь сосредоточился на дороге.

— А ты? — спросила Оливия, накрыв его руку ладонью.

Он сбросил ее ладонь.

— Я? Люблю ли я животных? Конечно, люблю. Но я предпочитаю, чтобы они держались подаль-

ше от колес моей машины.

— Ах вот как. — Оливия расслабленно откинулась на сиденье. Она и сама не могла объяснить, почему это так важно.

Люк подрулил к ее дому. На пороге он целомудренно поцеловал ее в щеку.

— Зайди, пожалуйста, — сказала она, соблазняя его очаровательной улыбкой.

— Нет. — Люк покачал головой.

Она слегка прижалась к нему:

— Обещаю, все будет хорошо.

— Не сомневаюсь. Очень-очень хорошо. После того как мы поженимся.

Глава 5

Люк твердой рукой поставил свою подпись и повернулся к невесте, одетой в ярко-красное.

Оливия все-таки настояла на своем желании выходить замуж в красном. Он понимал, что она ожидает от него возражений, но совершенно не видел причин спорить. Этот цвет делал ее похожей на маленького сексуального светлячка, окутанного легким шелком. Любой мужчина сегодня вечером не отказался бы поменяться местами с Люком Харриманом.

Оливия откинула прядь волос со лба, и взгляд Люка задержался на вуали, прикрывавшей ее лицо. Почувствовав, что он на нее смотрит, Оливия подняла глаза и улыбнулась. И тут же, несмотря на серьезные сомнения по поводу их брака, его сердце застучало быстрее и он с трудом подавил желание стиснуть ее в объятиях и овладеть ею немедленно.

Вновь зазвучал орган, и, взяв руку Оливии в свою, он приготовился с улыбкой повернуться к собравшимся.

Алый шлейф платья Оливии грациозно стру-

ился вокруг нее, когда она повернулась перед огромным зеркалом, висевшим на стене спальни в «Кедрах».

Она сделала это! Люк Харриман принадлежит ей. И наконец сегодня ночью она заполучит его в своей постели. Ее кожа порозовела при этих мыслях. В церкви он выглядел таким привлекательным, таким неотразимо желанным, что в какой-то момент она безумно захотела тут же отдаться ему.

Оливия подошла к окну. Где же ее муж? Она окинула взглядом сад и увидела, что он стоит в тени вишневого дерева и оживленно беседует с кузиной Маргарет, которая была подружкой невесты. Маргарет весело смеялась. Оливия пожала плечами. Уже не в первый раз она замечала, что женщины липнут к Люку, как булавки к магниту.

Удовлетворенно улыбаясь, она вернулась к зеркалу, взмахнула шлейфом и решила, что пора оторвать кузину от своего мужа.

Когда она вышла в сад, Маргарет уже переместилась к Чарли Колдикотту, шаферу жениха, и пробовала свое обаяние на нем. Удачи им обоим. Сегодня Оливия была великодушна.

Люк стоял, привалившись к стволу дерева,

поглощенный созерцанием маленького желтого зяблика на ветке прямо над головой. Он не замечал ничего вокруг, пока она не коснулась его руки.

— Люк, дорогой, — проворковала она, поглаживая его руку, — ты скучал без меня?

— Скучал? Ты ушла несколько минут назад.

Вообще-то ее не было полчаса. Скрывая досаду, Оливия улыбнулась и сказала:

— Пойдем разрезать торт.

— Пойдем, — не стал возражать Люк и повел ее через газон к длинному столу, в центре которого возвышался истинный шедевр кондитерского искусства.

Полчаса спустя, уже в лимузине, Люк рассмеялся впервые за день, когда она рассказала ему, что шляпка миссис Крамп напомнила ей спутниковую тарелку. Оливия коснулась его руки, и он обнял ее за плечи, привлекая к себе. Она вдохнула свежий аромат его тела и подумала о предстоящей ночи — забыв, что вышла замуж лишь на время.

— Хочешь, чтобы я перенес тебя через порог? — Люк протянул к ней руки.

Оливия с сомнением окинула взглядом деревянный домишко с пестрыми шторами и

обшарпанными желтыми стенами.

— Не знаю. Это дурацкое место. Когда ты сказал, что снял коттедж на берегу моря, я представила себе розы в саду, свежеокрашенные стены и маленький заборчик.

— В самом деле? А я представил постель.

— Как ты думаешь, внутри нет насекомых?

— Не знаю. Но если есть, мы потребуем деньги обратно.

Ее улыбка переросла в смех. Люк мог быть очень забавным, если хотел. Забавным и сексуальным. А чего еще можно желать от мужчины?

Когда он открыл дверь и поднял Оливию на руки, она обхватила его руками за шею и приготовилась к тому, что будет дальше.

К ее разочарованию, дальше он опустил ее на пол коридорчика, ведшего, вероятно, в кухню, и отправился к машине за вещами. Вернувшись, он спросил:

— Ну как, обнаружила насекомых?

— Я не искала.

— Испугалась?

— Конечно, нет. С чего бы мне бояться тараканов?

— Но ты же боишься мышей. — С этими словами Люк направился в спальню.

— Вовсе не боюсь.

Люк помолчал, затем медленно повернулся.

О, какая ошибка. Очень серьезная ошибка. Нехороший блеск в его глазах говорил, что она попалась в собственную ловушку.

— Ах вот как? — мягко спросил он. — Ничуть не боишься?

Отступать было поздно.

— Ничуть, — призналась она. — В тот день я так сказала нарочно: не хотела, чтобы ты уходил. Но ты ведь и так это знал, правда?

— Сначала я не был уверен. Ты понимаешь, что ничего бы не случилось и мы не оказались бы сейчас в таком затруднительном положении, если бы ты тогда сказала правду?

— Да. — Оливия опустила глаза. — Но я хотела оказаться в таком положении. — Она призывно кивнула в сторону спальни и сказала: — Не ругай меня, Люк. Ты и так заставил меня долго ждать этого дня.

— Три недели со дня нашей помолвки. Не так уж долго.

— Да, верно. Но обычно я сразу же получаю то, что хочу.

— Значит, в твоей жизни есть теперь некоторое разнообразие, правда?

Она улыбнулась и двинулась к нему. Люк отвернулся и направился в спальню. Он напоминал ей громадного медведя, который никак не может решить, закусить ею на ужин или просто поиграть.

Оливия последовала за ним. Когда она вошла, он как раз снимал покрывало с кровати.

— Отлично, — проговорил он, выпрямляясь, — давай займемся этим.

Он снял пиджак и бросил его на простой деревянный стул.

Оливия изумленно смотрела на него:

— Но…

— Я думал, ты хочешь сразу же получить то, что желаешь. Я к твоим услугам.

— Но не так, — проговорила Оливия, отступая к двери.

— Тогда как? — Галстук последовал за пиджаком.

— Я… черт возьми, Люк, я не машина.

Люк снял брюки, улегся на кровати и, заложив руки за голову, наблюдал за ней.

— Я твой, — сказал он, — разве не за этим я здесь?

Теперь она поняла. Люк с самого начала прекрасно знал, чего она добивается.

Отлично, если он решил играть такую роль…

Оливия распустила волосы, позволив им свободно рассыпаться по плечам. Затем расстегнула верхнюю пуговицу своего бело-красного дорожного костюма.

Люк безучастно наблюдал за ней с кровати. Она сняла жакет и бросила его поверх его пиджака. Юбка последовала туда же. Когда на ней не осталось ничего, кроме крошечного белого треугольника трусиков, она, поколебавшись, решила предпринять следующий шаг.

Люк не шевелился, поэтому она повернулась к нему спиной, словно бы собираясь выйти из комнаты.

— Куда это ты собралась? — Его голос звучал глухо и сдавленно, будто издалека.

— Я хотела посмотреть, нет ли какой-нибудь еды, — ответила она первое, что пришло в голову.

— Нет. Кроме того, ты не умеешь готовить, а я не хочу. Иди в постель.

— Позже. — И Оливия прошествовала в кухню.

Она наугад открыла буфет и обрадовалась, когда дверца громко скрипнула. Люк поймет, что она не просто притворялась, а в самом деле занялась готовкой.

Из спальни послышался недовольный рокот,

словно там собиралась гроза. Затем босые ноги зашлепали по кафелю, пара загорелых рук обхватила ее за талию, и через мгновение она была крепко прижата к обнаженному мужскому телу.

Оливия перевела дыхание и попыталась повернуться. Оказалось, что она не может шевельнуться.

— Отпусти меня, — сказала она.

— Почему это?

— Потому что… потому что кровать в другой комнате.

Она пошевелилась в его объятиях, пытаясь освободиться, и была вполне удовлетворена немедленной реакцией Люка. В ту же минуту он нежно обхватил ее голову ладонями.

Ее губы оказались в дюйме от его шеи. Она видела напряженные мышцы, перекатывающиеся под кожей, ощущала теплый мускусный запах его страсти. Оливия тихо застонала и, не отдавая себе отчета в том, что делает, прижалась губами к шее Люка.

Он шумно вздохнул. Его сильные руки сомкнулись на ее бедрах, белый шелковый треугольник соскользнул к ее ногам. Густые волосы коснулись ее груди, и губы Люка сомкнулись вокруг напряженного соска, лаская его, затем переместились

к другому.

Оливии незнакома была эта изысканная пытка.

— Люк, — шептала она, — Люк, постель…

Люк был слишком занят, чтобы отвечать. Он раздвинул ее бедра и мягко вошел в нее. Ноги у Оливии подкашивались, и тут ее настиг взрыв наслаждения такой силы, что, если бы не сильные руки, поддерживавшие ее ягодицы, она рухнула бы на пол.

— Как насчет постели? — спросил он, задыхаясь.

Оливия наклонилась поднять брошенное белье. Когда она выпрямилась, Люк настойчиво начал подталкивать ее в направлении спальни. Она не стала сопротивляться.

Люк вовсю наслаждался медовым месяцем, а точнее — медовой неделей. Его очаровательная самовлюбленная невеста оказалась настолько хороша в постели, что он не мог думать ни о чем, кроме сиюминутного наслаждения. И происходило это не только в постели. Он был в восторге от нее на пляже, в море — и даже в кухне, у холодильника.

Он был уверен, что эта идиллия вскоре закончится, реальный мир внесет свои коррективы и

их совместная жизнь с Оливией начнется всерьез. И так же отдавал себе отчет в том, что эта жизнь едва ли будет гладкой и спокойной.

Но пока он предпочитал принимать все, что ему предлагают, и быть благодарным за это.

Впрочем, без проблем не обошлось. Люк не рассчитывал на то, что Оливия умеет готовить, и был приятно удивлен, что в действительности она даже окончила кулинарные курсы. Его радость, однако, испарилась в тот день, когда Оливия вернулась из супермаркета, оставив там сумму, превышающую его месячный заработок.

— Икра! — воскликнул он, выкладывая полдюжины баночек на пластиковый кухонный стол. — Шафран! Оливия, зачем нам икра и шафран? И ты вообще представляешь, сколько стоят трюфели?

Оливия пожала плечами:

— Какая разница. У меня есть деньги.

— Больше нет. С тех пор, как ты вышла замуж.

— Безусловно есть. Отец открыл счет на мое имя, как только мы объявили о помолвке. Он сказал, что ты честный и принципиальный молодой человек, но он не хочет, чтобы я из-за этого нуждалась.

— Он что? — Люк грохнул кулаком по столу так,

что баночки с икрой подпрыгнули.

— Открыл счет для меня, — спокойно повторила Оливия. — Поэтому тебе нет нужды беспокоиться по поводу всего этого. — И она обвела рукой заваленный дорогими продуктами стол.

— Оливия, — Люк с трудом сдерживался, стараясь не повышать голос, — тебе придется кое-что уяснить. Я сказал твоему отцу, что смогу содержать семью. И я могу. Я никогда не буду зависеть от богатого тестя только потому, что моя жена не хочет отказаться от роскоши, о которой обычные люди и не слыхивали. Ты понимаешь, о чем я?

Оливия вновь пожала плечами и выпятила губу, как капризная маленькая девочка, какой она, впрочем, и была.

— Это так старомодно. Почему я должна обходиться без того, что хочу? Мы не в каменном веке живем, Люк. — И она попыталась похлопать его по руке.

Он немедленно перехватил ее запястье и, воскликнув: «А вот сейчас увидим!» — потащил ее в спальню.

Большинство споров заканчивались именно так — но Люк понимал, что рано или поздно наступит расплата. Им придется вернуться в Ванкувер, и все изменится. Он снова начнет ра-

ботать, Оливия продолжит учебу в университете, и вместе им предстоит решить множество проблем, связанных с рождением ребенка.

В последний вечер их «медовой недели» они сидели на пляже, любуясь лунной дорожкой на море. Мягкий шелест волн напоминал о том, что такого безоблачного времени в их жизни больше не будет. Оба понимали это.

— Почему мы не можем остаться тут? — тихо спросила Оливия. — Нам вовсе не обязательно завтра возвращаться.

— Я думал, тебе не слишком нравится этот коттедж.

— Да, верно. Но мне нравится тишина и океан. И быть только с тобой.

— Знаю, — сказал Люк и, улыбнувшись, повел ее за собой в волны.

Глава 6

Люк опять опаздывал. Оливия раздраженно вытащила из духовки сковороду с филе меч-рыбы.

Почему он хотя бы раз не может прийти домой вовремя?

Приготовление для Люка особенных блюд было частью плана, по которому он должен был влюбиться в нее без памяти — по принципу «путь к сердцу мужчины лежит через его желудок». Но каким образом можно этот план осуществить, если мужчина никогда не приходит к обеду?

Она достала из холодильника салат, сделанный из подобранных по цвету овощей и выглядевший очень аппетитно.

Если бы только Люк не был столь придирчив в отношении стоимости продуктов. Это было так глупо — ведь она имела банковский счет, и отец был готов постоянно этот счет пополнять. Но Люк упрямо отказывался брать деньги отца и запрещал ей это делать.

— Если ты не была готова жить на мои доходы, не надо было выходить за меня замуж, — заявлял он, когда она пробовала возражать.

Оливия грохнула миску с салатом на стол, но легче от этого не стало.

Стоило ей снова сесть, как послышался звук открывающегося замка. Секундой позже ее муж показался на пороге, с всклокоченными волосами, блестящей от пота кожей и с черным грязным пятном на лбу.

Приветственная улыбка Оливии тут же растаяла.

— Где ты был? — требовательно спросила она. — Твой ужин давным-давно готов.

— Работал. Я же сказал, сейчас очень напряженное время. Заказчики висят у меня над душой; начальство ругается не переставая уже шесть недель — и в довершение всего в один из заливов, где нерестится рыба, сегодня утром обрушился кусок прибрежной дороги. А чем ты занималась?

Итак, сейчас неудачный момент для высказывания недовольства его опозданиями. Если бы он только мог бросить эту дурацкую работу!

— Я приготовила тебе замечательную рыбу, — нежно проговорила она. Стоит только сказать, что это меч-рыба, и он тут же начнет брюзжать, что это слишком дорого.

— Рыба? — пробормотал Люк. — Не хочу больше слышать это слово.

Ее разочарование было настолько явным, что он тут же смягчился и ободряюще похлопал ее по плечу.

— Извини, — сказал он, — конечно же, я с удовольствием поужинаю. Вот только помоюсь, и я весь твой.

Слушая, как шумит в душе вода, смывая с тела Люка следы напряженного рабочего дня, Оливия пришла к выводу, что поступила наилучшим образом. Ее огорченный вид возымел нужное действие, и Люк сразу почувствовал себя виноватым. Возможно, ей удастся усилить его чувство вины и убедить взять завтра выходной.

Она подождала, пока он с удовольствием съест меч-рыбу, потом кусок черничного пирога, и перешла к щекотливой теме.

— Завтра у нас юбилей, — объявила она, когда они пили кофе.

— Юбилей? Какой юбилей? — Он со стуком поставил чашку.

— Месяц. Завтра будет ровно месяц, как мы женаты. Как мы это отпразднуем?

— Не знаю. — Люк не выглядел особо обрадованным предстоящей перспективой праздника. — У меня сейчас очень мало свободного времени.

— У тебя будет достаточно времени, если ты

возьмешь выходной.

От внимания Оливии не ускользнуло, как на мгновение окаменело его лицо.

— Сколько раз тебе говорить, что у меня не бывает выходных в это время года?

— Но ты можешь заболеть.

— Если бы я хотел лгать, то возможно. Но я не хочу.

Оливия вздохнула. Она должна была знать, что он откажется.

— Не сердись, — торопливо проговорила она. — Я всего лишь хотела провести этот день с тобой. — И она заморгала, но, к сожалению, на этот раз выдавить слезы не удалось.

Люк отодвинул свой кофе и встал.

— У тебя скоро начнутся занятия, — сказал он сухо. — Возможно, тогда тебе не будет так скучно. Думаешь, ты сможешь сдать экзамены в конце семестра?

— Сдать экзамены? А почему нет?

— Ты ждешь ребенка. Забыла?

— О да, конечно. Но не раньше января.

Люк, который уже было направился в гостиную, повернулся.

— Не пора ли тебе начать прибавлять в весе? — спросил он, грозно глядя на нее сверху вниз.

— Прибавлять в весе? Ты хочешь, чтобы я растолстела?

— Насколько мне известно, это естественный процесс.

— Ах да. Думаю, да. — Она одарила его ослепительной улыбкой. — Скоро уже я начну толстеть.

— Ты была у врача?

— Собираюсь на следующей неделе.

— Отлично. Значит, ты чувствуешь себя хорошо?

Оливия быстро прикинула. Может быть, это и есть выход, который она искала? Может, Люк будет более заботлив и мил, если будет думать, что она неважно себя чувствует?

— Меня тошнит чуть-чуть, — наконец решилась она произнести с улыбкой, как она надеялась, милой. — Но уверена, это пройдет.

— Да, — согласился Люк и, помолчав, спросил: — Он… малыш уже шевелится?

— О нет, еще рано.

Она не имела ни малейшего представления, когда ребенок начинает шевелиться в утробе, но он, скорее всего, тоже.

— Правда?

Она кивнула, и он, казалось, утратил интерес к этой теме, поскольку больше о ребенке не было

сказано ни слова.

Этой ночью, когда Оливия потянулась к мужу в их огромной бело-голубой постели, он нежно положил ее голову себе на плечо и сказал, что им лучше сделать небольшой перерыв.

— Ты сказала, что тебя тошнило. Мы же не хотим навредить ребенку, — объяснил он.

Оливия хотела было поспорить, но решила этого не делать. Если бы Люк не был так измучен вечерами, когда возвращался домой, он, возможно, гораздо раньше начал спрашивать о ребенке. И сейчас, когда он уже спросил, следовало срочно что-то придумать.

На следующий вечер, когда Люк вернулся с работы, Оливия встретила его известием, что была у врача.

— Отлично, — сказал он, — и что сказал доктор?

— Что можно заниматься сексом.

— Заниматься сексом? Доктор Крамп так сказал?

— Ну конечно, сначала он долго откашливался и бормотал что-то об акте любви между мужчиной и женщиной.

Люк рассмеялся:

— Похоже на него.

— Но он сказал, что это совсем не повредит, — быстро добавила Оливия.

— Отлично, — сказал Люк, бросая на нее короткий заинтересованный взгляд. Он всегда смотрел так, когда не слишком доверял ее словам. — Погоди, сейчас я только разденусь…

Оливия присела на подлокотник своего любимого желтого кресла.

— Я не имела в виду сию минуту. Твой ужин…

— Подождет.

— Но ты весь грязный.

— Это поправимо.

Она все еще продолжала удивленно смотреть на него, когда он, приобняв ее, направился в ванную.

— Эй, что ты делаешь? — протестующе воскликнула она. — Это не мне нужно принять душ.

— Я просто хотел убить одним выстрелом двух зайцев.

— Ненавижу эту поговорку. Зачем убивать зайцев? И в любом случае это не имеет никакого смысла.

— Имеет, имеет. Мне нужен душ. Тебе нужен секс. Почему не удовлетворить оба желания сразу?

Одной рукой открыв дверь в ванную комнату,

другой он ловко втолкнул Оливию внутрь.

— Но…

Не обращая внимания на ее возмущение, он начал снимать рубашку.

Оливия наблюдала за ним, кусая губы и пытаясь сообразить, как вести себя, как справиться с этим непривычным, странным Люком. Что это с ним случилось? Обычно он хотя бы старался быть любезным и милым. Но ничего милого не было в этом прагматичном мужчине, который ждал, что она сейчас прыгнет вместе с ним под душ и быстренько займется сексом. А когда наконец с досадной обязанностью будет покончено, он сможет спокойно поужинать.

Он сбросил ботинки, и Оливия приняла решение. Она медленно расстегнула свое облегающее летнее платье, и оно упало на пол. Затем включила душ и встала под прохладный поток, не потрудившись снять белье.

За ее спиной Люк пробормотал что-то, чего она не хотела слышать. И вдруг оказался рядом — его руки заскользили по ее телу, освобождая от остатков одежды…

Оливия тихонько вздохнула. Когда на его лице появилась знакомая пиратская улыбка, так возбуждавшая ее, она крепко обхватила руками его

шею и, подпрыгнув, обвила ногами его бедра.

Люк ругнулся, не сдержавшись, и прижал ее спиной к кафелю. Струи воды стекали по плечам.

Он выглядел великолепно: мокрая шелковистая кожа, влажные волосы, горящие глаза.

Оливия провела ногтями по его спине и, рассмеявшись, услышала его удивленный вскрик. А потом наступила ее очередь вскрикнуть, когда его пальцы скользнули между ее бедер, нежно касаясь, лаская, приближаясь к точке, откуда нет возврата.

— Люк, — простонала она, — я…

Он не дал ей закончить. Его губы прильнули к ее рту в поцелуе столь эротичном, что, казалось, она сейчас умрет от желания. Вода струилась по их телам, и Оливия уже не понимала, изнутри или снаружи исходит жар, который она ощущает повсюду. И когда они вместе обрели тот рай, которого искали, из уст Оливии вырвался крик нечеловеческого восторга и удовлетворения.

А потом Люк был необычно молчалив и мрачен, и когда Оливия спросила его, что случилось, он сначала фыркнул было, а потом ответил:

— Ничего. А что такого?

Когда они занимались любовью этой ночью,

все происходило как-то по-другому. Страсть присутствовала, но не было ни нежности, ни радости. И хотя, как всегда, он позаботился о том, чтобы она не осталась неудовлетворенной, Оливия чувствовала себя так, словно с ней в постели присутствует лишь тело Люка. А сердце его где-то далеко.

Засыпая, Оливия чувствовала себя опустошенной, измученной и, в конце концов, абсолютно неудовлетворенной.

Наутро, с ясной головой, она вспомнила, что Люк женился на ней только ради ребенка. В последние несколько недель она просто забыла об этом. Но тогда не бросит ли он ее вскоре?

Нет, конечно, нет. Рано или поздно она его бросит. Лучше бы, конечно, подождать, не спешить выяснять отношения по поводу ребенка — чтобы до него успело дойти, как безумно он влюблен. В конце концов он это поймет.

Как понимали все остальные.

В этот вечер Люк вернулся домой после семи. У Оливии, слава Богу, начались занятия в университете, и он надеялся, что она тоже устала за день. Скучающая отдохнувшая жена, требующая к себе внимания, — это то, без чего он предпочел бы обойтись сегодня вечером.

Это вовсе не значило, что он не смог привыкнуть к ней — так люди в конце концов привыкают ладить с милыми капризными детишками. А с точки зрения секса лучшей партнерши было не найти. Но в их жизни присутствовала некая внутренняя пустота; за милым лицом и сексуальными упражнениями в постели не было тепла, доверия и искренности. Ко всему прочему примешивалось подозрение, с каждой неделей становившееся все более отчетливым, что дела обстоят не совсем так, как представлялось в день свадьбы.

— Люк! Ты уже дома. Что случилось на этот раз?

— Просто работа, — ответил он, устало улыбаясь в ответ. — Но скоро будет легче. Нерест почти закончился.

— О, здорово! — Она просияла, и он тут же почувствовал себя гораздо более бодрым. — Я не успела приготовить ужин. Может, сходим куда-нибудь? Мы ведь так и не отметили свой маленький юбилей.

Люк подавил стон. Вот уж чего точно не хотелось, так это выходить из дому. Но Оливия была так заботлива и приветлива всю последнюю неделю. В конце концов, он не умрет, если сводит

ее куда-нибудь поужинать.

— Хорошо, — сказал он. — Как насчет «Пьетро»?

— О, я думала…

— Я знаю, что ты думала. Мы не можем себе этого позволить.

— Ну ладно. Тогда «Пьетро», — вздохнула Оливия.

Она была разочарована. Дьявол! Люк пошел в ванную, включил душ и, не сдержавшись, стукнул кулаком в голубой кафель.

Неужели она не может понять, что он никогда не возьмет ни цента из денег ее отца просто потому, что хочет сохранить самоуважение? И что в следующем году, когда истечет срок аренды, они переедут в более скромное жилье, которое он сможет оплачивать?

Наверное, нет. Люк тихо выругался и принялся смывать с себя грязь и усталость рабочего дня.

Они вышли из ресторана, и Оливия взяла Люка под руку. Был теплый тихий вечер начала сентября, в воздухе уже ощущалось дыхание осени.

— Мне понравилось в «Пьетро», — сказала Оливия. — Я и не думала, что там так мило, так уютно.

— Мне тоже, — согласился Люк.

Вечер и в самом деле оказался приятным. Ресторанчик «Пьетро» был скромным и без претензий, но еда превосходная и внимательные официанты. Впервые с тех пор, как они познакомились, Оливия проявила искренний интерес к его работе. И оживленная беседа угасла только после того, когда он слишком настойчиво начал задавать вопросы о ее детстве. Она нехотя, вскользь упомянула о том злополучном дне рождения и вновь вернула разговор к обсуждению проблем Люка.

Бедная малышка, подумал он, с удивлением обнаруживая в себе сочувствие. Даже его тетушка и дядя всегда помнили о его дне рождения. В следующем году он непременно порадует ее праздничной вечеринкой. Это, конечно, не исправит прошлого, но может помочь будущему.

— Я вот все думаю, — говорила между тем Оливия, пытаясь приноровиться к его походке.

Люк слегка замедлил шаг.

— Все хорошо, Оливия. Не думай ни о чем.

Он совсем не хотел серьезных разговоров. Вечер удался, и не стоило его портить.

— Нет, в самом деле. — Она не собиралась уступать. — Я думаю, пора пригласить Розмари на обед.

Люк застыл как вкопанный:

— Я думал, ты не любишь Розмари.

— Не то чтобы очень, но ведь она твоя сестра. И потом, я ошибалась в ней. Она вовсе не такая беспомощная плакса, как я думала. Уверена, что смогла бы подружиться с ней, узнай я ее получше.

Люк изучал ее лицо в неверном свете уличного фонаря. Что она задумала на этот раз, его прелестная стервозная жена? Новый план, чтобы заставить его принять отцовские деньги?

— Розмари вовсе не плакса, — резко сказал Люк. — Оливия, не пора ли... — Он замолчал, поскольку она не слушала.

— Смотри, — проговорила она, показывая на темное пятно, скользившее в тени живой изгороди неподалеку. — Это не енот? — Пятно переместилось, и она воскликнула: — О нет, это всего лишь кот.

— Ага, — не стал спорить Люк, беря ее под руку, — пойдем. Похоже, дождь собирается.

— Да ничего подобного. Погляди, разве он не роскошен? — Оливия подбежала к громадному персу, который спокойно сидел на газоне, пошевеливая хвостом и разглядывая ее своими серебристыми глазищами.

— Это просто кот, — сказал Люк, испытывая

непреодолимое желание как можно быстрее утащить ее домой. Он не думал, что ванкуверская полиция одобрит действия, которые квалифицируются как «непристойное и неблаговидное поведение под частным забором».

— Оливия, — повторил он, добавляя нотку строгости в голос, — я сказал, пойдем домой.

Но Оливия, не обращая внимания на то, что может испачкать свое роскошное черно-красное платье, опустилась на колени на пыльную траву и потянулась к коту.

Позже Люк не мог отчетливо припомнить последующие события, но очень хорошо помнил, что он в тот момент почувствовал.

Кот, недовольный тем, что кто-то вторгся в его владения, возмущенно мяукнул и выпустил когти. Оливия вскочила, отпрянула, и в этот миг серебристый фургон на полной скорости вывернул из-за угла.

— Стой! — воскликнула Оливия, когда кот метнулся прямо под колеса приближавшейся машины.

— Оливия! — взревел Люк, бросаясь за ней, но Оливия неслась вдогонку за котом.

Он сумел поймать ее буквально в последний момент, почти вытащив из-под колес. Водитель

ударил по тормозам, и шины задымились; резкий скрежет разнесся по улице.

— Ты в порядке? — взволнованно спросил он.

— Я… кажется, да. Чуть задела бедром, и рука немножко болит…

— Ты что, сумасшедшая? — заорал водитель, выскакивая из машины. — Под колеса бросаешься!

Люк обнял дрожащую Оливию.

— Кто здесь сумасшедший, так это вы, — недовольно произнес он. — Вы всегда водите, как наркоман или алкоголик?

Водитель, молодой здоровый парень, готов был полезть в драку. Но должно быть, что-то в выражении лица Люка остановило его, поскольку, пробормотав несколько нецензурных выражений, он развернулся и полез обратно в машину.

— Кот, — пробормотала Оливия, уткнувшись лицом в грудь Люка, — с ним все в порядке?

Люк, который до сих пор сдерживался лишь чудовищным усилием воли, взорвался:

— Да плевать на этого чертова тупого кота! С ним все в порядке. Ты соображаешь вообще, что делаешь? Ты чуть не погибла из-за этого кота!

Оливия возмущенно отодвинулась от него.

— Не ори на меня, — сказала она голосом бога-

той властной маленькой девочки.

— Тогда не веди себя как идиотка.

— Почему? С чего это ты разволновался?

— Потому что ты моя жена. И ты носишь моего ребенка.

— Ах да, конечно, ребенок. — Голос Оливии стал еще более презрительным.

Люк постепенно успокаивался.

— Хорошо, — сказал он. — Сейчас мы пойдем домой, возьмем машину и съездим в больницу, чтобы убедиться, что все в порядке.

— Мне не нужно в больницу. Я в полном порядке.

— Давай убедимся в этом.

— Люк, — Оливия остановилась и повернулась к нему, — я не собираюсь ни в какую больницу, и точка.

— Нет, собираешься. И если не пойдешь добром, я потащу тебя силой. — Его глаза метали молнии. — Я не шучу, — сказал он.

Оливия продолжала молча смотреть. Люк ждал.

— Хорошо, — быстро проговорила она. — Если хочешь, я съезжу к доктору Крампу.

— Нет. Больница гораздо ближе, а он пожилой человек и, наверное, сейчас спит.

— Но…

— Не спорь со мной, Оливия. Бесполезно. Я не хочу, чтобы с тобой или с малышом случилось что-нибудь только потому, что я не принял разумных необходимых мер.

— Они вовсе не разумные…

Люк, еще не вполне оправившийся от шока, оставил попытки убедить ее с помощью логики и просто сказал:

— Замолчи.

К его удивлению и облегчению, Оливия послушалась.

Когда они двинулись наконец дальше по улице, дверь ближайшего дома отворилась, на пороге появилась женщина в домашнем платье и позвала:

— Кис-кис-кис. Котик, где ты?

Огромный серый перс проскочил мимо них и вбежал в дом.

Оливия ничего не сказала, но Люк почувствовал, как она с облегчением расслабилась.

Люк сидел в приемном покое и ждал Оливию.

— Я осмотрела вашу жену, мистер Харриман. — Голос доктора, стройной рыжеволосой женщины, вывел его из состояния задумчивости. — Она вернется через пару минут. Несколько царапин,

порез на руке. Все остальное в полном порядке.

Люк поднялся.

— Благодарю, — сказал он, — а… что с ребенком?

— С ребенком? — Доктор приподняла брови.

— Да, моя жена ждет ребенка. Разве она вам не сказала?

— Нет, мистер Харриман. Наверное, срок очень небольшой. Думаю, вам не о чем беспокоиться.

— Ребенок должен родиться в конце января, доктор. — Люк удивился, почему это его голова внезапно стала горячей, в то время как все тело оставалось абсолютно холодным. Где-то в отдалении в коридоре раздавался детский плач.

— В январе, мистер Харриман? — Доктор покачала головой. — Нет-нет, маловероятно. Могу заверить, я осмотрела вашу жену очень тщательно.

Люк глубоко вздохнул:

— Понятно. Да, конечно. Спасибо, доктор.

Доктор ушла, несколько озадаченная, а Люк вновь опустился в кресло и взял какой-то иллюстрированный журнал, лежавший рядом. Но буквы прыгали перед глазами, не складываясь в слова. Тогда он свернул журнал, несколько раз нервно хлопнул себя по коленям и резко встал.

Женщина за стойкой регистрации подняла голову и хотела ему что-то сказать. Люк не обратил на нее внимания, поскольку в этот момент в дверях показалась Оливия. На лице ее сияла ангельская улыбка.

— Все в порядке, Люк, — сказала она и подставила щеку для поцелуя.

Глава 7

Улыбка застыла на ее губах. Что-то было не так. Очень не так. Люк смотрел на нее как на горгону Медузу, намеревавшуюся обратить его в камень.

— Люк, — спросила она, — что случилось? Я же говорю, все в порядке.

И тогда он заговорил. Настолько спокойно и жестко, что она с трудом узнавала его голос.

— Ты лгала мне, так?

— Лгала тебе? Конечно, нет. — Она заставила себя улыбнуться. — О чем ты?

Она знала, о чем, но хотела убедиться…

— Пошли отсюда, — сказал он резко. — Быстро.

Она прикинула, не потребовать ли сменить тон, но, увидев выражение его лица, сочла за лучшее промолчать.

Они молчали всю дорогу. Оливия гадала, почему он молчит — потому что от злости не может вымолвить ни слова или просто нечего выяснять.

Когда они наконец добрались до Атингтон-Вудс, Люк выпрыгнул из машины и молча направился к дому, засунув руки в карманы.

О Боже, что же делать? Он порой бывал зол, но никогда так сильно.

Вздернув подбородок, Оливия последовала за Люком. Учитывая его настроение, лучше было бы сбежать, но она не привыкла отступать — как и проигрывать сражения.

Войдя в гостиную, Люк остановился посередине комнаты и повернулся к ней.

— Довольно игр, Оливия. Ты не беременна, верно?

— Я… сейчас нет.

О, если бы она избавилась от своего мистического ребенка неделю назад, сказала бы Люку, что случился выкидыш. Тогда бы он ей поверил.

— Неправда. — Люк снял пиджак и швырнул его на диван. — Не только сейчас. Ты вообще никогда не была беременна.

— Я была…

— Сядь, — приказал он. — Я хочу слышать правду, Оливия, а не очередную выдумку. Скажи мне, зачем? Зачем ты это сделала?

Оливия оторвала взгляд от золотисто-коричневого ковра и увидела, что Люк подошел к окну и стоит там, отвернувшись от нее. Как она сможет сказать ему правду? Она и сама не знала, в чем состоит правда — кроме того, что не хотела

терять его.

Должно быть, какие-то мысли отразились на ее лице, потому что Люк жестко произнес:

— Нет, даже не думай. Я не желаю больше лжи.

Оливия поверила. Ложь не поможет. Но может быть, она все-таки убедит его принять ее объяснения?

— Если ты подождешь минуту, я все тебе расскажу, — сказала она. — Мне нужно в ванную.

Он смерил ее долгим пристальным взглядом.

— Ступай, — наконец проговорил он. — Мы все равно разберемся с этим, сколько бы времени ни потребовалось.

Оливия прошла в ванную комнату, открыла кран и подставила лицо под холодную воду. Затем она слегка подкрасилась, чтобы лицо стало казаться прозрачным, почти хрупким, с глубокими тенями под глазами. Она надеялась, что выглядит достаточно несчастной, чтобы заставить Люка поверить в ее раскаяние. В качестве завершающего штриха она добавила каплю своих новых духов — с ароматом лилии.

— Ты теряешь время, — буркнул Люк, когда она наконец вернулась в гостиную. — Я женился на тебе достаточно давно и знаю все твои уловки.

Оливия хотела было сказать, что не понимает,

о чем речь, но его вид подсказал, что лучше этого не делать.

— Прости, — тихо проговорила она, — но я не смогла придумать иного способа, чтобы ты обратил на меня внимание. Ты бы иначе не стал иметь со мной дела. — И она в мольбе протянула к нему руки.

— Чертовски уважительная причина.

— Я знаю, что это отвратительно. — Она вынуждена была признать это. — Но я не знала, как вернуть тебя.

— Зачем? — спросил он, скрестив руки и грозно глядя на нее.

— Зачем? — Оливия попыталась изобразить удивление. — Зачем я хотела вернуть тебя?

Что она может ему сказать? Что она хотела его вернуть, потому что любит его? Он не поверит. Она бы и сама не поверила. Правду? А в чем правда?

— Я думаю, что хотела тебя вернуть, — наконец произнесла она, когда молчание стало почти невыносимым, — потому что ты дал мне нечто, без чего я не хотела больше существовать. Нечто, о чем я раньше не подозревала.

В это по крайней мере он может поверить.

— Секс? — усмехнулся он. — Если ты это имеешь

в виду, то здесь я точно тебе не нужен. Как минимум половина студентов твоего университета с восторгом поступили бы в твое распоряжение.

Оливия вздрогнула, удивленная тем, насколько больно ранило ее его презрение.

— Да, возможно, это так, — согласилась она, — но я не хотела половину студентов. Я хотела тебя.

Кто-то из жильцов играл на рояле. Звуки «Фантазии» Шопена доносились сквозь раскрытое окно.

— Возможно, — услышала она свой голос, — я хотела тебя, потому что знала, что не могу обладать тобой.

— Понятно. Спасибо хоть за это.

Только по побелевшим костяшкам пальцев Люка можно было догадаться, чего ему стоит сохранять самообладание.

— Итак, из-за своей прихоти ты решила поломать мою жизнь? Прекрасная Оливия Франклин не могла смириться с тем, что не каждый мужчина в этой стране готов умереть у ее ног?

— Нет! — выкрикнула Оливия. — Я восхищалась тобой именно потому, что ты не падал к моим ногам.

Это было правдой. Она всегда хотела, чтобы Люк

восхищался ею, как и остальные. В то же время ее притягивало именно его нежелание потакать ее капризам. Может быть, еще и поэтому она так отчаянно хотела удержать его? До сегодняшнего вечера она и не подозревала, насколько сильно это желание.

— Я… я и в самом деле сломала тебе жизнь? — спросила она, с ужасом слыша дрожь в своем голосе.

— Прекрати этот театр, — устало сказал Люк. — Нет, не сломала. Теперь, когда я знаю правду, я не позволю тебе это сделать. Ты выдумала несуществующего ребенка, поскольку не нашла другого способа получить то, что хочешь.

Ну да. Так она и сделала. И глядя сейчас на Люка, мужчину, которого она так бессердечно обманула, Оливия впервые в жизни поняла, что месть вовсе не так сладка. Люк действительно страдал. Забавно, она так хотела причинить ему боль, и вот сейчас, когда осуществились самые смелые ее мечты, она все бы отдала, чтобы это изменить. Потому что в противном случае она его потеряет.

— Не только для того, чтобы получить то, что хочу. Я восхищалась тобой, Люк, даже если и не понимала этого тогда. И я прошу прощения.

Правда.

— Прощения? Думаешь, это что-то изменит? Ты хоть понимаешь, что ты сделала? — Он отвернулся, как будто больше не мог смотреть на нее.

Оливия понимала только одно: она должна сказать что-то, чтобы успокоить и утешить его. Он больше не казался рассерженным и грозным. Просто очень печальным.

— Да, — сказала она, — я знаю, что причинила тебе боль. Понимаю, что ты хотел этого ребенка. Но неправда, что я не любила никого, кроме себя. И сейчас я действительно прошу прощения.

— Ты это уже говорила. Не поможет.

Их взгляды встретились.

О Господи! Неужели это из-за нее в его глазах такая пустота?

— Это так много для тебя значило? — спросила она. — Ребенок, я имею в виду?

— Конечно. За каким бы дьяволом я на тебе женился?

Отлично. Итак, короткий период траура по ребенку, которого никогда не было, завершен — и он готов нанести ответный удар. Оливия взяла себя в руки. Что можно сделать, чтобы отразить нападение? Ей больше нечего сказать. Кроме…

— Сейчас я не беременна. Я предохранялась.

Но… но я могу.

Наступившую тишину нарушало лишь тиканье старинных часов на камине. Звуки рояля затихли. Люк взял фарфоровую фигурку пастушки с каминной полки и, ни слова не говоря, грохнул ее об пол.

Вечность спустя он произнес:

— Ты думаешь, я поверю, что ты на самом деле хочешь иметь ребенка? Ты, которая лгала мне, следуя своему капризу?

— Это была не единственная причина.

— Хорошо, каприз плюс секс, что по сути одно и то же.

Секс. Оливия ухватилась за это слово, как за спасительную соломинку.

— Но тебе нравится заниматься любовью со мной. Нам хорошо вместе. И мы могли бы иметь ребенка, если ты хочешь.

— Конечно, а потом ты в удобный момент организовала бы выкидыш. Ты в самом деле думаешь, что после всего этого я смогу прикоснуться к тебе?

Это было намного хуже, чем она представляла. Оливия заставила себя встать и медленно направилась к мужчине, чье присутствие в ее жизни, как она только что поняла, значит больше всего

на свете.

Он не двинулся с места, но, когда она тронула его неожиданно влажную щеку, он дернулся, словно его лица коснулись языки пламени.

— Не пытайся, Оливия, — предупредил он. — Я способен на все.

Она кивнула и сразу же отступила, так что он не успел заметить слезы на ее глазах. Отойдя к окну, она бездумно уставилась в темноту.

Казалось, прошла вечность, прежде чем Люк нарушил молчание.

— Как ты это устроила? — спросил он, не то чтобы в самом деле интересуясь, а просто чтобы знать. — Доктор Крамп не лгал. Он готов был пристрелить меня, если я откажусь жениться.

— Нет, он не обманывал. — Я сказала ему, что сделала дома тест на беременность — дважды, чтобы быть абсолютно уверенной. И что мне нужно его подтверждение — иначе ты можешь не поверить.

Люк шумно вздохнул:

— Оливия, он же врач. Он не мог подтвердить беременность на основании только твоих слов.

— Мог. Он же на пенсии, не забывай. Уже много лет. Я встречаюсь с ним иногда, потому что он старый друг семьи, но он не мой врач. Я знала,

что он мне поверит. Думаю, он меня любит.

Она не стала добавлять, что доктор Крамп единственный человек, о котором она может это сказать. Это прозвучало бы уж очень жалобно.

Люк за ее спиной почти прорычал:

— Оливия, ты говоришь, что я попался на удочку добродушного старого дурака и женщины, для которой ложь — образ жизни?

Неужели? Неужели ложь стала для нее способом существования? До встречи с Люком ей никогда не было необходимости лгать. Голос Люка был исполнен такого отвращения, что она не могла больше этого выносить.

Медленно, не дыша она повернулась лицом к нему.

Глаза их встретились. Люк выпрямился, не говоря ни слова, подхватил пиджак и направился к выходу.

— Куда ты собрался? — воскликнула Оливия, готовая броситься за ним.

— Ухожу.

— Но ты не можешь. Уже поздно. Мы… мы должны поговорить.

— Мы уже поговорили.

Он бросает ее? Вот так просто? Она протянула руку, но он не обратил на это внимания.

— Люк, — взмолилась она, — пожалуйста. Не оставляй меня.

У самой двери он помедлил и бросил через плечо:

— Скажи, когда ты собиралась рассказать о своем так называемом выкидыше? Где-то неделю назад мне пришло в голову, что ты порой забываешь о своей беременности.

— Не знаю, — сказала она. — Я еще не решила.

Он кивнул и взялся за дверную ручку:

— Впрочем, это все равно. Прощай, Оливия. Я зайду за вещами позже, когда ты будешь на занятиях.

— Подожди! — крикнула она, хватая его за локоть. — Люк, ты не можешь оставить меня. Не сейчас. Мы женаты. Пожалуйста, я не хотела…

Он оттолкнул ее:

— Мне плевать, чего ты хотела, Оливия. На этот раз все кончено.

Окаменев, она смотрела, как он открывает дверь. Та тихо скрипнула, словно протестуя, а потом Оливия слышала лишь звук его шагов по дорожке. К тому моменту, когда она снова смогла пошевелиться, он уже завел двигатель.

— Люк! — кричала она, мчась по дорожке вслед за ним. — Люк, вернись.

Но Люк уже выехал на дорогу и, когда она, задыхаясь, выскочила на тротуар, скрылся из виду.

Оливия долго стояла, глядя на пустую улицу. Она не замечала, как ветер стал по-осеннему холодным, и, когда пальцы закоченели, просто сжала кулаки и медленно поплелась в дом.

Лишь однажды она чувствовала себя такой покинутой. Но тогда она была ребенком, и все было иначе.

* * *

Вернувшись в свою квартирку, Люк расстегнул было рубашку, но решил, что не сможет оставаться здесь всю ночь. Горечь заполнила его так, что даже во рту он ощущал ее вкус.

Оливия. Он сполна заплатил за неумение сдержаться, за те мгновения безудержной страсти. И чувствовал, что это еще не все. Но что поделаешь? Жизнь все равно продолжается. Только теперь в ней не будет ребенка.

Люк сел на краешек дивана и уткнулся лицом в ладони.

Наутро, когда Оливия открыла глаза после практически бессонной ночи, Люка не было. Она прождала его весь день, но он так и не появился.

На следующий день она пошла на занятия, а когда вернулась к вечеру, все его вещи исчезли.

Неделя после этого была худшей в ее жизни. Она то вновь переживала свою утрату, то старалась привыкнуть к тому, что осталась одна.

Сначала она убеждала себя, что Люк скоро вернется. Затем заставляла смириться с тем, что, возможно, и не вернется. Через некоторое время она поняла, что вместе с Люком ушла часть ее жизни. Она скучала по нему. Отчаянно тосковала. Осознание этого поразило и опечалило ее.

Но она не могла сдаться без борьбы. Это было совсем не в ее духе, и если он полагал, что она успокоится, то, значит, совсем не знал женщины, на которой женился.

Глава 8

Серым октябрьским утром, неделю спустя после разрыва с Оливией, Люк подъехал к ее дому, резко затормозил и, не выключая двигатель, выскочил из машины. В руках он держал небольшую коробку, которую нес так осторожно, словно в ней была бомба.

Вчера днем ему доставили посылку. Когда Люк развернул ее, то обнаружил первое издание «Происхождения видов» Дарвина в великолепном состоянии.

— Не могу поверить! — восклицал он, поглаживая кожаный переплет. — Кто?.. Как?..

Но когда он увидел карточку, радость от обретения сокровища сменилась взрывом негодования. Книга, как он мог бы сразу догадаться, была подарком от Оливии.

К тому моменту, когда он донес коробку до ее двери, настроение, и так мрачное, еще больше испортилось. Он сердился на себя, но не мог просто оставить подарок на ступенях.

Люк достал ключ, открыл дверь и положил книгу на пол. Вот так. Дело сделано. Он бросил

последний сожалеющий взгляд на подарок, о котором много лет мечтал, и шагнул обратно к двери. И тут услышал странный звук.

«Не обращай внимания, — сказал он себе. — Не обращай внимания и уходи. Быстро!» Он сделал несколько шагов по дорожке и остановился.

Нет, он не мог просто так уйти. Он должен знать. Выругавшись, он повернул к двери, приоткрыл ее и прислушался. До его слуха донеслись рыдания Оливии.

Привычная боль возникла в груди. Он стиснул зубы и привалился к дверному косяку, все еще мокрому после вчерашнего дождя. Что, черт побери, теперь делать? И почему Оливия не на занятиях?

Пока он так стоял, рыдания усилились.

Люк стукнул кулаком по двери. Вот он и попался. Наверняка Оливия все рассчитала. Она была уверена, что он лично вернет книгу, и поджидала его, как хитрый маленький паучок поджидает муху. И ее паутина, естественно, была соткана со знанием дела, она прекрасно знала, как лучше всего поймать Люка.

Слезы.

«Оставайся на месте, Харриман!»

Сначала Люк подумал, что голос послышался

откуда-то сверху. Когда же понял, что говорит сам с собой, то решил немедленно уйти, пока окончательно не сошел с ума.

Закрыв уши руками, чтобы не слышать рыданий, он захлопнул дверь и ринулся к машине. Он уже готовился скользнуть на сиденье, как вдруг услышал шуршание гравия. И хорошо знакомые руки обняли его.

Нет! Совершенно исключено. Он не собирался попадаться на эту уловку снова — несмотря на предательскую реакцию тела.

— Нет, — рявкнул он, хватая ее за запястья. — Нет, Оливия. Все кончено, хватит. Неужели ты не можешь понять этого своей замечательной светлой головой?

Вместо ответа она обвила ногой его колени.

Он попытался стряхнуть ее с себя, но она прилипла крепко, как моллюск к скале.

— Оливия… — начал он.

Оливия рассмеялась, откинулась назад, и, прежде чем Люк смог схватиться за капот своей машины, оба рухнули на землю. После короткой борьбы Оливия оказалась внизу, распростершись на узкой полоске травы прямо у дорожки.

— Привет, — прошептала она, проводя пальцем по его нижней губе. — Я скучала по тебе.

И пока Люк пытался успокоиться, обхватила его за шею.

Он застонал. Оливия опять надела это невероятное красное платье, и даже сквозь джинсы и плотную рубашку он чувствовал каждый изгиб ее соблазнительного тела. Чего она и добивалась.

Как только Люк попытался отстраниться, Оливия начала двигаться. Прямо здесь, у дорожки, на глазах у жителей Атингтон-Вудс и водителей всех проезжающих автомобилей, она двигала бедрами в медленном, возбуждающем, эротическом ритме.

Люк скользнул ладонями ей под юбку и провел по бедрам вниз. На ней не было ни белья, ни чулок. О, как он хотел этого, как невыносимо желал!

Нет! Этого нельзя допустить. Он что, сошел с ума? Люк перекатился на бок и сел, бессильно свесив руки между колен.

— Не уходи, — взмолилась Оливия. — Я же вижу, ты хочешь меня.

— Это видно и тебе, и любому в радиусе пятидесяти метров. Да, я хочу тебя. И я хочу сделать с тобой кое-что, возможно, непристойное. Но, к сожалению, ничего не будет.

— О! — Оливия одарила его дивной улыбкой

и, поднявшись на колени, продемонстрировала то, что он и так уже знал — что на ней не было белья. — Почему нет? Я никогда не занималась ничем непристойным. — Она вскочила на ноги, вся в облаке красного шелка. — Пойдем в дом.

— Нет, — сказал он, хотя и сомневался, что она понимает смысл этого слова. Резко поднявшись, он схватил ее за плечи, развернул лицом к дому и грубо подтолкнул.

Когда она оглянулась, он уже был в безопасности в своем «рейнджере».

— Ну хорошо же, Люк Харриман, — кричала ему вслед Оливия. — Может, ты и выиграл этот раунд, но не думай, что я окончательно сдалась.

Две недели прошли без вестей от Оливии, и Люк уже начал надеяться, что она наконец поняла значение слова «нет».

Большую часть времени он чувствовал себя абсолютно спокойно. Лишь иногда, по ночам, его изголодавшееся тело предательски напоминало о ней. Возможно, она и была женщиной без сердца, но иногда это не имело значения.

Как-то в пятницу ему позвонил Джо Франклин и пригласил выпить рюмочку вечером следующего дня. Люк хотел отказаться, но когда тесть заверил, что Оливии не будет, согласился. От него

не убудет, если он немного развлечет старика.

К радости Люка, неподалеку от «Кедров» не было и признаков красного «мерседеса». Седовласая экономка, которую звали, как он уже выяснил, миссис Кавендиш, проводила его прямо в библиотеку.

Жар камина, пытавшийся бороться с наступлением промозглой осени, окутал его сразу же, как только Люк переступил порог.

Светлые глаза смотрели на него не мигая.

— Присаживайтесь. — Джо махнул сигарой в сторону камина.

Люк предусмотрительно отодвинул кресло подальше от огня и уселся. Закинув ногу на ногу, он ждал, что скажет старик.

— Ну что ж, молодой человек, — Джо аккуратно положил сигару на край антикварной пепельницы и скрестил пальцы под подбородком, — и что вы теперь предполагаете делать с моей дочерью?

— Делать? Ничего, сэр. Хотя, безусловно, я окажу всяческое содействие, если она захочет развестись как можно быстрее.

— Она не хочет. — Джо вновь потянулся за сигарой и выпустил облако дыма, которое медленно поплыло к потолку.

— В таком случае, — сдержанно произнес Люк, — я подожду, пока она не поймет, что это неизбежно.

— Хм… — Джо покачал головой. — Налейте себе выпить. Мне виски с содовой.

Люк поднялся, смешал напитки, радуясь, что хоть на время оказался подальше от жаркого пламени камина. Когда он вернулся на свое место, Джо буркнул:

— Она говорит, что любит вас.

Люк уставился на длинные ряды коричневых переплетов, которые, казалось, никогда не трогали.

— А она сказала вам, почему я ушел?

— Да, сказала. — Голос Джо прозвучал неожиданно глубоко. — Похоже, она думает, что в любви и на войне все средства хороши. И она не желает понять, что вы с ней не согласны.

— А вы согласны с этим, сэр? — спросил Люк, уже не в первый раз думая, каково это — быть отцом Оливии.

Джо опустил веки:

— Разумеется, нет. Я готов был вырвать ее из моего сердца, когда узнал, что обещанный внук — ложь, уловка. Но она — это все, что у меня есть. А вы, я полагаю, единственный мужчина,

который может с ней справиться.

— Но я не хочу справляться с ней, — сказал Люк. — И никогда не хотел.

— Тем не менее она ваша жена. И хочет вернуть вас.

— Я не хочу, чтобы она присутствовала в моей жизни. Простите, если обижаю вас…

— Это меня совершенно не обижает. — Джо затянулся еще раз и положил сигару. — Я был бы удивлен, если бы вы чувствовали иначе. Но факт остается фактом — она моя дочь. И я всегда буду желать для нее лучшего. Насколько я понимаю, в настоящий момент это вы.

— Это невозможно, — сказал Люк, улыбаясь, чтобы хоть как то сгладить свою резкость.

Джо наклонился вперед и протянул руки к огню.

— Насколько я знаю, нет ничего невозможного при правильной постановке вопроса. Оливия говорила мне о вашем намерении открыть собственное дело.

— Да. Надеюсь, это произойдет довольно скоро.

— Вам нужны будут кредиты. Она сказала, что у вас нет денег.

— Мы с сестрой получили небольшое наследство, которое вложено в некоторое предприятие

и приносит доход. Этого, вкупе с банковским кредитом, должно хватить. Я готов начать с малого и расширять дело постепенно.

Джо внимательно изучал кончик сигары.

— Что, если я предложу вам беспроцентный кредит? Тогда вам не нужен будет заем, и вы сможете начать дело гораздо раньше.

Люк подавил желание выругаться в ответ и немедленно уйти. После паузы он сдержанно ответил:

— Я не смогу принять ваше предложение.

— Оливия сказала, что вы ответите именно так. Отлично, тогда что могло бы убедить вас предоставить моей дочери еще один шанс?

— Ничего, — сказал Люк. — Если бы я был готов вернуться, для этого не потребовалось бы ничьего вмешательства. — И добавил: — Это Оливия попросила подкупить меня?

— Я бы не стал употреблять это слово. Она попросила меня сделать что-нибудь, чтобы вернуть вас. И что бы вы ни думали, молодой человек, я верю, что она искренне в вас заинтересована. — Он помолчал несколько секунд. — Так что мне передать ей? Что вы подумаете?

Полено в камине треснуло, разбросав вокруг сноп искр. Люк ослабил узел галстука. В комнате

было невыносимо жарко.

— Нет, я этого не говорил, — сказал он. — Это было бы неправдой.

— Вы такой ярый поборник правды?

— Да. — Не видя смысла в продолжении беседы, Люк встал. — Простите, что ничего не получилось.

— И вы меня простите. — Джо смотрел в огонь.

Выйдя из дома, Люк снял галстук и жадно вдохнул прохладный вечерний воздух. Слава Богу, все кончилось — он не выдержал бы дольше в этой парилке у Джо.

Сунув галстук в карман, он направился к «рейнджеру».

Тяжелые металлические ворота оказались закрыты. В тот момент, когда Люк открывал их, он заметил странную тень под одним из высоких кедров у самого въезда в усадьбу. Он подождал, и тень двинулась к нему, превратившись в стройную женщину.

— Привет, Люк, — сказала Оливия. — Я жду тебя. Ты поговорил с папой?

Люк прикрыл глаза. О Боже, только не сейчас, когда он уже почувствовал себя в безопасности. Он провел ладонью по лбу и вновь открыл глаза.

— Удивлен? — услышал он ее голос.

— Да, — произнес он, приходя в себя. — Удивлен. Я думал, ты достаточно умна, чтобы понять, когда все действительно кончилось.

— Но это было бы глупо. — Ее глубокий голос струился, как мед. — Почему я должна смириться с утратой единственного мужчины, которого на самом деле хочу?

— Пути назад нет, Оливия.

Ему показалось, что она перестала дышать. Потом она кивнула и тихо сказала:

— Да. Теперь я это вижу. Не мог бы ты сделать еще одну, последнюю, вещь для меня, Люк?

— Смотря чего ты хочешь.

— Да, конечно. Пожалуйста… пожалуйста, поцелуй меня на прощание.

Глава 9

Это была ее последняя надежда. Если Люк поцелует ее, зная, что это в последний раз, а потом уйдет не оглядываясь, ей придется признать, что это конец. Но если он не сможет — тогда, значит, еще остается шанс.

— Люк, — Оливия подняла лицо, надеясь, что он увидит соблазнительный изгиб ее губ в неверном свете луны, — пожалуйста.

Люк пожал плечами:

— Зачем? Что это даст?

— На память. — Она откинула назад волосы жестом искусительницы.

Люк шагнул к ней, поколебавшись, взял ее лицо в ладони, наклонился и прикоснулся губами к ее губам.

Поцелуй был легким, невесомым, как касание крыльев мотылька. Но все внутри ее тела напряглось, и внизу живота появилась тяжесть, как происходило всегда, когда Люк прикасался к ней.

Она попыталась придвинуться ближе, но он тут же отпустил ее и сделал шаг назад.

Нет! Он не должен оставлять ее. Только не так.

— Это не поцелуй, — прошептала она. — Я имела в виду настоящий.

Он возвышался над ней, огромный, подобный черному великану в лунном свете, и ей вдруг показалось, что он откажется. Затем она почувствовала его пальцы на своей щеке.

— Хорошо. — Его бархатный голос, казалось, коснулся обнаженных нервов. — Будь по-твоему. — Его губы прижались к ней с едва сдерживаемой страстью.

Она застонала и приоткрыла рот, приглашая его язык. Когда же он проник внутрь, скорее безжалостно и бесцеремонно, чем нежно, она поняла, что потеряла его.

Это не напоминало поцелуй мужчины, который ищет примирения. Это был поцелуй человека, который берет, не давая ничего взамен, соблазняет, оставаясь равнодушным. Надо остановиться. Хватит и того, что она потеряла Люка. Если она потеряет гордость, у нее вообще ничего не останется.

Люк не пытался ее удержать. Как только он почувствовал, что она напряглась, тут же отпустил ее.

— Доброй ночи, — сказал он, будто они прощались после первого свидания. — Приятных снов.

Оливия смотрела, как он идет по дорожке, открывает ворота, садится в машину, как машина трогается с места… Потом медленно, едва передвигая ноги, пошла к дому.

— Что случилось, Солнечный Зайчик? — спросил отец. — Почему ты здесь?

Солнечный Зайчик. Он не называл ее так с тех пор, как ей исполнилось двенадцать.

— Честно говоря, не знаю, — сказала она, устраиваясь с чашкой какао у огня рядом с ним. — Кажется, мне некуда идти.

— Я говорил с Люком, но он не хочет ничего слушать.

— Знаю. Он презирает меня.

Отец ничего не сказал в ответ. Оба молча сидели, глядя в огонь, затем Джо тихо проговорил:

— Если ты хочешь вернуть его, тебе придется делать это самой. Ты ведь понимаешь это, правда?

— Да, понимаю. — Она сделала глоток и отставила чашку. — О, папа, я не знаю, как мне быть.

Джо подошел к ней и взял за руку. Неужели перед ним его всегда сдержанная, холодная дочь? Эта дрожащая девочка, которая изо всех сил старается сдержать слезы?

— Не надо, — сказал он, — не плачь, родная. Ты обязательно что-нибудь придумаешь. Он сказал,

что вовсе не ненавидит тебя.

Оливия высвободила руку.

— Лучше бы он меня ненавидел. Ненависть все же ближе к любви, чем презрение.

— Ты уверена, что любишь его?

Она опустила глаза.

— Думаю, да. Но может, я вообще не знаю, что такое любовь. Я знаю только одно: мне надо, чтобы Люк вернулся. Не могу смириться с мыслью, что никогда… никогда не буду с ним.

Джо озадаченно потер затылок.

— А ты не думаешь, что в тебе говорит уязвленное самолюбие? Ты ведь не привыкла, чтобы тебя бросали?

Оливия прижала пальцы к вискам.

— Сначала это было именно так. Но откуда ты знаешь?

— Я хорошо тебя знаю, — сказал он. — Ты моя дочь.

— О, папа, — покачала она головой, — ты совсем не знаешь меня.

— Возможно, ты права, — вздохнул он, — а возможно, и нет. Но я всегда любил тебя, Оливия.

Оливия вскинула голову, как будто он ударил ее.

— Нет, вы с мамой не любили меня. Вы хотели,

чтобы я умерла вместо Реймонда.

— Это неправда. — Ладонь Джо тяжело опустилась на стол. — Я пытался быть ближе к тебе. Но ты не позволяла. А что касается твоей матери… Она ничего не могла с этим поделать. Она любила тебя, Оливия, но так и не сумела оправиться после смерти Реймонда. У нее была глубокая депрессия. Ты была слишком мала, чтобы это понять. Я и сам до конца не понимал.

— Ты говоришь, у мамы была депрессия, и поэтому нормально, что она не замечала меня? Вы оба забыли о моем дне рождения…

— Забыли о дне рождения? О чем ты говоришь? Мы дарили тебе подарки, устраивали вечеринки каждый год, когда ты была маленькая…

— Не каждый год. Когда мне исполнилось двенадцать, никакой вечеринки не было. Хотя ты обещал. Ты не приехал, — рыдала она. — Я ждала до полуночи.

— Оливия, я не знал. Я помню тот день рождения, о котором ты говоришь. Я был в Нью-Йорке и послал тебе огромную коробку с подарками. Там был громадный мягкий пес и книга о медведях…

Оливия ухватилась за край стола. Пальцы ее похолодели.

— Коробка? Я ничего не получила.

— Но я отправил ее. С курьером. Ты должна была получить.

— Не получала. И праздника не было. И ты даже не спросил меня, как все прошло, когда вернулся домой. Вот почему я подумала…

Джо поднял голову, затем резко отодвинул стул и поднялся.

— Наверное, не спросил, — согласился он. — Но если бы я мог знать… Послушай, Оливия, когда я вернулся из Нью-Йорка, я застал маму в постели со страшной пневмонией. Думаю, беспокоясь о ней, я и в самом деле забыл спросить тебя о вечеринке.

— Я была так уверена, что ты приедешь, — прошептала она.

— Меня задержали. А потом я вернулся и узнал, что мама тяжело заболела.

Оливия чувствовала, как глыба льда внутри ее начинает таять. Она прижала руки к его щекам. Они были влажные и холодные. И она принялась гладить их, вытирая и согревая.

— Я не знала, — сказала она. — Я думала, тебе все равно.

— Ну конечно, нет. — Джо говорил так, словно невидимая рука продолжала сжимать его горло. — Там, внутри посылки, было письмо…

Оливия начала было что-то говорить, но он прервал ее. И в следующее мгновение прижал ее голову к своему плечу, как делал давным-давно, когда она была маленькой девочкой и плакала, поцарапав коленку или локоть.

— Попробуем начать сначала? — спросил он так жалобно и с такой надеждой, что она снова чуть не расплакалась.

— Давай попробуем, — прошептала она.

— Поговорим завтра, — предложил Джо. — Тебе нужно как следует выспаться. А мне нужна хорошая сигара.

Оливия рассмеялась и сразу же почувствовала себя лучше. Поднимаясь в свою старую комнату, она продолжала улыбаться.

Церковные колокола? Оливия протерла глаза, села, увидела голубое покрывало, голубые шторы на окнах и огромный кедр за окном.

Конечно же, она вернулась домой.

Двадцать минут спустя Оливия спустилась к отцу. Он пил кофе и курил очередную сигару в маленькой комнатке, выходившей в сад. Оливия пробежала глазами заголовки, среди которых выделялся один, о парочке, занимавшейся сексом на виду у пассажиров поезда.

— Интересно, пап? — спросила она.

— Тебе не понравится. — Джо поднял голову над газетой. — Я читаю отчет о добыче угля.

Оливия скорчила гримасу:

— Тоска. Секс в поезде гораздо забавнее.

Джо положил газету и откашлялся.

Ого, он, похоже, смущен.

— Все в порядке, пап. Я просто дразню тебя, это шутка.

Джо улыбнулся:

— Давненько этого не было, а? Очень давно.

Она поняла, что он имеет в виду. Они постоянно поддразнивали друг друга, когда Оливия была маленькой.

— Да, — согласилась она, усаживаясь за стол. — Слишком давно. Папа, что мне делать?

— Значит, ты все еще не сдалась?

— Нет. Я не могу с этим смириться.

Джо задумчиво затянулся:

— Я бы сказал, лучшее, что можно сейчас сделать, это на некоторое время предоставить всему идти своим чередом. Получи диплом, потом займись чем-нибудь полезным. Люк не из тех мужчин, которые считают, что женщина должна просто украшать их жизнь.

— Это я знаю. Но я не могу быть медсестрой или кем-нибудь вроде этого.

— Не сомневаюсь, ты что-нибудь придумаешь.

Глава 10

Люк посмотрел на часы, потянулся и неторопливо поднялся из-за стола. Он никуда не спешил, потому что был вечер пятницы и все остальные его сотрудники давным-давно разошлись по домам.

Его бизнес успешно развивался, за последние восемь месяцев было подписано множество контрактов. Собственное дело доставляло ему наибольшее удовольствие с тех пор, как распался его брак.

Черт, откуда опять эти мысли? В его браке было довольно мало приятного, если не считать постели, и тем вечером в «Кедрах», когда он в последний раз поцеловал Оливию, он убедился, что может оставить ее без сожаления. Но почему же тогда он до сих пор просыпается по ночам, чувствуя ее запах?..

Все, хватит воспоминаний! Надо думать о настоящем. Он сунул бумаги в портфель, включил сигнализацию и отправился домой.

Завтра его сестра заканчивает университет и получает диплом. Трудно поверить, что еще

совсем недавно она убивалась по Майклу. Сейчас она собирается замуж за Стивена Лайла, которого Люк в глубине души считал ужасным занудой.

И если Розмари получает диплом, значит… и Оливия тоже.

Так, отлично. Его почти уже бывшая жена тоже будет там. Впрочем, она может и не прийти на официальное мероприятие.

Люк был готов к тому, что увидит Оливию, но, когда произнесли ее имя, непроизвольно приподнялся.

«Спокойно, Люк. Держи себя в руках». Стивен, сидевший рядом, успокаивающе похлопал его по плечу. Люк раздраженно стряхнул его руку и едва удержался, чтобы не предложить будущему зятю не лезть не в свое дело.

Люк не отрываясь смотрел на Оливию. У него перехватило дыхание. Заметила ли она его? Нет, невозможно. Оливия не могла знать, где он сидит. Проглотив комок в горле, он смотрел, как она спускается со сцены, такая маленькая и беззащитная в огромном дурацком черном балахоне — милая невинная девушка, которой она, конечно же, не была.

Когда вызвали Розмари, он громко захлопал, но не мог разглядеть сестру отчетливо из-за слез,

неожиданно набежавших на глаза.

Вся оставшаяся часть церемонии прошла в тумане воспоминаний о женщине, которая была некогда его женой. Он вернулся к реальности лишь в тот момент, когда оркестр громко заиграл «Этот маленький, маленький мир».

Потом он стоял вместе со Стивеном в толпе родственников и друзей, собравшихся в этот жаркий майский день перед зданием. Наконец Стивен заметил Розмари и убежал к ней.

Люк неторопливо последовал за ним и, кажется, услышал где-то неподалеку смех Розмари, но не обернулся. Просто не мог. Потому что прямо рядом с ним остановилась Оливия.

— Ты не изменился, — сказала она.

— Пожалуй. Как и ты.

— Я надеялась, что ты придешь.

Люк пожал плечами:

— А я надеялся, что ты не придешь.

Плечи Оливии поникли, и она опустила голову, словно от стыда.

Ему пришлось напомнить себе, что она всего лишь притворяется, как обычно, не испытывая на самом деле никаких чувств. Но больше всего на свете ему хотелось сейчас обнять ее и сказать, что он вовсе не хотел ее обидеть.

— Ты все еще презираешь меня, — проговорила Оливия, не поднимая головы, словно любуясь туфлями собравшихся.

Презирает? Пожалуй, да. Но почему-то ему ужасно захотелось сорвать этот дурацкий балахон и что-то шелковое темно-синее, выглядывавшее из-под него, и затащить бывшую жену в ближайшие кусты.

— Не имеет значения, что я чувствую, — сказал он. — Все кончилось восемь месяцев назад, Оливия. Скоро ты сможешь подготовить бумаги для развода.

— Джентльмен, как всегда, — вздохнула она. — А почему ты не подаешь на развод?

— Ты хочешь, чтобы я это сделал?

— Нет, я не хочу, чтобы ты разводился со мной. — Ее глубокий голос прервал его размышления. — Ты знаешь, чего я хочу.

— Отлично, — заявил он. — Тогда подними юбку и займемся этим прямо сейчас.

Ему бы следовало не один раз подумать, прежде чем предлагать такое. Оливия любила принимать вызов. Как только он произнес эти слова, она тотчас подхватила подол своего синего платья и начала поднимать его.

— Оливия! Что это ты делаешь?

Голос Джо Франклина вывел Люка из транса, в который он впал от вида стройных ног Оливии. Он оглянулся и увидел отца Оливии, приближавшегося к ним с гневно горящим взглядом.

— Люк велел мне, — сказала Оливия, казалось, нимало не смущенная, но тут же опустила подол.

— Я… — Люк не мог вымолвить ни слова от злости. Он хотел сказать, что не делал ничего подобного, но это было бы не совсем правдой.

— Оливия, веди себя прилично! — В голосе Джо прозвучали строгие нотки.

— Хороший совет, — поддержал его Люк, несколько натянуто улыбаясь. — Я пришел поздравить сестру с окончанием курса. Прошу прощения, если мои необдуманные слова вызвали неловкость.

Джо бросил на Люка понимающий взгляд и повернулся к дочери:

— Оливия, нас ждут дома гости.

Оливия кивнула и обратилась к Люку.

— Зайдешь к нам на вечеринку? — спросила она сдержанно, напомнив чинную мисс викторианской эпохи, приглашающую знакомого на чашку чая.

Ответ Люка прозвучал не менее сдержанно и

церемонно:

— Нет, благодарю, я пойду на праздник к сестре.

Она мило улыбнулась и протянула руку:

— О, конечно. Тогда всего доброго, Люк.

Осторожно взяв ее пальцы, он почувствовал, какие они мягкие и прохладные, и с трудом заставил себя выпустить ее руку.

— До свидания, — сказал он. И с усилием добавил: — Дай мне знать, когда будешь готова обсудить развод.

Оливия скинула туфли, бросилась в свое желтое кресло и подхватила газету, оставленную на кофейном столике еще утром.

Слава Богу, вечеринка, на которой были в основном приятели отца, закончилась уже к десяти.

Она была рада, что не согласилась остаться на ночь в «Кедрах». Джо очень хотел этого, даже намекал, что теперь, когда она наконец получила диплом, нет необходимости жить отдельно. Она притворилась, что не расслышала. Хотя она и рада была примирению с отцом и ужасно жалела о потерянных годах, но вовсе не собиралась расставаться со своей независимостью, особенно сейчас, когда наконец вступила во владение наследством, оставленным матерью.

Она бросила взгляд в газету. Просмотрев несколько заголовков, раскрыла страницу с развлечениями в надежде, что это поможет ей выбросить из головы события вчерашнего дня. Она вовсе не собиралась вести себя как сексуально озабоченная школьница и думала приветствовать Люка с женственной сдержанностью. Но, увидев его, моментально позабыла все свои благие намерения. И могла думать только о том, как сильно его хочет.

Впрочем, выражение лица Люка, изумленное, но вместе с тем исполненное желания, заставляло думать, что ее выходка не была уж настолько безнадежна.

Газетный лист соскользнул на пол. Она наклонилась за ним, и взгляд наткнулся на фотографию пожилого мужчины, обнимавшего маленького пятнистого песика. Заголовок сверху гласил: «Ветеран вынужден расстаться с собакой, которая спасла ему жизнь». Оливия быстро просмотрела заметку. Потом прочла еще раз, более внимательно.

Старик, живущий на пенсию, получил распоряжение от домовладельца избавиться от своего беспокойного четвероногого приятеля по имени Спот. Этот самый Спот однажды оглушительным

лаем разбудил крепко спящего хозяина в тот момент, когда в доме начался пожар. В статье говорилось, что, если старик не согласится расстаться с собакой, ему придется покинуть свою дешевую квартирку.

Оливия выругалась и прочла статью в третий раз. Псу было уже девять лет, и всю жизнь он прожил с одним хозяином. Пенсионер заявил, что скорее согласится жить на улице, чем отдать собаку.

Оливия посмотрела на часы и потянулась к телефону. Может, уже поздно, но, если удастся, маленький пятнистый песик и его хозяин скоро переедут в новый дом.

— Подпишите здесь, мисс Франклин, и она ваша. — Агент по недвижимости жадными глазами следил, как Оливия ставит подпись под документом.

Странно, ей хотелось подписаться, как Оливия Харриман. Но, когда они заключали брак, она отказалась взять фамилию Люка, поскольку в тот момент не собиралась задерживаться надолго в роли его жены.

— Готово, — сказала Оливия, возвращая ручку агенту, — я рассчитываю, что работы в деревне начнутся уже на следующей неделе.

— Великолепно, — агент одобрительно потер руки, — с вами исключительно приятно иметь дело, мисс Франклин.

Несомненно. Этот тип стал теперь на много тысяч долларов богаче. Она же, в свою очередь, приобрела участок земли на окраине Ричмонда, в который намеревалась вложить несколько миллионов своего наследства.

Она попрощалась с агентом и вышла из конторы с чувством, что сожгла за собой мосты.

Прошло уже два месяца с тех пор, как она перевезла старого Лена Стивича и его пса в двухкомнатный коттедж в Барнаби. После чего обследовала земли от Чиллиуэка до Хорсшу-Бей и наконец остановилась на пригороде Ричмонда.

Ее отец считал, что она сошла с ума.

— Что ты намерена делать с деньгами матери? — воскликнул он, пуская клубы сигарного дыма к потолку библиотеки. — Девочка моя, ты хоть представляешь, во что ввязываешься?

— Не вполне, — признала Оливия. — Но я намерена научиться. И уверена, что ты мне поможешь…

— Помогу? Я вовсе не намерен помогать тебе строить — как ты это назвала? Уединенная Деревня для беспомощных пенсионеров и их

постаревших собак…

— И кошек, — перебила Оливия. — А также птичек и хомячков, если они есть.

— Зачем? В качестве корма для кошек? — фыркнул Джо. — Сама идея смехотворна. Тебе нужно вложить эти деньги во что-нибудь стоящее.

— Я уже вложила их. У меня есть все, чтобы начать создание моей деревни.

— Деревни? Зоопарка, ты хочешь сказать. Для чего это все, Оливия? Неужели таким образом ты рассчитываешь произвести впечатление на Люка?

— Отчасти да, — сказала Оливия. — Если я построю деревню на свои собственные деньги, он не сможет сказать, что я все делаю только для себя. Ты же сам говорил, что я должна заняться чем-нибудь полезным.

— Не вижу ничего полезного в том, чтобы позволять старым идиотам быть безответственными.

— Я делаю это ради их животных. От них-то ты не можешь ожидать ответственности.

— Животные, — проворчал Джо, обрезая кончик очередной сигары. — Ты всегда сходила с ума от собак.

Оливия промолчала, но, когда отец сказал: «Так и быть, давай взгляну на твой проект», она

знала, что он обязательно поможет. Она также понимала, что с сегодняшнего дня, когда за ней закрылась дверь агентства по продаже недвижимости, обратного пути нет.

— Я не хочу переезжать. Нам со Спотом хорошо здесь. — Лен Стивич смотрел на Оливию подслеповатыми глазами.

— Я знаю, — в четвертый раз объясняла Оливия. — Но срок аренды истек. И владельцы требуют освободить коттедж.

— Только через мой труп, — прорычал Лен.

Оливия едва удержалась, чтобы не заверить его, что это тоже можно организовать. Ей приходилось думать о десятилетнем Споте, с которым они подружились за последний год — год, в течение которого начались работы по созданию деревни и туда начали переселяться первые жители.

Хотя первоначально она и не предполагала предоставлять приют игуанам, жабам, крысам, хорькам, пришлось уступить и выделить им часть жизненного пространства, после того как пожилая дама по имени миссис Ву, наблюдая за колебаниями Оливии по поводу отвратительной вороны со сломанным крылом, сказала: «Все они творения Господни, ведь верно?»

— Мистер Стивич, — заявила она, — или вы пе-

реедете отсюда добровольно, или вас вышвырнут вон. И что тогда, по-вашему, случится со Спотом?

— Он помрет вместе со мной. Для нас, стариков, нет места на этой земле.

— Есть такое место. Хоупвилл[1].

Оливия, которая провела почти целый год в дискуссиях с такими же старыми упрямцами, как Лен, знала, как прекратить бесплодные споры, и направилась в кухню, чтобы начать упаковывать вещи. Она прекрасно понимала нежелание Лена что-либо менять в жизни, но на этот раз у него не было выбора.

Уже не в первый раз Оливия удивлялась себе. Она полюбила многих своих подопечных стариков, хотя понимала, что, наверное, многим не нравится. Но животные ее обожали. И Оливия улыбнулась, подумав о своих четвероногих любимцах.

По правде говоря, ей не часто хотелось улыбаться. Она постоянно была занята, контролируя строительство деревни, которую решила назвать Хоупвилл, но быть занятой вовсе не означало быть счастливой.

Люди думали, что она назвала деревню Хо-

---

[1] Примечания: 1
Поселок Надежды (*англ.*).

упвилл, потому что та давала надежду на нормальную жизнь ее престарелым жителям. Они ошибались. В названии была надежда на возвращение мужчины, который открыл ей глаза на истинные радости жизни. И она вовсе не имела в виду секс.

Люк звонил ей дважды, чтобы узнать, не надумала ли она начать бракоразводный процесс. Оба раза она сказала, что не спешит с этим, и он, казалось, был удовлетворен ответом.

Ей было любопытно, знает ли он, что именно она стоит за идеей создания Хоупвилла. О деревне несколько раз писали в газетах, но едва ли новости такого рода интересовали Люка. Она помнила, что он всегда читал спортивный раздел и иногда деловые новости. Старики и домашние животные его не интересовали, хотя он внимательно относился ко всему живому.

Не важно. Посмотрим, как он поведет себя, когда получит приглашение на благотворительный концерт в пользу Хоупвилла, который состоится в начале сентября. Люк не большой любитель музыки, но сюда-то он придет.

Ну а если нет, она найдет другой способ случайно встретиться с ним.

— Что с тобой? — Розмари застыла в дверях

двухуровневого пентхауза с видом на залив, недавно купленного Люком. Он перебирал бумаги на обеденном столе.

— Ты потерял бумажник среди этого хлама?

— Нет, только приглашение, которое не собирался принимать.

— А что за приглашение? — поинтересовалась Розмари. — Если ты не собираешься его принять, зачем ищешь?

— Я не собирался принимать его. А теперь передумал. Чарли позвонил и попросил составить компанию его сестре Селии. Ее приятель по каким-то причинам не может, а я достаточно стар, чтобы не представлять угрозы в качестве соперника.

— О, и куда ты должен с ней пойти?

— На какой-то благотворительный концерт. По поводу стариков и домашних животных.

— Хоупвилл, — сказала Розмари.

Люк прекратил перебирать бумаги и посмотрел на нее. Голос Розмари прозвучал неестественно спокойно.

— Да. Что-то не так?

Розмари прошла в кухню, и сквозь приоткрытую дверь он заметил, как сестра налила себе стакан воды.

— Ты что, ничего не знаешь о Хоупвилле?

— Нет. А что, должен?

— Это было в газетах.

— Должно быть, я не обратил внимания, — сказал он. — А, вот оно.

Люк взял пригласительный билет с серебряной каймой и недовольно проворчал:

— Отлично. Именно так я и люблю проводить вечера — слушая противное пиликанье скрипок.

Розмари вернулась в столовую.

— Только потому, что у тебя абсолютно нет слуха…

— Знаю, знаю. Я же пообещал, что пойду. Чарли — хороший парень, и я не хочу огорчать юную Селию. В последний раз, когда мы виделись, она была прелестной маленькой девчушкой.

Розмари покачала головой:

— Иногда ты меня поражаешь. Немногие согласятся вести на концерт сестренку друга, если сами туда не собираются. Почему сам Чарли не пошел?

— Он уезжает в Виннипег.

Люк положил приглашение в карман и принялся наводить порядок на столе.

* * *

Он был здесь. Не в мечтах, а во плоти. Впервые за последний год она смотрела на человека, которого любит.

Оливия стояла на верху лестницы, ведущей в театр «Орфеум». Заметив Люка, она внезапно почувствовала слабость в коленях, но, глубоко вздохнув, продолжала очаровательно улыбаться и приветствовать гостей, поднимавшихся по лестнице. Восхищенные взгляды мужчин говорили о том, что она и без того знала — она сделала верный выбор, остановившись на облегающем изумрудно-зеленом платье, открывавшем одно плечо.

Люк не сможет остаться равнодушным. Сердце бешено колотилось, когда она небрежным жестом поправила прическу, поджидая, когда он подойдет ближе.

Он не смотрел в ее сторону. Улыбка Оливии погасла, когда она проследила за его взглядом. Нет. Не может быть… Кто эта светленькая девица, повисшая у него на руке? Кажется, они хорошо знакомы.

Люк был невыразимо хорош. Оливия никогда прежде не видела его в вечернем костюме, и эф-

фект был сногсшибательным. С первого взгляда было видно, что костюм сшит на заказ. И туфли, если она не ошибается, от лучшего итальянского модельера.

Похоже, с тех пор, как они расстались, дела Люка пошли в гору.

Когда он приблизился к ней, все еще поглощенный милой болтовней со своей спутницей, Оливия протянула руку и сказала:

— Добрый вечер, Люк. Рада, что ты пришел. — Он не сразу поднял глаза. А когда в конце концов посмотрел на нее, Оливия добавила: — Ты не хочешь представить меня своей… — она на мгновение замялась, — подруге?

Люк всегда великолепно владел собой. Но сейчас она видела, с каким трудом он разжал кулаки. После паузы он кивнул и проговорил с холодностью, так резко контрастировавшей с пламенем, бушевавшим в его глазах:

— Да, конечно. Это Селия Колдикотт. Селия, это Оливия, моя бывшая жена.

— О, какой сюрприз! — воскликнула Селия и покраснела.

— Да, для меня это тоже сюрприз, — согласилась. Оливия. — Особенно если учесть, что я вовсе не бывшая жена Люка. Насколько я знаю, мы все

еще женаты.

— Это ненадолго, — буркнул Люк. — Пойдем, Селия, поищем наши места.

— Увидимся, — бросила Оливия им вслед. Она постаралась удержать улыбку и провожала их взглядом, пока они не скрылись за одной из массивных колонн.

Неужели у него что-то серьезное с этой хихикающей блондинистой девицей? Она, конечно, привлекательна, но слишком молода…

— Прелестно выглядишь, дорогая.

Оливия повернулась к обладателю приятного бархатного голоса, доктору Крампу.

— Благодарю, доктор, — пробормотала она, — вы тоже.

Старик расплылся в улыбке и самодовольно откашлялся:

— Жаль, что твой отец не смог прийти. Надеюсь, с ним все в порядке.

— О да, просто простудился. Он подумал, что будет не слишком прилично громко кашлять в течение всего концерта.

— А, ну хорошо, — кивнул доктор, и жена тут же подхватила его под руку.

Оливия с улыбкой приветствовала дирижера, подошедшего к ней.

Вслед за дирижером появилась группа жителей Хоупвилла.

— Добрый вечер, миссис Ву, — обратилась Оливия к даме, возглавлявшей процессию. — Миссис Бейлиф, рада вас видеть. Как поживает Аттила? — Последние слова ей пришлось почти прокричать прямо в ухо маленькой старушке с личиком херувима: — Его лапке лучше?

Тут прозвенел звонок, и Оливия стала рассаживать своих подопечных, а потом поспешила занять свое место. Оркестр заиграл увертюру, и Оливия со вздохом облегчения откинулась в кресле.

Ее работа стоила того. На улицах Ванкувера больше не будет бездомных, подобных Лену Стивичу с его Спотом. И сейчас она наконец могла расслабиться. Могла бы, если бы сумела выбросить из головы мысли о Люке, который посмел привести свою подружку на ее концерт.

Селия Колдикотт. Она где-то слышала это имя… О, ну конечно! Чарли. Чарли Колдикотт, который был шафером Люка на их свадьбе. Селия, должно быть, его сестра. Но тогда, возможно, она вовсе не подружка?

Оливия прикрыла глаза и, когда чистые звуки музыки окутали ее, почувствовала, что не хочет

думать о грустном, и отдалась во власть чарующей мелодии.

Люк раздраженно повел плечами, когда музыка заполнила зал. Еще пара часов, и он будет далеко отсюда, от этой какофонии и, что более существенно, от Оливии.

Он должен был знать, что это она стоит за приглашением.

Селия улыбнулась ему и прошептала:

— Спасибо.

Она была очаровательным ребенком, влюбленным в музыку, и Люк надеялся, что не испортит ей вечер только потому, что где-то в этом же зале сидит Оливия в невероятно откровенном зеленом платье. Женщина не имеет права выглядеть так ослепительно. Люк еще больше желал ее с тех пор, как их непродолжительный брак пришел к концу.

Боже, сколько же будет продолжаться эта пытка?

Селия рядом с ним едва не подпрыгивала от восторга, захваченная музыкой, и он напомнил себе, что пришел не ради собственного удовольствия.

Когда наконец объявили антракт, он нашел в себе силы улыбнуться и заверить Селию, что ему очень нравится концерт.

— Здорово. А потом еще будет прием, — сказал она.

— Прием? — изумленно переспросил Люк.

— Да, после концерта. Ты что, не слышал, как твоя жена пригласила нас?

— Она не моя жена, — недовольно проговорил Люк.

— О, но мы ведь пойдем на этот прием, правда? Все мои приятели из музыкальной школы там будут.

И Оливия тоже, подумал Люк. Он посмотрел на милое юное лицо Селии, исполненное предвкушения праздника, и пробормотал:

— Конечно. Если ты хочешь.

Десять минут спустя он устроился в кресле и приготовился терпеть второе отделение концерта.

— Ты не спал, — одобрительно заметила Селия, когда концерт закончился и разразилась буря аплодисментов.

— Не издевайся, — ухмыльнулся Люк и, подхватив ее под руку, направился в зал, где должен был проходить прием.

Стройный симпатичный мужчина с бородкой подошел к Оливии и приобнял ее за талию. Люк, который в этот момент пытался совладать со

своими непроизвольными желаниями, почувствовал, что челюсти его сжались. Им двигала не страсть, но, как он понял позже, первобытный инстинкт — инстинкт самца, который стремится избавиться от потенциального соперника.

И не важно, что Оливия больше не была его самкой.

Торопливо бросив Селии «извини», он подошел вплотную к Оливии и убрал руку наглеца с ее талии.

— Кто вы, черт побери, такой? — недовольно спросил бородатый тип с явным европейским акцентом.

— Муж мисс Франклин, — ответил Люк.

Оливия очаровательно улыбнулась бородачу:

— Он такой собственник.

Люк не был уверен, зарычал он вслух или про себя. Что это с ним такое? Неужели эта ведьма наложила на него заклятие?

— Извините, — бросил он и отправился на поиски выпивки.

Виски с содовой не улучшило его настроения, но тут глубокий голос позади него произнес:

— Люк?

Он обернулся. Оливия стояла так близко, что он чувствовал ее дыхание на своей шее.

— Пойдем поговорим, — сказала она. — Там есть местечко, где нас никто не побеспокоит.

— Я пришел с Селией.

— Знаю. Но ты мой муж, как ты только что заявил одному из основных спонсоров Хоупвилла. Он не в восторге от этого. Ты не считаешь, что было бы просто вежливо уделить мне несколько минут своего времени?

— Не думаю, что я тебе что-то должен. Но прошу прощения, что помешал твоей беседе с этим типом. Я и подумать не мог, что подобные ощупывания талии неотделимы от бизнеса.

— Это не так. Но я вполне способна избавиться от докучливых ухажеров и без твоей помощи.

— Надеюсь, у тебя достаточно опыта.

Оливия промолчала в ответ. А он и забыл, какой красивой она бывает, когда приходит в бешенство.

— О чем ты хочешь поговорить? — примирительно спросил он. Может быть, она решила заняться разводом.

Огонь в ее глазах погас. Он вспомнил, что так было всегда, когда она считала, что выиграла поединок.

— О многом, — ответила она. — Пойдем.

Люк направился за ней.

Оливия остановилась у одной из колонн, оглянулась и шевельнула бедрами.

Мило. Очень мило. Он медленно трижды хлопнул в ладоши и, подойдя ближе, взял ее за талию.

Оливия прижалась к нему, и в этот момент Люк с циничной улыбкой отступил, выпуская ее из рук.

Глава 11

— Ну хорошо. Итак, о чем мы?

Оливия прекрасно знала этот взгляд Люка. Он означал, что игры закончились.

— О нас. Именно о нас. Несколько минут назад ты заявил, что являешься моим мужем.

— Я также сказал, что ничего тебе не должен. Чего ты хочешь, Оливия?

— Тебя, — сказала она. Чего еще она может хотеть?

— Нет. — Ответ Люка прозвучал спокойно, но неумолимо.

— Но я уже не тот человек, что год назад. Я изменилась. — Оливия постаралась, чтобы ее голос звучал уверенно и спокойно. Она хотела произвести впечатление сдержанной самостоятельной женщины, а не капризной бездельницы-жены.

— Ты не изменилась. Хотел бы я, чтобы это было так. Но, увы — во всяком случае, не настолько, чтобы об этом стоило говорить.

— Но ты же не знаешь. — Она прислонилась к колонне, не побежденная, но явно нуждающаяся в поддержке.

— Знаю. — Он попытался улыбнуться, видимо, чтобы смягчить резкость ответа. — Ты все еще хочешь немедленно получить то, чего пожелала. В настоящий момент объектом твоего желания являюсь я.

Оливия прижала ладони к колонне, непроизвольно поглаживая лепные украшения на ее поверхности:

— Не только в настоящий момент. Я всегда тебя хотела.

— Да, потому что не могла смириться с тем, что мы расстались по моей инициативе. Извини, Оливия, это совершенно бесполезный разговор.

Он уже собирался повернуться и уйти, как Оливия буквально выкрикнула:

— Нет! Люк, это неправда. Я сама себе удивляюсь… Ты прав, я не люблю проигрывать. Но здесь нечто большее. Поверь мне!

Люк скептически приподнял бровь.

— Выслушай меня, — настаивала она, и его скептицизм лишь подогревал ее настойчивость. — Дьявол, ты не единственный привлекательный мужчина в Ванкувере. У меня была возможность…

Люк оперся рукой о колонну за головой Оливии и наклонился так низко к ее лицу, что она могла

разглядеть каждую морщинку у его глаз.

— Не сомневаюсь, много возможностей, — сказал он так холодно и равнодушно, словно это его вовсе не интересовало.

— Я ведь не использовала эти возможности, — сказала она, неосознанно поднимая руку и начиная поглаживать лацканы его пиджака. — Я не хотела. Потому что уже замужем за тобой.

— В этом нет необходимости, ты же знаешь. — Люк мягко убрал ее пальцы. От него едва уловимо пахло виски. Но даже этот запах не был неприятен.

Оливия понимала, что должна сохранять самообладание. Если она потеряет терпение сейчас, Люк, без сомнения, развернется и уйдет — возможно, навсегда. До тех пор пока ей удается удерживать его беседой, остается надежда.

— Я хотела поговорить с тобой о Хоупвилле, — сказала Оливия. Она не смогла придумать ничего другого, чтобы задержать его.

— И что?

Взрыв смеха донесся из зала внизу. Оливия вздрогнула и поморщилась.

— Ты знаешь, что это я организовала Хоупвилл? Что без меня он не сможет существовать?

Ей показалось, или в самом деле тень удивле-

ния скользнула по его лицу?

— Кажется, я что-то слышал, — признался он. — Честно говоря, не придал значения. Тебе нужны пожертвования? Этот концерт, насколько я знаю, благотворительный.

— Именно так. Думала, вдруг ты не знаешь.

— Селия мне рассказала про Хоупвилл. Это действительно хорошая идея. Но интересно было бы узнать истинную причину, побудившую тебя к этому серьезному делу. Скорее всего, она не имеет никакого отношения к облегчению жизни несчастных стариков, но полезна Оливии Франклин.

— Нет! — Она выбросила руку вперед, прерывая его. — Неправда…

Люк продолжал, словно не слыша ее:

— И если причина состоит в том, чтобы произвести на меня впечатление, — отлично. Я впечатлен. Но и только. А сейчас, если ты не возражаешь, я предпочел бы найти Селию и отвезти ее домой. Я обещал ее родителям, что мы вернемся не слишком поздно.

Оливия недоуменно приподняла одно плечо, и тонкая бретелька платья сползла вниз:

— Почему они сами не повели ее на концерт?

Она задала вопрос не потому, что ее это дей-

ствительно интересовало, но лишь для того, чтобы подольше задержать Люка.

— Селии только восемнадцать. Я прекрасно понимаю, что в этом возрасте не слишком приятно появляться в обществе в сопровождении родителей.

— Не знаю, — фыркнула Оливия, — меня такие проблемы никогда особо не заботили.

— Меня тоже.

О, она забыла, что его детство было гораздо более суровым, чем ее.

— Доброй ночи, Оливия, — сказал он, — и, кстати, если ты хочешь заполучить спонсоров, используя свое обаяние, советую поправить бретельку. И подумай о разводе, хорошо?

Он удалился прежде, чем Оливия сумела найти достойный ответ.

Оливия проехала через металлические ворота в Хоупвилл и припарковалась в тени деревьев на стоянке для посетителей. Выйдя из машины, она с гордостью окинула взглядом ряд коттеджей. Сегодня в ярком свете солнца зеленые газоны и свежеокрашенные стены домов выглядели особенно ухоженно и аккуратно. Замечательное место и для людей, и для животных.

Ближайший коттедж, принадлежавший ми-

стеру и миссис Старски и их великолепной афганской борзой по имени Делайла, был светло-зеленого цвета. А сад поражал великолепием осенних цветов. В противоположность ему коттедж Лена Стивича был выкрашен серым, а вместо газона красовалась россыпь камней.

Очень похоже на Лена. Хотя, если бы не он и Спот, возможно, Хоупвилла вообще бы не было.

Оливия направилась к соседнему коттеджу. На пороге появилась миссис Бейлиф с желтоглазым котом на руках.

— Я заглянула посмотреть на лапу Аттилы, — сказала Оливия.

— Осталась только царапинка. — Миссис Бейлиф вытянула голову, как старая черепаха из панциря, и подозрительно посмотрела на Оливию. — Что это с вами? Вы выглядите вялой.

— Я просто устала, — сказала Оливия довольно резко. — Плохо спала ночью.

Она плохо спала всю последнюю неделю. С того концерта, на котором рухнули ее последние надежды.

— Хм, — миссис Бейлиф не выразила сочувствия, — когда вы будете такой же старой, как я, вообще забудете про сон. Это времечко не за горами, а, девонька? — И она погрозила Оливии

пальцем, старая хитрая гадюка. Аттила злобно зашипел.

Ну и парочка, думала Оливия, возвращаясь к машине.

Вечером, смотря по телевизору какую-то романтическую комедию, Оливия вновь вспомнила о миссис Бейлиф. Старуха сделала все, чтобы испортить ей настроение. Неужели в ее возрасте она сама станет такой же злобной? Страшно подумать. Что там сказала миссис Бейлиф? Что-то насчет того, что ей пора готовиться к бессонной старости…

Парочка на экране закончила спор, прыгнув в постель. Оливия подумала, что у Люка были такие же красивые волосы, как у героя фильма.

Но она потеряла Люка.

Оливия вцепилась в ручки кресла и вдруг обнаружила маленькую дырочку там, где ее ноготь прорвал обивку. О дьявол! Она что, в самом деле намерена провести остаток жизни, становясь с каждым годом все более злобной? И начнет ссориться с соседями и ненавидеть всех вокруг? Ну и что из этого? Она никогда особенно не задумывалась об окружающих…

Пока не встретила Люка.

До встречи с Люком она не знала — или забы-

ла, — что в жизни есть что-то еще, кроме заботы о себе. В конце концов, заботясь лишь о себе, она потеряла единственного мужчину, которого, кажется, полюбила.

Парочка на экране предавалась любви, и Оливия сочла за лучшее выключить телевизор.

Нет, она не собиралась превращаться в одинокую стареющую злючку. Если Люк не хочет ее — что ж, она научится жить без Люка. И может быть, в один прекрасный день встретит кого-нибудь, кто сумеет заполнить тоскливую пустоту ее ночей. Если же нет — тогда это просто будет жизнь без мужчины. У нее есть Хоупвилл и отец, с которым она только-только начала знакомиться заново.

Оливия вздернула подбородок. Она справится с одиночеством. Это будет нелегко, но она справится.

С высоко поднятой головой Оливия прошла в свою сверкавшую чистотой кухню и налила бокал вина.

— За будущее, — торжественно сказала она, поднимая бокал навстречу заходящему солнцу. И добавила гораздо тише: — Прощай, любовь моя.

Люк мрачно брел по берегу, сухие листья шуршали у него под ногами. В куртке с поднятым

воротником, руки в карманах, он напоминал скорее байкера, чем преуспевающего бизнесмена с хорошей репутацией.

Он был в прекрасном расположении духа, пока сегодня утром не получил от Оливии письмо с согласием на развод.

«Я хочу, чтобы ты был счастлив, — писала она. — Поэтому готова дать тебе то единственное, чего ты от меня хочешь. Я знаю, что ты не веришь мне, но тем не менее прошу прощения». Дальше следовала подпись, слегка размытая, словно на нее что-то капнуло. Он швырнул письмо на стол, не понимая, почему так разозлился. И после этого отправился прогуляться.

Его ярость могла бы показаться смешной, если бы не столь очевидна была вызвавшая ее причина — боль, которую он упрямо отказывался признавать.

* * *

Оливия уже готовилась завести машину, закончив довольно неприятный разговор с прорабом, когда странный звук со стороны коттеджа Старски заставил ее насторожиться.

Что это? Крик боли? Она вышла из машины, и тут же маленький толстый человечек выскочил

на порог коттеджа. Слезы струились по его лицу, рот был открыт в беззвучном крике. Длинноногий пес, обычно лениво валявшийся на ковре, на этот раз вылетел вслед за хозяином и уселся у его ног.

— Что случилось, мистер Старски? — Оливия подлетела к старичку, инстинктивно хватая его за руки. Это, казалось, несколько успокоило его.

— Вера, — воскликнул он, — это Вера.

— Миссис Старски плохо?

Он кивнул:

— Она упала. В кухне. Не знаю, кажется, она не дышит.

— Вы позвонили в «скорую»? — спросила Оливия, перепрыгивая через собаку и бросаясь в дом.

— Нет. Я не подумал…

— Звоните срочно. Я посмотрю, нельзя ли помочь миссис Старски.

Она вбежала в кухню и опустилась на колени перед старушкой, лежащей на кафельном полу. Разбросанные повсюду осколки голубого молочного кувшина говорили о том, что падение было внезапным.

Оливия пощупала пульс миссис Старски. Кажется, не бьется. Дыхания тоже не было.

Оливия перевернула миссис Старски на спину и попыталась вспомнить все, что она читала об искусственном дыхании.

Она услышала, как за ее спиной дребезжащий старческий голос сообщает кому-то о происшествии, потом послышался звук опускающейся телефонной трубки. После этого Оливия полностью сосредоточилась на том, что делает, и не замечала ничего, кроме того же голоса, непрерывно повторявшего: «Вера, Вера, не покидай меня».

Через некоторое время, подняв голову, Оливия услышала звук сирены. Она сделала очередной выдох — неизвестно какой по счету — и почувствовала… О, слава Богу, слава Богу.

Грудь миссис Старски приподнялась. И опустилась. Поднялась вновь. И она начала дышать сама. Оливия в изнеможении сидела рядом. Сердце ее колотилось, как барабан. Секундой позже чья-то рука коснулась ее плеча:

— Отличная работа, мисс. Сейчас мы займемся леди. А вы успокойте ее супруга.

Оливия с трудом поднялась, пока трое мужчин в белых халатах суетились вокруг миссис Старски.

— С ней ведь все будет в порядке, правда? — спросил мистер Старски.

— Да. Думаю, да, — кивнула Оливия.

— Вы спасли ей жизнь. Вы спасли жизнь моей Вере. Мы женаты уже сорок пять лет.

Впервые в жизни Оливия заплакала от радости за другого человека. Как это, должно быть, удивительно и прекрасно — быть настолько любимой.

Двадцать минут спустя Оливия спустилась с крыльца коттеджа и, передернув плечами от неожиданно холодного ветра, поспешила к стоянке. Она сделала лишь несколько шагов, как женский голос окликнул ее:

— Оливия? Оливия, это ты?

Оливия вздохнула. Кто это, черт побери, может быть? И что еще от нее хотят?

Она недовольно обернулась:

— Да? Кто это?

— Боюсь, это я, — проговорила Розмари Харриман.

Глава 12

Изумленный взгляд Розмари перебегал от удаляющихся огней машины «скорой помощи» к Оливии, которая выглядела замученной и усталой. Ее длинные волосы повисли спутанными прядями. Туфли запылились, красный джемпер был испачкан. Собака, идущая рядом с Оливией, выглядела гораздо более элегантной.

— Оливия, — спросила Розмари, — с тобой все в порядке?

Глаза Оливии сверкнули.

— В порядке? Не знаю. Мои рабочие куда-то запропастились, я поскользнулась и шлепнулась в грязь, а миссис Старски едва не умерла у меня на руках. Если не считать всего этого, можно сказать, что у меня все в порядке.

— Не очень удачное время, да?

Оливия расхохоталась, запрокинув голову.

— Удачное время для чего? Если ты согласишься присмотреть за Делайлой, тогда, пожалуй, будет удачное. Мистер Старски уехал в больницу вместе с женой, и некому приглядеть за собакой. Но Кастард обязательно попытается выцарапать

Делайле глаза, если я приведу ее домой.

Розмари еще раз охнула. Кастард? Делайла? Не повредилась ли ее невестка умом от переживаний?

— Вот такие дела, — сказала Оливия. — А теперь всего доброго. Передавай привет Люку. — С этими словами Оливия развернулась и двинулась дальше.

— Нет, постой! — Розмари кинулась следом. — Я не имела в виду… это так… Кто такие Делайла и Кастард?

Оливия замедлила шаг.

— Вот это Делайла. — Наклонившись, она потрепала собаку по загривку. — А Кастард — мой кот. Он живет у меня всего пару недель, но уже завел свои порядки.

Розмари сомневалась, что кто-либо, будь то человек или животное, может завести свои порядки в доме Оливии Франклин. Но она вполне могла представить, что огромный пес и кот начнут делить территорию.

— Думаю, я могла бы взять ее, — с некоторым сомнением сказала она. Новая мысль промелькнула у нее в голове. — В нашем доме, правда, не разрешено держать животных, но Люк не обращает внимания на правила. И это ведь всего на

одну ночь, не так ли?

— О, конечно. Завтра утром мы вернем ее хозяину. Но почему ты согласилась помочь? И, кстати, как ты здесь оказалась?

Розмари подняла воротник куртки:

— Я хотела поговорить с тобой о Люке.

Оливия подтянула поближе Делайлу, словно в поисках защиты.

— А что такое? Я ведь согласилась на развод.

— Да, знаю. Но почему?

— Потому что он этого хочет. А сейчас, если не возражаешь, я хотела бы скорее добраться до дома. Ты серьезно говорила насчет Делайлы?

— Да, я возьму ее, — сказала Розмари. — Ты можешь забрать ее утром?

— Конечно. В девять часов, годится?

— Да, отлично.

— Спасибо. Я… — Неожиданно Оливия смущенно улыбнулась. — Я очень благодарна тебе за помощь.

Розмари поняла, что в этой короткой фразе прозвучали и извинения за прошлые неприятности, и искреннее предложение дружбы. Что бы ни думал Люк, Оливия действительно изменилась.

— Люк!

— М-м?.. — Люк, не отрываясь от газеты, еще

раз посыпал солью яйцо, которое только что посолил.

— Ты не мог бы задержаться дома до обеда? У меня первый урок, а Оливия не может так рано зайти за Делайлой.

— Какого черта я должен оставаться дома? — с набитым ртом спросил Люк.

— Не хотелось бы оставлять Делайлу одну. Неизвестно, что она может натворить.

Делайла, услышав свое имя, завиляла хвостом.

— Могла бы подумать об этом, прежде чем приводить ее в дом.

Полчаса назад, когда Розмари вошла в квартиру, ведя Делайлу на поводке, он сначала просто онемел. А когда обрел голос, смог вымолвить только:

— Что это?

— Это Делайла, — мило ответила Розмари. — Хм, вообще-то я присматриваю за ней вместо Оливии, которая присматривает вместо…

— Остановись. — Люк безуспешно попытался понизить голос. — Ты присматриваешь за ней вместо кого?

Улыбка Розмари была абсолютно невинной.

— Вместо Оливии. С одним из ее подопечных приключилось несчастье, и он попал в больницу.

А за собакой присмотреть было некому. Она сама забрала бы Делайлу, если бы не ее кот.

— Розмари. — Люк явно был не в себе, поскольку обычно называл сестру просто Рози. — Розмари, зачем ты общалась с моей женой? Ты не понимаешь, что мы практически разведены?

— Конечно, но… Я случайно встретилась с ней. И она спросила, не могу ли я присмотреть за Делайлой.

— Оливия попросила тебя?

— Да. Думаю, она считала, что я откажусь. А я согласилась.

— Почему ты не можешь присмотреть за ней? — спросил Люк.

Розмари торопливо допивала кофе.

— Сегодня контрольная, — объяснила она. — Я обязательно должна идти.

— А я не могу пропустить работу. И к тому же не собираюсь быть нянькой для этой чертовой собаки.

Делайла медленно поднялась, потянулась, затем подошла к Люку и положила голову ему на колени.

Люк поднял руки:

— Хорошо, хорошо, вы победили. Обе. Но, Рози, клянусь, если ты еще раз выкинешь нечто

подобное, я перееду — и не оставлю тебе адреса. Поняла?

Розмари кивнула, подхватила сумку и выскочила за дверь, пока он не передумал.

Люк сложил в миску остатки завтрака, поставил на пол и предложил Делайле. Та с благодарностью приняла угощение.

Неожиданно получив целое утро в свое распоряжение, Люк снял галстук, налил себе еще чашечку кофе и вернулся к чтению газеты. Он перевернул страницу, и огромный заголовок бросился в глаза.

ХОЗЯЙКА ХОУПВИЛЛА СПАСАЕТ ЖИЗНЬ ОДНОЙ ИЗ ПОДОПЕЧНЫХ.

Ниже, более мелким шрифтом, шел текст: «“Она вернула мне жену”, — говорит благодарный муж».

Слова расплывались, так что пришлось протереть глаза. Делайла рядом глубоко вздохнула.

Он читал, и новая правда проступала сквозь газетные строки, правда о какой-то другой Оливии. Та, которую он знал, предпочитала разрушать чужие жизни, а не спасать их.

Он прочел статью целиком, затем вернулся к началу.

Дойдя до слов «Благодарный Уолтер Старски

сказал нашему корреспонденту, что Оливия Франклин согласилась присмотреть за их собакой», Люк пробормотал:

— Вот здесь они ошибаются, а, Делайла?

В этот момент раздался звонок по домофону.

Что за черт!.. Взяв трубку, он недовольно спросил:

— Да?

На другом конце молчали, а потом неуверенный голос произнес:

— Люк?

О нет, только не это! Не сейчас, когда она согласилась на развод…

— Чего ты хочешь? — Он не собирался произносить банальные любезности.

— Я пришла забрать Делайлу. Розмари сказала, что утром будет дома.

О дьявол! Ее голос был все таким же сексуальным.

— Ее нет, и думаю, тебе это прекрасно известно.

— Нет. Вовсе нет. А Делайла здесь?

— Разумеется, она… О черт! Делайла, не смей. Ты…

Поздно. На полу кухни уже растекалась огромная лужа.

— В чем дело? — Голос Оливии звучал встревоженно. — С ней все в порядке?

— О да. Она только что окрестила мою кухню.

— Люк, могу я войти?

Люк посмотрел на лужу в центре кухни. Что теперь делать? Он не хотел видеть Оливию, не хотел оказаться с ней рядом. С другой стороны, он хотел избавиться от Делайлы, которая теперь с надеждой обнюхивала шкаф с продуктами.

— Думаю, да, — сказал он и нажал кнопку, открывая дверь. Через минуту он впускал ее в квартиру. — Вот и ты. Должен тебя поздравить.

Оливия казалась озадаченной — и неотразимо прекрасной в черном кашемировом пальто с красным поясом, который предназначен был для того, чтобы подчеркнуть прелести фигуры, скрытой плотной тканью.

— Поздравить? С чем? — Ее взгляд упал на газету, лежащую на столе. — А, понятно. Но это пустяки.

— Так я и думал. Но вообще-то я говорил не о твоем героическом поступке.

Ее глаза грозно сверкнули.

— Инстинктивном, Люк. Не героическом.

— Тем не менее. Это была хорошая работа. Но я поздравлял тебя не с этим.

— С чем же тогда?

Делайла, увидев, что пришла Оливия, громко залаяла и бросилась навстречу старому другу.

— Привет, Делайла, хорошая девочка. — Оливия ласково погладила собаку.

Люк заворчал:

— Она вовсе не хорошая девочка. Она ходячая неприятность, которая только что уделала весь пол.

— Вы с Розмари не выводили ее на улицу? — Оливия выпрямилась, и Делайла, протестующе тявкнув, вновь унеслась на кухню.

— Выводили? Нет, Розмари точно нет. Едва ли это пришло ей в голову.

— Собак обязательно нужно выгуливать, — мягко сказала Оливия. — Если ты дашь тряпку, я все уберу.

Люк заметил, что она не смотрит ему в глаза. Он был рад этому, поскольку прекрасно знал, какой эффект производит ее взгляд. В то же время это только увеличивало его подозрения, что визит был тщательно спланирован. Но вытирать лужу — это последнее, что она могла придумать.

— Вот, — сказал он, подходя к ящику и вытаскивая из него кучу бумажных полотенец, — это должно подойти.

К удивлению Люка, Оливия прекрасно справилась с работой. Он протянул пластиковый пакет, а потом молча отнес его в мусоропровод. Когда он вернулся, Оливия была в ванной. Он слышал, как шумит вода.

— Ты так и не сказал мне, что имел в виду, — сказала она, появляясь наконец на пороге гостиной. Он помнил эти интонации.

— О чем ты?

— О твоих поздравлениях. — Она остановилась, держась за спинку кресла, как будто хотела, чтобы между ними оставался барьер. Люк вытянулся на диване, скрестив руки за головой. — Помнешь рубашку, — сказала Оливия.

Он вспомнил, что она всегда любила, когда он надевал белую рубашку и темные брюки, и пожалел, что сейчас не в джинсах.

— Ерунда, — сказал он, — а что касается поздравлений — ты ведь здесь, правда? И я тоже.

— И что это должно означать?

— Что ты придумала отличный план, чтобы проникнуть в мою квартиру. Даже Розмари перетащила на свою сторону.

— О чем ты говоришь? — Оливия крепко вцепилась в спинку кресла.

Понимает ли ее почти бывший муж, что он

делает с ней? Раскинувшись на диване, в расстегнутой рубашке, он выглядел откровенным приглашением к сексу.

— Я говорю о еще одном плане затащить меня в постель. — Голос Люка проникал в самое сердце. Он будто читал ее мысли. — Правильно? Раньше ты никогда не использовала собаку. Очень хитро.

— Что? — Оливия широко распахнула глаза. Как он смеет?..

— Я сказал, что говорю о твоем новом плане…

Она наклонила голову и вдруг поняла, что Люк не может оценить ее появление никак иначе. Он не виноват. Все ее прежние выходки наталкивали именно на эту мысль.

— Я не использовала Делайлу, — спокойно сказала она. — Как не использовала и Розмари. И я была уверена, что тебя не будет дома.

— Говоришь, Розмари устроила все это?

— Конечно, нет. Думаю, это просто недоразумение.

— Ну конечно, недоразумение. Очень удобно.

Он вытащил подушку из-под спины, бросил ее на другой конец дивана и сел.

Слава Богу. Оливия перевела дыхание. Если бы он продолжал лежать в соблазнительной позе

еще какое-то время, она, вероятно, рухнула бы перед ним на колени и умоляла взять ее.

— Это недоразумение, — продолжала настаивать она.

— Хорошо, пусть так. А сейчас — ты собираешься забрать собаку и уйти? Или вынешь еще одну карту из рукава?

— Это не было трюком.

Оливия разжата пальцы, и тут ее взгляд упал на прелестную вазу красного стекла, стоявшую на кофейном столике. Хотела бы она, чтобы у нее достало мужества схватить эту вазу и швырнуть в его бестолковую голову.

— Не было? — Люк закатал рукава, словно читая ее мысли и готовясь перейти к активным действиям. — Отлично. Будь по-твоему.

В этот миг месяцами сдерживаемое напряжение прорвалось наружу. Черт побери, она говорит правду. Она согласилась на развод, о котором он мечтал. А он все еще отказывается поверить, что она может поступать по-человечески.

Что-то красное мелькнуло перед глазами. Она даже не поняла сначала, что это ваза, пока та не оказалась у нее в руках.

— Что за… — Люк вскочил на ноги и успел схватить ее за руку, прежде чем она пошевель-

нулась.

Они стояли в дюйме друг от друга, тяжело дыша, глядя друг на друга, как два противника на ринге.

Оливия первая отвела взгляд. Люк поставил вазу на место и схватил девушку за плечи.

— Что это ты задумала? — гневно спросил он. — Я не намерен больше мириться с этим, Оливия.

— Мириться с чем? Я бы не бросила ее. Даже и не думала.

— Да что ты? — Люк коротко хохотнул и отпустил ее.

Когда она заговорила, он отвернулся и подошел к окну. Оливия смотрела на его спину, такую до боли знакомую… Она облизнула губы. Люк не двигался.

Пожалуй, это уже чересчур, с желанием невозможно было совладать. Оливия резко выдохнула и, подойдя к Люку, остановилась прямо за его спиной. Не сознавая, что делает, она положила руку на его бедро.

Люк резко отодвинулся, но между ними оставалось пространство всего в несколько дюймов. Далеко внизу плескались воды залива, начинался шторм. Ни один яхтсмен не решился выйти в море сегодня утром, и лишь несколько грузовых

судов упрямо разрезали волны. На узкой полоске пляжа виднелась одинокая женская фигурка с собакой.

На какое-то мгновение Оливии захотелось оказаться на месте этой женщины, в окружении разгулявшейся стихии, вместо того чтобы стоять здесь, рядом с Люком.

Минуты шли, тишину нарушал лишь звук проезжавших под окном машин и шум ветра.

— Это не было трюком или уловкой, — сказала она наконец. — Правда, я думала, ты на работе.

Люк посмотрел на нее, но непонятно было, поверил он или нет.

— Тогда зачем ты здесь? — спросил он странным, каким-то надтреснутым голосом.

— Я же сказала: пришла забрать Делайлу. Если ты отдашь мне поводок…

— Она спит. — Он кивнул в сторону кухни, где, свернувшись на зеленом коврике, сопела собака.

— Вижу, — нахмурилась Оливия. Какое имеет значение то, что Делайла спит. В некотором недоумении она коснулась руки Люка.

Он замер, но на этот раз не отодвинулся. Словно искорки пробежали сквозь пальцы Оливии, но она не поняла, этот жар исходил от него или из глубины ее тела.

— Люк, — прошептала она, — Люк, я…

Продолжить она не смогла. Он схватил ее в объятия, стиснув бедра.

И тут она осознала то, что должна была понять с самого начала — пламя, бушевавшее в его глазах, не было враждебным, это было пламя страсти, такое же, как то, что сжигало ее самое.

— Люк, пожалуйста, — простонала она. — О, пожалуйста!

— Да, — отвечал он хриплым, каким-то чужим голосом. — Да. Почему бы, черт побери, и нет? — И повлек в сторону спальни.

Спальня Люка располагалась наверху, и первое, что поразило Оливию, это огромного размера дубовая кровать. Люк снял с нее туфли, потом потянул молнию на ее брюках.

Оливия все еще боялась поверить. Не может быть. Он просто мучает ее, это его… месть. Она вскрикнула, когда он стянул с нее джинсы, а потом и трусики.

Люк остановился, тяжело дыша, и сел на краю кровати, разглядывая ее и словно решая, продолжать или не стоит.

Этого вынести она не могла. Может, он и имеет право на мщение, но не сейчас. Не таким образом.

С протестующим стоном она перекатилась на живот и уткнулась лицом в покрывало.

Ничего не произошло. Ни Люк, ни она не шевелились больше. А потом она услышала, как он шепчет что-то вроде «Господи, помоги», и дыхание перехватило, когда его ладонь коснулась ее обнаженных ягодиц и бедер.

— Сними свитер, — попросил он все таким же хриплым чужим голосом.

— Что? — Оливия невольно приподняла голову и села. — Что ты?.. Люк, почему?..

Люк расстегивал рубашку, но остановился, чтобы ответить:

— Потому что я слишком долго ждал, вот почему. Ты не хочешь помочь мне немножко с этим свитером?

Руки Люка потянулись к ее свитеру, и все остальное потеряло значение. Она помогла ему стянуть одежду, и он лег рядом, все такой же удивительный и прекрасный, каким она его помнила.

Повернувшись на бок, она провела рукой по его груди, по плоскому, мускулистому животу…

И только когда он приподнял ее и уложил сверху, прижимая к себе, она почувствовала, как слезы струятся по лицу.

Он коснулся ее влажной щеки и нежно сказал:

— Ты плачешь, Оливия? С этим нужно что-то сделать.

И скоро, но не слишком, он подвел ее к пику восторга, где не было места слезам.

Глава 13

Оливия лежала в теплом кольце рук Люка и смотрела, как серые облака бегут по небу. Два медно-желтых листа, сорванных ветром, прилипли к оконному стеклу. Ей хотелось что-то сказать, но нужные слова не приходили в голову, и Люк, казалось, был где-то далеко отсюда.

Он разозлился? Сожалеет о том, что произошло? Или сейчас, после того, как желание удовлетворено, ему просто все безразлично?

В конце концов она посмотрела на него — и обнаружила, что он разглядывает ее.

— Тебе хорошо? — спросил он несколько странным, официальным тоном.

— Конечно. Я… а тебе?

Его лицо было так близко, что она могла разглядеть только нос и темные глаза.

— Да, думаю, да. — Он перевернулся на спину и уставился в потолок. — Физически, во всяком случае, мне так хорошо, как не было с тех пор… довольно давно.

— О! Ты не… у тебя никого не было?..

— Нет. Пока нет. — Он не дал ей закончить

вопрос.

Пока нет? Значит, она все еще единственная. Оливия постаралась успокоиться, умоляя сердце не колотиться слишком сильно.

— У меня тоже никого не было, — сказала она. — Но ты это, конечно, знаешь.

— С чего бы?

— Ты должен знать. Я говорила тебе… — И она замолчала. Что толку? Она говорила Люку много чего, и далеко не все из этого оказывалось правдой.

Оливия боялась продолжать разговор, боялась, что он опять скажет, что между ними все кончено, как уже не раз говорил прежде. Но она почему-то вновь обрела надежду.

После паузы Люк спросил:

— Что из этой истории в газетах правда?

Оливия моргнула и постепенно вернулась из мира своих грез, где Люк все простил и они живут вновь вместе в любви и согласии.

Газеты? История? О чем он говорит?.. Ах да, конечно. Эта история.

— Почти все правда, — сказала она, не ожидая, что он поверит. — Кроме той части, где говорится, что я героиня. На самом деле я действовала не раздумывая.

— Мм… К счастью для миссис Старски. Ты отлично действовала.

— Спасибо. Ты удивлен?

Люк рассмеялся.

— Ответь, Люк. Удивлен?

— Думаю, да.

Люк, закрыв глаза, прислушивался к шуму ветра и моря за окном. Почему сейчас, когда сексуальное желание удовлетворено, близость Оливии вызывает головокружение? Что, черт побери, с ним происходит? Не находя ответа, он прижался лицом к ее волосам.

— Я должен извиниться, — сказал он, — но я не могу.

— Я не хочу, чтобы ты извинялся.

— Знаю. — Он провел рукой по ее обнаженной шее. — Поэтому я и должен.

Хотя он совершенно не чувствовал себя виноватым. Чего ради он должен винить себя за то, что дал этой ведьме то, чего она хотела; за то, что его тело наконец-то освободилось от мучительного напряжения, терзавшего его все сильнее и сильнее последнее время?

Занимаясь любовью с Оливией, он как будто расставлял последние точки и наконец отпускал прошлое.

Странно. Он чувствовал себя абсолютно спокойно, чего не случалось уже довольно долгое время. Как жаль, что скоро ему придется разрушить это сладкое состояние удовлетворенности…

Внезапно оно разрушилось само, без всякой помощи с его стороны, когда Оливия, томно мурлыкая, скользнула рукой по его бедру.

— Что… что ты пытаешься сделать? — выдохнул он.

— А ты как думаешь?

Люк решил, что он просто не способен думать.

Со смешком, напоминавшим скорее тихий рык, он сомкнул руки на ее талии и приподнял, усаживая себе на колени.

— Прекрасно, — сказал он, прикасаясь к ее нежной молочно-белой груди.

Она тихонько вздохнула, потом наклонилась к нему, целуя губы, которые гостеприимно приоткрылись.

После этого было очень трудно остановиться, и когда одеяло соскользнуло на пол, они скатились следом за ним.

Уже войдя в нее, Люк услышал, как Оливия вскрикнула:

— Люк! Люк, любимый…

Ответ, который мог бы прозвучать, растворил-

ся во взрыве страсти. И их тела превратились в единое целое. Мир за стенами спальни перестал существовать, остался только вкус, запах, нежность женщины, которую Люк держал в объятиях.

Но вдруг в ее стонах удовольствия появилась иная, испуганная нотка.

— Что такое? — спросил он, пытаясь выпутать ноги из одеяла. — Оливия…

— Делайла, — вздохнула она. — Думаю, это Делайла.

— Что? — Люк зажмурился и тут же открыл глаза. Рядом с Оливией стояла большая собака. Высунув язык, она преданно облизывала ее спину.

— Чертова псина. Убирайся отсюда! — рявкнул Люк.

Оливия расхохоталась:

— Ничего страшного. Наверное, она проснулась и решила составить нам компанию.

— Мне не нужна компания.

— Даже я? — спросила Оливия.

Дьявол! Ему совсем не хотелось в этот момент огорчать ее, но, видимо, все же придется это сделать.

— Даже ты, — ответил он, вставая и протягивая

руку, чтобы помочь ей подняться. — Оливия, нам было хорошо в постели — а уж на полу… Но это совсем не значит, что у нас есть шанс.

В сером свете дня ее глаза казались огромными. И несчастными. О черт, он не хотел причинить ей боль.

Увидев, что она с трудом сдерживает дрожь, Люк приобнял ее и довольно грубовато сказал:

— Ты замерзла. Делайла, уберись с одеяла.

Делайла не шевельнулась. Люк выругался, сдернул простыни с постели и закутал плечи Оливии. Она выглядела маленькой и потерянной.

Люк натянул одежду, так самозабвенно сброшенную около часа назад.

Оливия не двигалась.

Дьявол. Он подавил чувство, которое больше всего напоминало чувство вины.

— В чем дело? — спросил он резко. — Ты, конечно, понимаешь…

— Что? — перебила она неожиданно мрачно. — Что я просто развлечение на одно утро?

Он криво усмехнулся:

— Если ты хочешь так это назвать…

— Я вообще не хочу это никак называть. — Она куталась в простыни, как будто они могли укрыть и защитить ее от невыносимой боли. — Я предо-

ставляю это тебе.

— Ну что же, — Люк глубоко вздохнул, нестерпимо желая смягчить свои слова, — ничего не изменилось, Оливия. Ты по-прежнему женщина, на которой я женился в результате обмана — и от которой ушел, когда обман раскрылся. Мне нравится спать… нет, не так. Мы ведь не спим, правда? Мне нравится заниматься с тобой любовью. Но я тебе не верю.

Оливия кивнула, и он опять почувствовал укол чего-то похожего на чувство вины. Она выглядела такой печальной, такой несчастной, такой… побежденной.

— Понимаю, — сказала она. — Мне давно следовало понять. Мы уже говорили об этом раньше.

Люк взял галстук и подошел к зеркалу. На него глянуло жесткое лицо со сжатыми в тонкую линию губами. И оно совсем не походило на лицо мужчины, только что самозабвенно занимавшегося любовью. Он буркнул себе под нос несколько крепких выражений, повязывая галстук, и увидел, что Оливия, полностью одетая, уже стоит у двери.

Как всегда, она выглядела ослепительно в красном, этакий костер страсти. Сейчас потухший.

Они вместе спустились по лестнице, не касаясь

друг друга. Делайла трусила рядом, то и дело тыкаясь носом в их ноги. Как это отличалось от их пути сюда, в спальню.

К удивлению Люка, Оливия не сделала никакой попытки объясниться. Она подхватила свое пальто и спокойно сказала:

— Должно быть, ты скоро получишь бумаги для развода. Мой адвокат был в отъезде, но он сказал, что это не займет много времени.

Люк смотрел, как Оливия застегивает поводок на ошейнике собаки, невольно восхищаясь изяществом ее движений. Он думал, что она скажет что-нибудь, но Оливия молча направилась к двери.

— Ты не собираешься сказать «до свидания»? — Как это ни абсурдно, Люк чувствовал себя отвергнутым. Хотя именно он заявил, что между ними все кончено.

— До свидания, — сказала Оливия и вышла в холл.

Он все еще ждал, что она обернется, но она спокойно закрыла за собой дверь. Несколько секунд спустя он услышал звук спускающегося лифта.

Оливия ушла. Без всяких споров и ссор она спокойно ушла из его жизни.

Люк направился в кухню, подхватил с пола до

блеска вылизанную Делайлой миску и с такой силой грохнул ею о стол, что она треснула ровно посередине.

По дороге на работу его остановили за превышение скорости, и потом, в течение дня, его ждали сплошные неприятности.

Когда он вечером вернулся домой, позвонила Розмари.

— Хорошо провел день? — спросила она.

— Нет. Утро было гораздо лучше.

— Замечательно, — заметила она.

— Благодаря тебе, — добавил Люк.

Она и не пыталась отрицать. Люк всегда видел ее насквозь.

— Рози, между мной и Оливией все кончено. Нет смысла продолжать агонию. Я знаю, ты хотела как лучше. Но… никогда больше так не делай.

* * *

Оливия щелкнула ногтем по блестящему розовому шарику, свисавшему с ветви большой рождественской елки в холле «Кедров».

Скоро Рождество. Вот так же, бывало, маленькой девочкой она с трепетом разглядывала украшения, очарованная их волшебным блеском. Что-то все же осталось неизменным, несмотря на

прошедшие годы.

Корзинка у ее ног издала протестующее мяуканье. Оливия присела и достала оттуда пушистого рыжего кота с золотистыми глазами. Кот с урчанием устроился у нее на руках.

— Оливия! — воскликнул Джо с верхней ступени лестницы. — Откуда этот рыжий плюшевый мяч?

— Он приехал со мной. Это Кастард.

— Ах да, твой кот. — Отец ласково поцеловал ее в щеку, а потом наклонился к коту и дружески почесал его между ушей.

Оливия улыбнулась, но ее улыбка растаяла в тот момент, когда внимание отца переключилось с кота на ее талию и затем на лицо. Она надеялась, что он не станет задавать вопросов. Вопросов, на которые она пока не готова была ответить.

— В библиотеке разожжен камин, — сказал Джо.

Оливия хотела было сказать «как всегда», но вовремя прикусила язык. Если она чем-либо обнаружит свою нервозность, отец сразу заподозрит неладное.

Она прошла за ним в библиотеку и подождала, пока он совершит обычный ритуал с сигарой и устроится в кресле.

Оливия устроилась на краешке стула и надеялась, что они будут говорить только о погоде.

Вместо этого отец бросил на нее очень серьезный и заинтересованный взгляд и спросил:

— Что с тобой случилось, Оливия? Ты изменилась.

— Я прекрасно себя чувствую, — быстро ответила Оливия.

— Я не сказал, что ты выглядишь больной. Я сказал, что ты изменилась. У тебя округлилось лицо, тебе это даже идет. Ты ничего не хочешь мне сказать?

О черт! Должна ли она рассказать ему?

— Возможно, я немного прибавила в весе.

— Хм. — Джо оценивающе смерил ее взглядом, посмотрел на кончик сигары и аккуратно положил ее на край антикварной пепельницы. — Ты ждешь ребенка, так ведь? — Джо говорил очень официальным тоном, как будто требовал отчета от подчиненных. — Твоя мать выглядела точно так же, когда ждала тебя и Реймонда.

Слова отца, произнесенные совершенно бесстрастно, отозвались колокольным звоном в голове. Она должна была понять, что он догадается. Джо Франклин был мастером понимать все без слов.

— Может быть, — сказала она, не глядя на отца.

Никаких «может быть». Ее новый врач вчера подтвердил результаты анализа.

— Это, конечно, ребенок Люка, — сказал Джо, словно не было никаких сомнений. — Хорошо, что вы не разведены.

Он не казался расстроенным. Просто очень практичный и деловой. Оливия внимательно разглядывала голубые огоньки, бегавшие по поверхности горящего в камине полена. Рассказать ему все, понимая, что он, в свою очередь, может открыть это Люку? Или придумать какую-нибудь ложь, дабы отвлечь от этой темы?

Нет, так нельзя. Это слишком сильно огорчит его. Как большинство отцов, Джо Франклин представлял себе дочь образцом викторианских добродетелей.

— Я как-то заезжала к нему домой, — сказала она. — Забрать собаку Старски.

— Это не ответ. — Наклонившись вперед, Джо взял ее за подбородок и повернул лицом к себе. — Но, полагаю, это означает «да»?..

Несмотря на ярко пылавшее в камине пламя, прикосновение его пальцев оказалось почти ледяным. Она дернулась, и он тут же опустил руку.

Разбуженный Кастард протестующе мяукнул и вонзил когти в колени Оливии. Не обращая внимания на боль, она продолжала размеренно поглаживать кота.

— Если я скажу, что ребенок от Люка, ты ему расскажешь?

Джо сжал губы, помолчал, потом твердо произнес:

— Нет. Ты расскажешь.

Оливия покачала головой:

— Папа, я не могу. Я не хочу, чтобы он знал. Он не любит меня, и я не вынесу, если он вернется по той же причине, по какой согласился жениться — только потому, что чувствует ответственность за ребенка.

— Почему бы и нет? Раньше ты не была так щепетильна. И он, черт возьми, должен чувствовать ответственность.

— Да, но… видишь ли, я думала, что он постепенно полюбит меня. А сейчас знаю, что это невозможно. Он не виноват…

— Ты не думаешь, что он имеет право знать? — Отец откинулся в кресле, сложив руки на животе.

Оливия горько рассмеялась:

— Я даже не уверена, что он мне поверит.

— Через несколько месяцев ему все равно придется поверить. — Джо сделал пару затяжек.

— Возможно, он решит, что у меня есть кто-то другой. Видишь ли, он был осторожен. По крайней мере я так думаю. Не понимаю, как могло произойти то, что произошло, но тем не менее…

Джо хмыкнул и кашлянул:

— И что ты собираешься делать, Оливия?

— Я собираюсь провести здесь эту ночь. А приблизительно через семь месяцев рожу ребенка. — Оливия встала и направилась к двери. — А потом — не знаю. Думаю, стану хорошей мамой.

Невозможная мысль. Она сама не могла в это поверить и не была уверена, что хочет верить.

— Ты любишь детей? — неожиданно прозвучал вопрос отца.

Оливия остановилась у самой двери.

— Не то чтобы очень. Но это будет мой ребенок.

— И Люка, — веско добавил отец. — Ты должна сказать ему, Оливия.

Ни за что! Оливия обернулась, пытаясь найти слова, чтобы убедить его.

— Нет, я не могу. И ты не станешь рассказывать ему! — воскликнула она. — Если ты это сделаешь, я… я отдам ребенка на усыновление.

— Не будь смешной, — махнул рукой Джо, отметая ее угрозы, как будто она была маленькой девчушкой, в гневе топнувшей ножкой.

— Я вовсе не смешна. Я так и сделаю.

Джо хотел сказать что-то еще, но Оливия подхватила Кастарда и выскочила из комнаты. Закрывая дверь, она обернулась.

Отец смотрел ей вслед немигающим взглядом, как одна из статуй, охранявших фамильный склеп. Точно так же он выглядел в день смерти Реймонда. Конечно, Джо заботился и беспокоился о ней, но он не понимал, что она не имеет права во второй раз разрушать жизнь Люка. Мужчина, который был ее мужем, должен наконец найти свое счастье. Без нее.

Оливия поднялась в комнату, которая с детства была ее убежищем, и подошла к окну. Сад был погружен во мрак, хотя в ее воспоминаниях он всегда представал полным света и смеха — как в тот день, когда она вышла замуж за Люка.

Она посмотрела на свой живот. Плоский, как блин. Невозможно представить, что где-то там внутри маленькие клеточки делятся, делятся, и из них вырастает человечек…

Оливия, удивляясь сама себе, положила руку на живот и прошептала:

— С Рождеством, малыш Люка, с Рождеством.

Оливия была уже на шестом месяце беременности, когда Джо вдруг попросил ее быть официальной хозяйкой на ежегодном балу, который устраивал Фонд Франклина.

Сначала она отказалась, напомнив о своих нынешних размерах. Но отец сказал, что это не имеет значения, и она согласилась.

Фонд Франклина, поддерживающий нуждающихся художников, был одним из любимых детищ ее отца. И ежегодный бал привлекал как прессу, так и новых спонсоров.

— Но я не хочу, чтобы мои фото были в газетах, — предупредила Оливия.

Люк читает газеты. Он, конечно, может подумать, что ребенок от кого-то другого, но она все равно не готова к такому развитию событий.

— Я объясню им, что тебя нельзя фотографировать, — согласился Джо. — Ты очень нужна мне, Оливия.

Оливия вздохнула:

— Хорошо, я же сказала, что согласна. Но только если ты пообещаешь не заставлять меня танцевать. Я и так чувствую себя неуклюжей.

— Договорились. Ты всегда можешь сослаться на свое деликатное положение.

И гораздо более нежным и участливым тоном он спросил:

— Как ты себя чувствуешь, Солнечный Зайчик?

— Отлично, — совершенно искренне ответила Оливия.

— Очень хорошо. — И Джо поспешил снять телефонную трубку, чтобы сообщить своему секретарю имя еще одного приглашенного.

Глава 14

Первой реакцией Люка на приглашение, полученное от Фонда Франклина, было желание немедленно выбросить его. Но в течение дня белый листок с серебристыми буквами притягивал его внимание, дразнил, напоминал.

Вопрос заключался в том, пошел бы он на подобное мероприятие, если бы не подозревал, что приглашение исходит от Оливии. Возможно, да. Не потому, что ему это нравится, а потому, что полезно для его бизнеса.

Люк пристально разглядывал приглашение. Черт, он не собирается и дальше позволять Оливии влиять на его решения. Она как-то говорила, что редко посещает благотворительные балы, но на тот случай, если это еще одна ловушка, Люк решил прийти с девушкой. Он снял трубку и позвонил Джорджиане, недавно разведенной сестре своего старого друга.

Люк не удивился, что для проведения бала Джо Франклин выбрал самый старый и изысканный отель в Ванкувере. Некоторое время он разглядывал роскошный вестибюль, потом прошел

в зал, где яркие блики играли на хрустальных бокалах и белоснежных скатертях. Оркестранты во фраках настраивали инструменты.

Люк взглянул на свою спутницу. Она была довольно милой — маленькая, гибкая, с приятными округлостями в нужных местах. Перейдет ли сегодняшний вечер в ночь? Ночь, которая позволит забыть об Оливии?

Джорджиана, словно догадавшись, что он думает о ней, откинула свои светлые волосы и послала ему чарующую улыбку. Люк, придерживая за талию, повел ее к столу, где в ожидании танцев уже собрались некоторые из его деловых партнеров.

Люк заказал напитки для себя и Джорджианы и принялся обозревать зал.

Джо Франклин беседовал с какой-то беременной дамой, облаченной в длинное синее платье. Крампы тоже были здесь. И никаких признаков Оливии.

Отлично. С чувством, которое он сам назвал облегчением, Люк сосредоточил внимание на Джорджиане.

Полчаса спустя, после того как Джо Франклин произнес короткую приветственную речь, она потащила его танцевать. Люк без особого желания принялся двигать бедрами в такт музыке.

Джорджиана провела языком по губам и буквально обвилась вокруг Люка. Он поощрительно улыбнулся и опустил руки ей на бедра.

Джорджиана прижалась плотнее, слегка потираясь о него, как милая беленькая кошечка, которая ждет, что ее сейчас накормят. Оркестр в этот момент заиграл «Не будь жестоким». Джорджиана рассмеялась:

— Может, позже. Пойдем, посидим немножко.

Они вернулись к столу, и девушка тут же завязала оживленный разговор с молодым брокером, который пришел на бал один, без спутницы. Люк же отправился засвидетельствовать почтение хозяину, который формально все еще был его тестем.

Он нашел Джо рядом с оркестром, старик с трудом перекрикивал музыку, беседуя с круглолицым джентльменом в килте.

Люк протянул руку и прокричал:

— Добрый вечер, сэр.

Джо пожал протянутую руку и проворчал в ответ что-то невразумительное. После нескольких фраз Люк понял, что его присутствие не обрадовало старика.

Возвращаясь к Джорджиане, он внезапно остановился, едва не наступив на длинный шлейф

синего шелка. Не поднимая глаз, он попытался обойти неожиданное препятствие, как вдруг знакомый запах заставил его замереть.

Он медленно поднял взгляд выше, к лицу обладательницы платья.

Нет! Этого не может быть! Люк уставился на выпирающий живот. Черт, ему не стоило столько пить.

Глубоко вздохнув, Люк протянул руку и сказал как можно более сдержанно:

— Добрый вечер, Оливия. Как поживаешь?

— Привет, Люк, — ответила она значительно менее решительным тоном, чем тот, который он помнил. — Какая неожиданность.

Неожиданность? Она называет это неожиданностью? В груди Люка болезненно шевельнулось что-то острое. Оливия определенно была беременна. Он шагнул ближе, все еще надеясь, что иллюзия развеется. Но все осталось без изменений.

Люк помотал головой, пытаясь избавиться от чувства абсурдности происходящего, и Оливия посмотрела на него с очевидным сочувствием.

— Оливия? — наконец произнес он, когда очертания ее фигуры и бального зала обрели ясность. — Оливия! Ты…

— Да, — подтвердила она. — Я беременна. Это иногда случается.

— Но не с тобой.

Ярость, бурная и неконтролируемая, поднялась из темных уголков его души. Ему хотелось терзать ее так же, как она терзала его. Как она посмела быть беременной от другого мужчины?

— Как видишь, — иронично произнесла она. — Даже со мной.

— Как?.. В смысле, когда?..

Черт побери, почему рот у него словно набит песком? И почему он должен беспокоиться, если она нашла утешение в чьих-то объятиях? Он сам собирался сделать то же самое.

— Думаю, приблизительно через два месяца, — ответила Оливия таким тоном, словно говорила о том, что на следующей неделе обещают дождь.

И когда он не нашелся что ответить, она, пробормотав «Приятного вечера», повернулась, чтобы уйти. Не отдавая себе отчета в том, что делает, Люк положил руку ей на плечо с намерением задержать:

— Подожди. Мы должны поговорить.

— Нет, не должны. Мы уже все друг другу сказали.

Откуда-то сзади послышался громкий голос

Джо, перекрывавший грохот оркестра:

— Не будь дурой, Оливия. Поговори с ним.

Оливия пожала плечами и чуть повернулась, так что теперь Люк мог оценить размеры ее живота.

— О чем? — спросила она.

— О чем? — Люк заставлял себя говорить медленно и спокойно. — Во-первых, ты, насколько я знаю, все еще моя жена. И ты, кажется, ждешь ребенка.

Холодность его слов разительно отличалась от жара, который полыхал внутри. Но он не хотел, чтобы она догадалась о его переживаниях. Дьявол! Да он и не переживал!

После короткой паузы она проговорила:

— Хорошо. Мы можем поговорить в холле, если хочешь. — И повернулась спиной, не дожидаясь ответа.

Чувствуя себя так, будто его сильно ударили по голове, Люк поплелся за Оливией. Синее платье, как большой шатер, складками окружало ее бедра. Люк проглотил внезапно появившийся в горле комок. Было что-то необыкновенно волнующее в этой новой Оливии. Он почувствовал готовность и желание защищать ее… непонятно от чего. Возможно, от него самого. Было непривычно

испытывать подобные чувства по отношению к своей почти бывшей жене.

Пробормотав «извините», он отодвинул пару официантов с подносами, полными закусок, и взял Оливию под руку. Она удивленно взглянула на него, но промолчала.

Они были уже у дверей, когда из Зала донесся возмущенный голос:

— О! Но я думала… так говорите, она его жена?

Люк взглянул через плечо как раз вовремя, чтобы увидеть взволнованную и изумленную Джорджиану, танцующую с брокером. Едва ли вечер перерастет в ночь.

— Давай присядем вон там. — Люк указал на красные кресла в углу у окна.

Оливия кивнула, позволяя ему заботливо подвинуть кресло. Присев, она положила руки на колени.

Люк вдруг понял, что совершенно не представляет, о чем говорить. А она явно не собиралась помочь. Но в этот раз ему было не на что жаловаться.

— Ты не теряла времени, — сказал он наконец.

Зачем он настаивал на этом разговоре? Почему не отвернулся и не ушел сразу же?

— В каком смысле? — Оливия подняла руку

к вороту платья, как будто в помещении было слишком душно.

Люк кивнул на ее живот:

— То, что для меня было ложью, для кого-то другого стало реальностью.

Оливия прикрыла живот ладонью:

— Ах вот ты о чем.

— Собираешься выйти за него замуж после нашего развода?

Оливия внимательно изучала носки туфель.

— Маловероятно.

— Хм. Просто позабавилась?

Оливия вздохнула, но не подняла глаз.

— Нет, ничего подобного.

Она хотела встать и уйти, но потом передумала. Что толку сердиться? Люк ничего не знает. В тот раз он был очень осторожен. Поэтому ему и в голову не может прийти, что именно он является причиной ее нынешнего положения.

Люк смотрел так, словно обвинял в совершении страшного преступления, словно в самом деле злился на нее за то, что она беременна. Но почему? Ему нет до нее никакого дела, он не может дождаться развода, так почему же…

— Я его знаю? — спросил Люк, прерывая ее смятенные размышления.

Какая ирония! Губы Оливии изогнулись в некое подобие улыбки:

— Сомневаюсь.

Люк нахмурился и наклонился к ней, недоверчиво заглядывая в глаза:

— Не собираешься ли ты сказать, что это мой ребенок?

Оливия впилась ногтями в обивку кресла.

— Разве я это сказала?

Он покачал головой, все еще хмурясь:

— Нет — и я удивлен. Ты говоришь, что этот мужчина не собирается жениться на тебе. В таком случае я превращаюсь в объект номер один. Ты не могла забыть, как легко я попался в первый раз. На этот раз у тебя есть неопровержимое доказательство.

Зачем он говорит так злобно? Она знала, что не стоит с ним разговаривать, знала, что надо сразу же бежать, но не смогла отказаться от возможности побыть с ним хоть несколько минут.

— Вовсе не неопровержимое, — сказала она, — но даже если и так, я не беру обратно своих слов. Я обещала тебе свободу, Люк. Помнишь?

— Конечно, помню. Я просто удивлен.

Она подавила болезненный вздох. Ну почему она не ушла из зала сразу же, как только заметила

его? Почему застыла как вкопанная? Но он выглядел таким знакомым, родным, таким сильным…

И что теперь? Сказать ему правду? Он, конечно, сразу же перестанет так улыбаться. Может, даже поверит.

Несколько секунд Оливия боролась с искушением. Затем посмотрела на него и поняла, что не сможет. Было бы нечестно связывать его семьей, которую он не хочет.

Положив руку на живот, она ощутила легкий толчок, который заставил ее улыбнуться.

Люк, должно быть, заметил, как изменилось ее лицо, потому что перестал изображать судью и ласково спросил:

— И что ты теперь намерена делать? Без мужа?

— То же, что делала бы, будь у меня муж. Намерена стать матерью.

— Это я понимаю. — Его улыбка была раздражающе терпеливой. — Я имею в виду, как ты собираешься справляться с ребенком?

— Так же, как и все, я полагаю.

Что-то мелькнуло в глазах Люка и, придвинувшись ближе, он взял ее за руку:

— Оливия, как… — Он запнулся и покачал головой, словно отгоняя наваждение. — Прости, — пробормотал он и отпустил ее руку.

Оливия потерла запястье и поднялась. Не было смысла продолжать этот разговор.

— Я должна вернуться к гостям, — сказала она.

Люк кивнул, как ей показалось, с облегчением:

— Конечно, я не собирался мешать тебе исполнять обязанности хозяйки.

Оливия попыталась улыбнуться.

— Это совсем необременительно.

— Отлично. — Люк перевел взгляд на раскрытую газету, лежавшую на столике рядом. — Береги себя. Надеюсь… все будет хорошо. — Он подхватил газету и принялся внимательно ее изучать.

— Спасибо. — Оливия поднесла руку ко лбу, удивляясь, почему закружилась голова.

Следует ли попрощаться?

Она решила, что на это не хватит сил, и, повернувшись, направилась прочь, опираясь на спинки стульев и кресел. Дойдя до стойки портье, Оливия остановилась. Она понимала, что должна идти дальше, но внезапно слишком устала.

Люк смотрел ей вслед. Она чувствовала его взгляд…

Медленно, неохотно она обернулась.

Он сидел там же, и темный костюм выделялся мрачным пятном на алом бархате кресел.

О, как сильно она его любит! Оливия прикрыла

глаза, не в силах смотреть на него. Может, все-таки стоит сказать ему? Может быть, отец прав, и Люк должен знать? Она шагнула к нему — и в этот момент он поднял руку, махнув на прощание.

Оливия замерла. Он прощался с ней. И конечно, не хотел бы узнать, что навеки связан нерасторжимыми узами с женщиной, которую презирает.

Глаза их на миг встретились, она кивнула, словно соглашаясь с его решением, и направилась в зал.

Она не сразу разглядела отца и, прислонившись к стене, внимательно разглядывала собравшихся, как вдруг услышала прямо над ухом:

— Вот ты где, Оливия. А я тебя ищу.

О нет, только не миссис Крамп! Оливия прижалась к стене. Пожалуйста, только не сейчас. Голова закружилась сильнее, когда Дора Крамп повторила еще громче и настойчивее:

— Оливия! Я сказала, что ищу тебя.

— Да, я слышала, миссис Крамп, — устало отозвалась Оливия. — Как вам здесь нравится?

— На таких мероприятиях всегда слишком шумно. Но я хотела поговорить с тобой о малыше, Оливия. Твой отец сказал, что вы с Люком расстались. Поэтому он здесь с другой женщиной?

В этот момент оркестр смолк, и голос мис-

сис Крамп прозвучал на весь зал. У всех гостей одновременно вырвался изумленный вздох. Множество голов повернулось к ней. Одна из дам, молодая блондинка с румяным лицом, следила за Оливией особенно внимательно.

Оливия села на ближайший стул. Интересно, слышал ли Люк восклицание миссис Крамп. Оливия изо всех сил надеялась, что да.

— О, Оливия! — Джо приблизился к ним как ни в чем не бывало. Глаза его были чуть более яркими, чем обычно, слабый румянец играл на щеках. В остальном он выглядел как всегда.

— Добрый вечер, Дора, — обратился он к миссис Крамп. — Оливия, ты уверена, что чувствуешь себя хорошо? Ты побледнела.

«Как и ты», — подумала Оливия. А вслух сказала:

— Все в порядке. Просто немного устала.

Миссис Крамп начала было:

— Джозеф, я думаю… — не замолчала на полуслове, когда Джо протянул руку Оливии и сказал:

— Если не возражаешь, Дора, я хотел бы поговорить с дочерью. Наедине.

— О да, конечно. Не буду мешать.

Губы Джо побледнели, когда, взяв Оливию за

руку, он прошел с ней в маленькую комнатку по соседству с залом.

— Прости меня, Солнечный Зайчик, — сказал он. — Мы много лет дружим с Дорой, но иногда мне хочется ее задушить.

В другое время Оливия рассмеялась бы, но сейчас ей хотелось только одного — уйти отсюда как можно скорее.

— Все в порядке, — сказала она. — Не беспокойся.

— Ты выглядишь измученной. Я вызову лимузин, пусть отвезет тебя домой.

Оливия покачала головой:

— Но гости…

— Прекрасно обойдутся без нас.

Оливия подошла к двери. Оркестр вновь заиграл, начались танцы. Гости и вправду прекрасно обходились без них.

— Ты просил меня быть хозяйкой, потому что пригласил Люка?

Джо кашлянул, потянулся за сигарой и, не обнаружив ее, признался:

— Он был в списке возможных гостей.

Оливия устало кивнула.

— Ты отвратительно выглядишь, Солнечный Зайчик, — сказал Джо. — Я все-таки вызову ли-

музин.

— Нет, мне не нужно… — Она замолчала и внезапно поняла, что на самом деле ей очень нужно вырваться из этой душной жаркой комнаты в прохладу ночи.

— Пойдем-ка. — Джо приобнял ее за плечи и повел к выходу из зала. Она слышала шепот за спиной, но ей уже было все равно.

— Я позвоню миссис Кавендиш, — сказал отец. — Она будет ждать тебя и проследит, чтобы ты немедленно улеглась в постель.

Оливия кивнула, не в силах спорить.

Люк видел, как она уходила. Он заметил лимузин у дверей, ее бледное лицо и вернулся в зал к Джорджиане.

Глава 15

Джорджиана подошла к нему, пылая негодованием. Трудно было представить, что эта женщина несколько часов назад очаровательно и многообещающе улыбалась ему.

Люк любезно предложил ей руку.

— Прошу, — почти приказал он. — Я вернулся не для того, чтобы ссориться.

Молодой брокер подошел вслед за Джорджианой, явно не собираясь покидать ее ни на минуту.

— Как ты мог? — воскликнула она. — Если бы я знала, что твоя жена ждет ребенка…

— Я сам не знал, — перебил ее Люк, — мы собираемся разводиться. Но прошу прощения, что поставил тебя в неловкое положение.

Джорджиана уставилась на него в изумлении:

— Ты хочешь сказать, что бросаешь ее и ребенка?

— Это касается только меня и моей жены, — ответил Люк.

— Джорджиана, — брокер неловко мялся рядом, — может, потанцуем?

— Она с удовольствием потанцует, — быстро проговорил Люк. — Не правда ли, Джорджиана? И может быть, твой приятель не откажется проводить тебя домой?

Он вопросительно приподнял бровь, и брокер радостно закивал.

— Отлично. Все улажено. Доброй ночи, Джорджиана. И еще раз прости за неловкость.

Люк поспешно отошел, не дожидаясь новых обвинений в свой адрес.

Пожалуй, с Джорджианы достаточно. Он действительно был огорчен тем, что она расстроилась. Вообще вся идея с посещением этого бала была грандиозной ошибкой. Что с ним произошло? Приступ мазохизма? Желание испытать на себе еще раз штучки Оливии?

Люк был поглощен мыслями о прошлом, поэтому не сразу заметил человека, стоявшего у него на пути. Но когда они почти столкнулись, отступать было поздно.

— Надеюсь, вы собой довольны, молодой человек?

О дьявол! Меньше всего ему хотелось сейчас ссориться с Джо Франклином.

— Не особенно, — произнес Люк, пытаясь быть вежливым.

Джо смотрел не мигая:

— Вы что, вообще не представляете, что сделали с Оливией?

Люк нахмурился и покачал головой:

— Насколько я знаю, я ничего с ней не делал. Эта честь принадлежит отцу ее ребенка.

— Не прикидывайтесь идиотом, — фыркнул Джо, — вы должны понимать…

Он запнулся. Звук, который он издал, был чем-то средним между ворчанием и стоном. И тут же принялся пристально разглядывать свои туфли.

— Должен знать что? — Люк помрачнел еще больше.

— Не важно. Спросите у Оливии, — сказал Джо и отвернулся, отвечая на приветствие одного из гостей.

Люк уставился на затылок Джо. Неужели все, включая его самого, сошли с ума? Лучше убраться подальше, пока не начались неприятности.

Пять минут спустя он сидел в своем новеньком «корвете» и перебирал в уме события вечера. Что-то с ним случилось. Как будто он потерял что-то важное, потерял навсегда.

Где-то неподалеку раздался смех, мелькнуло красное платье. Обернувшись, Люк заметил мужчину, страстно обнимавшего какую-то девицу.

Оливия всегда выбирала красный цвет, когда хотела соблазнить его. И это всегда действовало. О Господи, как действовало! Он вспомнил ее бедра, обвивающие его ноги — теплые, шелковистые, нежные… На пике удовольствия она всегда выкрикивала его имя.

Люк стиснул руль и громко застонал:

— Черт побери, Оливия, почему?..

Он услышал свой голос и резко выпрямился.

Что там сказал Джо? Доволен ли он собой? Что он сделал с Оливией? Он ничего не делал. Она…

Погоди-ка. Минутку. Джо начал говорить, что он должен знать… должен знать что? И вдруг воспоминание, сначала расплывчатое, потом все более четкое, возникло перед его внутренним взором.

Оливия действительно не сказала, что он отец ребенка, и пыталась дать понять, что это кто-то другой. Но уже уходя, она остановилась и обернулась, и было что-то такое в ее взгляде — тень сомнения, колебания, как будто между ними еще оставалась недоговоренность. Она выглядела такой печальной в тот момент, и он отчаянно хотел подойти к ней… Но вместо этого помахал рукой, прощаясь. Сейчас он вспомнил это очень отчетливо. Ее плечи сразу же опустились, она кивнула,

словно приняв какое-то решение, и поспешила к выходу. Он еще удивился, что женщина в ее положении так быстро двигается…

— Ты идиот, Харриман! — воскликнул Люк. — Первоклассный, непревзойденный тупица.

Он стукнул кулаком по приборной панели, закинул голову назад и издал звук, который должен был изображать смех, но напоминал скорее тоскливый вой.

В семь утра Люк, небритый, уставший, в мятой футболке и джинсах, стоял у входа в «Кедры» и требовательно жал на кнопку звонка.

Какой-то звук донесся из глубины дома, затем его внимательно рассмотрели сквозь дверной глазок, и только потом замок щелкнул и дверь медленно приоткрылась.

Миссис Кавендиш, вся в черном, смотрела на него с неприязнью.

— Доброе утро. Я хотел бы видеть Оливию, — сказал Люк.

— Ее здесь нет, мистер Харриман.

— Она… Тогда мистера Франклина. Я хотел бы поговорить с ним. Пожалуйста.

— Мистер Франклин в больнице, — сдержанно произнесла экономка.

— В больнице? — Сердце Люка оборвалось. —

Оливия?

— Естественно.

Люк похолодел, но заставил себя собраться.

— В какой больнице?

Несколько секунд спустя он рванул машину с места.

Пропуская на одном из перекрестков машину «скорой помощи», Люк поймал себя на мысли, что лишь однажды летел в больницу с таким же чувством. В тот раз это касалось Розмари. Теперь это была Оливия, которая наверняка сейчас рожала его ребенка. Он должен быть с ней… Преждевременные роды могут быть опасны.

— Господи, — молился он, — помоги ей, Господи! Спаси и сохрани… — И Люк вдавил педаль газа до упора, не обращая внимания на возмущенные сигналы водителей вокруг. — Только бы не опоздать, — молился он Богу, о существовании которого не задумывался много лет, — Господи, пусть все закончится хорошо, и, клянусь, я все исправлю!

Это из-за него она попала в больницу. Он не знал, не верил, что ребенок может быть от него. Но должен был знать. Она давным-давно сказала ему, что изменилась, и доказательство этого — ее преданность Хоупвиллу — было очевидно

для всех.

Но самым ярким доказательством, которое он не мог отрицать, было то, что она оставила его ребенка. Прежняя Оливия подумала бы в первую очередь о собственных интересах.

— Ты кретин, Харриман, — бормотал он, влетая во двор больницы. — Полный болван, не понимаешь, что у тебя есть. А теперь может быть слишком поздно.

Он выскочил на тротуар, и маленькая седовласая старушка гневно посоветовала ему смотреть, куда он ставит свои огромные ножищи.

С невнятными извинениями он влетел в больничные двери и подбежал к стойке регистрации.

— Франклин? — переспросила медсестра, глядя в экран компьютера.

— Именно так. — Люк изо всех сил сдерживал нетерпение.

— Франклин на третьем этаже, — сказала она, — но…

Люк уже бежал к лифту.

— Допускают только родственников, — прокричала вслед ему девушка.

— Я родственник, — ответил он, втискиваясь в переполненный лифт.

Когда двери лифта распахнулись, он выскочил

первым. Стены больничного коридора расплывались у него перед глазами, множество дверей вели в палаты. Люк потерянно закрыл глаза. Бессонная ночь давала о себе знать, он плохо соображал.

Люк заставил себя открыть глаза. Нет, это ему не снится. Прямо к нему по коридору шла женщина на последних неделях беременности, одетая в черные брюки и красный джемпер.

Оливия решила сначала, что небритый парень, возникший перед ней, ищет нужную палату. Но потом он произнес «Оливия» хриплым, совершенно неестественным голосом — и она поняла, что это Люк.

Она попыталась улыбнуться и протянула ему руку:

— Привет, Люк. Что ты здесь делаешь?

Он не заметил протянутой руки, и она посмотрела на него внимательнее. Что произошло? Он выглядел ужасно и, казалось, держался на ногах чудовищным усилием воли. Небритый, мятый, с красными глазами, он словно провел ночь в каком-то баре. В этом человеке невозможно было узнать элегантного преуспевающего бизнесмена, который вчера посетил бал ее отца.

О, если бы она могла обнять его, поцеловать,

разглаживая каждую морщинку на его измученном лице! Неужели это все из-за нее?

Оливия смотрела, не в силах отвести взгляд. Потом, не контролируя себя, прикоснулась к любимому лицу. Она должна что-то сделать…

Люка словно ударила молния. Он дернулся и схватил ее за руку.

Оливия изумленно смотрела на него. Он что, думает, что она убежит? Много времени прошло с тех пор, как она бегала в последний раз — несколько месяцев.

Мгновение спустя она уже не бежала, а, скорее, летела по коридору, влекомая Люком, который прижал ее к себе и вел, не обращая ни на что внимания.

— Люк, помедленнее, — вскрикнула она, — я не могу…

— Прости, — сказал он, не совсем соображая, что делает, — где мы можем поговорить?

— Прямо здесь. — Она указала на пустой холл, где вокруг небольшого круглого стола стояло несколько стульев.

— Отлично. — Он усадил ее на стул. — Теперь объясни. — Он стоял перед ней, уперев руки в бока, как инквизитор на суде — небритый инквизитор.

— Объяснить? О чем ты говоришь?

— Почему ты здесь? Я думал, начались роды.

Сердце Оливии, бешено застучав, вдруг почти остановилось. Она готова была поклясться, что он и в самом деле волновался за нее.

— Нет, со мной все в порядке, — успокоила она его, — я здесь из-за отца.

Люк опустился на стул, чувствуя, что гора упала у него с плеч.

— Из-за отца? Ах да, верно. Миссис Кавендиш сказала, что он в больнице. Я думал, что он поехал с тобой.

— У отца инфаркт, — сказала она. — Все случилось ночью, когда он вернулся с бала. Я уже была в постели, но услышала, как он зовет.

— С ним все в порядке?

— Говорят, все будет хорошо. Сейчас он спит, и доктор сказал, что если он будет заботиться о своем здоровье, то сможет вести нормальный образ жизни.

— Я очень рад. А ты… провела всю ночь здесь? — Люк посмотрел на нее озабоченно. — Ты ела что-нибудь?

— Я как раз шла в кафе, — сказала Оливия.

Люк тут же вскочил на ноги.

— Ты, должно быть, умираешь от голода.

Пойдем позавтракаем. И потом, кажется, здесь курили — пахнет дымом. Не хочу, чтобы наш ребенок вдыхал сигаретный дым.

Оливия крепко сжала руку Люка.

— Наш ребенок, — повторила она шепотом.

Люк подхватил ее под руку и повел в кафе.

— Подожди здесь, — сказал он, усаживая ее за столик в углу. — Я принесу завтрак. Яичница, яблочный сок и чай?

Он все помнил.

Она не единственная любовалась Люком. Несколько пар глаз следили за его высокой стройной фигурой, и Оливия неожиданно почувствовала гордость. Волосы у него стали немного длиннее, и это ему шло. И, кажется, он слегка похудел. Оливия была на седьмом месяце беременности, но одного взгляда на Люка было достаточно, чтобы ей захотелось заняться с ним любовью.

«Прекрати, Оливия, — приказала она себе. — Ни о какой постели не может быть и речи. Прежде тебе придется объяснить этому рассерженному мужчине, почему ты не сообщила, что он скоро станет отцом».

Люк возвратился с подносом, полным еды.

— Начинай, — сказал он и подал пример, откусывая кусок тоста.

Оливия не заставила себя упрашивать.

— Мм… здорово, — произнесла она десять минут спустя, — спасибо тебе.

Люк кивнул и отложил вилку.

— Оливия, ты не хочешь объясниться?

Он говорил с мягкостью, которая наверняка была притворной.

Официантка подошла к ним убрать пустые тарелки, и Оливия поблагодарила судьбу за несколько лишних секунд для размышлений. Но это не помогло. Она все равно не знала, что сказать. А тут еще запах кофе и жареной картошки, которые она возненавидела за время беременности.

— Объясниться? — тихо повторила она, пытаясь тянуть время. Что он хочет услышать?

— Это ведь мой ребенок, так? На этот раз я хочу знать правду.

Оливия кивнула, радуясь, что не нужно больше ничего скрывать.

— Да, — призналась она. — Но я думала, ты не поверишь, если я тебе скажу.

— Назови хотя бы одну причину, по которой я должен был поверить.

— Не могу. Но ты веришь, ты сам только что сказал.

— Да, верю. Твой отец сказал кое-что, что заставило меня задуматься. И я вспомнил, как ты смотрела на меня вчера вечером. Так печально и так… не знаю, как сказать. Короче, я понял, что ты не притворяешься.

Оливия взяла в руки чашку с чаем, аккуратно добавила молока.

— Я не притворялась. Больше не могу.

Люк потянулся через стол и взял ее за руку:

— Посмотри на меня, Оливия.

Оливия подняла взгляд. Что-то было не так. В ее фантазиях Люк таял от счастья, узнав, что она носит его ребенка. Но он вовсе не таял.

— Почему ты не сказала мне? — произнес он, с трудом выдавливая слова.

Оливия попыталась высвободить руку.

Люк продолжал крепко держать ее, затем пробормотал что-то неразборчиво и отпустил.

— Почему? — повторил он.

О Боже! Она опять мучает его. Но она не хотела.

— Потому что я знала: если ты поверишь, то посчитаешь своим долгом вернуться и заботиться о нас, хотя на самом деле ты этого не хочешь.

Он сухо рассмеялся:

— Раньше тебя это не волновало.

— Нет. Я хотела получить тебя любой ценой.

Люк медленно покачал головой, словно не веря тому, что слышит.

— А теперь?

— Теперь? Теперь я считаю, что цена слишком высока.

— Ты не хочешь быть моей женой? Так?

О Господи! Неужели все мужчины таковы? Неужели он не понимает, что она не сказала ему правды по одной-единственной причине — потому что любит его. Любит так сильно, что не хочет удерживать против его воли.

— Оливия? Я жду ответа.

— Я… не важно, чего я хочу, так ведь? Это ты не хочешь быть моим мужем.

Люк сидел абсолютно неподвижно.

— Люк? — Она наконец решилась посмотреть ему в глаза. То, что она увидела, смутило ее. Он смотрел на нее так, будто увидел в первый раз. — Не волнуйся, — сказала она. — Скоро мы разведемся. И не стоит беспокоиться о том, что я буду плохой матерью. Ты, разумеется, сможешь видеться с ребенком в любое время…

— Оливия! — Люк вскочил, с грохотом отодвинув стул. — Замолчи! Я… О черт! — Он схватился за спинку стула, так что костяшки пальцев по-

белели. — Отлично, давай начнем сначала. Я виноват. В смысле, был идиотом. И конечно, смогу видеть ребенка в любое время. Иначе зачем я здесь, по-твоему?

— Не знаю. Думаю, ты чувствуешь себя виноватым. Но ты не должен…

— Оливия! — На этот раз Люк заорал так громко, что все головы в кафе повернулись в их сторону. — Ты не понимаешь? Говорю тебе, нам незачем разводиться. Ты моя жена, черт побери.

Что он говорит? Не может быть…

Люк опустил руки на стол.

— Давай проясним ситуацию окончательно. Я не хочу разводиться, потому что хочу быть твоим мужем, Оливия Франклин. В горе и в радости…

— Ради своего ребенка, — проговорила Оливия.

Вокруг воцарилась тишина. Можно было расслышать дыхание сидевших за соседним столом. Затем Люк наклонился к ней, взял обе ее руки в свои ладони и мягко, но настойчиво поднял ее, привлекая к себе.

— О чем ты говоришь? Оливия, я пытаюсь объяснить тебе… Я хочу, чтобы ты была моей женой. Не только матерью моего ребенка. Моей…

Он замолчал и обвел взглядом зал кафе. Все вокруг напряженно ждали продолжения. Держа

Оливию за руку, Люк обратился к посетителям совершенно официальным тоном:

— Леди и джентльмены, позвольте представить вам мою жену. Я готов сделать ей предложение. В первый раз.

Когда все изумленно разинули рты, он повернулся к Оливии и прошептал:

— Я бы опустился на колено, но, боюсь, ты не сможешь разглядеть меня за животом. Так что попробую стоя. — И, повысив голос, продолжил: — Оливия Франклин, ты выйдешь за меня замуж? Навсегда?

Оливия провела языком по внезапно пересохшим губам.

— Навсегда? Ты имеешь в виду…

— Я имею в виду навсегда.

Она хотела сказать «да», но вместо этого вдруг произнесла:

— Почему?

Откуда-то из-за стойки послышалось хихиканье.

Люк смотрел вниз, на макушку Оливии.

Почему? Она спрашивает, почему он хочет жениться на ней? Вопрос поверг его в состояние шока.

Если бы она спросила вчера, он не знал бы,

что ответить. Но сейчас он знал, почему принял приглашение на бал, почему сам не захотел подавать документы на развод. Прошлой ночью он впервые начал понимать это. Позже осознание того, что эта невозможная женщина на самом деле значит для него, на время отступило, потому что необходимо было действовать. А потом он примчался в больницу и увидел, как она идет ему навстречу. В тот момент он понял все. Хотя отказывался признать то, что любой глупый подросток понял бы сразу. Но сейчас он исправит эту оплошность.

— Потому что я люблю тебя.

Шумный вздох облегчения пронесся по залу — и теперь все вокруг ждали, что ответит Оливия. Она же подняла голову и так улыбнулась ему, что он перестал дышать. А потом ответил единственным известным ему способом.

И посетители кафе одобрительно закричали, когда он крепко обнял жену и приник к ней в поцелуе.

И Оливия, его Оливия, отвечала — страстно, жадно, нежно.

Когда Люк наконец отпустил ее, гром аплодисментов раздался вокруг.

— Думаю, — прошептал Люк на ухо Оливии, —

они надеются, что я подхвачу тебя на руки и с триумфом вынесу отсюда.

— Не думаю, что ты сможешь, — улыбнулась Оливия.

— Да? — Отступив назад, он смерил взглядом ее фигуру и покачал головой. — Пожалуй, ты права.

Оливия рассмеялась, но в глазах ее стояли слезы. Люк нежно смахнул их.

— Пойдем проведаем отца, — сказал он, — а потом поедем домой.

Оливия кивнула, и Люк, обняв ее за плечи, повел к выходу.

Посетители кафе поднялись со своих мест, и новый взрыв аплодисментов провожал влюбленных.

— Подбодрим их немного? — шепнул Люк.

— Мы просто обязаны. — И Оливия подняла лицо для поцелуя.

Эпилог

Люк лежал на краю огромной кровати и смотрел на спящую жену. Может ли сердце разрываться от любви и гордости?

Два месяца назад Оливия подарила ему очаровательных дочек-близнецов. Сару, серьезную и милую, и Мишель, уже сейчас шуструю очаровашку. Обе малышки казались ему настоящим чудом.

Оливия в роли матери стала еще одним откровением. Она обожала дочек ничуть не меньше, чем он.

Сегодня состоялись крестины. И сейчас дочери спали в колыбельках в доме, который они купили неподалеку от старого дома Оливии.

Люк тронул пальцем кончик носа жены, она открыла глаза и сонно улыбнулась.

— Все прошло хорошо, правда? Малышки не плакали, миссис Бейлиф и миссис Дюмон не разругались.

— Ага, пожалуй, мы можем считать, что нам повезло.

— Да, очень-очень повезло. Люк? Ты счастлив?

— Да. Счастливее, чем когда-либо мог представить.

— Я рада.

Оливия повернулась на бок и положила руку ему на грудь. Он накрыл ее руку своей, и так они некоторое время лежали, наслаждаясь покоем.

— Люк, — проговорила Оливия наконец, — теперь, когда мы окрестили малышек, не пора ли подумать о… Ну, когда-то ты говорил, что хотел бы вырастить целую футбольную команду. Не прямо сейчас, но может быть, через пару лет…

— Что? — Люк приподнялся на локте. — Ты хочешь футбольную команду детей? Ты, Оливия? — В его голосе появилась нотка недоверия. — Ты хоть представляешь, сколько человек входит в футбольную команду?

— Нет…

— Я так и думал… Впрочем, если ты уверена, что хочешь этого, лучше начать прямо сейчас. Потому что нам потребуется много времени для целой команды. — Он решительно положил ладонь ей на бедро.

— Подольше, пожалуйста, — томно вздохнула Оливия. — Я так люблю тебя, Люк.

— Я знаю. — Он нежно поцеловал ее. — И знаешь что? Я тоже люблю тебя. Больше, чем… — Он

неожиданно замолчал, когда что-то мягкое коснулось его щеки. Кастард нахально умывался, сидя на подушке Оливии. — Но с другой стороны, я не в восторге от твоего кота.

Оливия хихикнула и согнала Кастарда на пол.

— Так лучше?

— Намного.

И, не теряя больше времени, Люк обнял жену.

Кастард довольно долго прохаживался вокруг кровати, пока наконец спокойное дыхание хозяев не подсказало ему, что можно вернуться к прерванному занятию на подушке.

А Оливия, улыбаясь, видела во сне команду маленьких Харриманов, весело гоняющих мяч.

ISBN 5-17-021982-2
9 785170 219827

Кей Грегори

- ДВОЙНОЙ ОБМАН -

Брак — это ненадолго. Достаточно доказать мужчине его слабость, а потом бросить с сознанием одержанной победы! Так считала решительная Оливия...

Брак — это однажды и навсегда. Чтобы всю жизнь любить друг друга и быть вместе. Так полагал «старомодный» Люк...

Эти двое оказались перед алтарем — с очень разными планами. Кто же победит в опасной игре, затеянной Оливией и поневоле поддержанной Люком?..

KAY GREGORY - BEGUILED

История любви 107

Кей Грегори

— ДВОЙНОЙ ОБМАН —

Брак — это ненадолго. Достаточно доказать мужчине его слабость, а потом бросить с сознанием одержанной победы! Так считала решительная Оливия…

Брак — это однажды и навсегда. Чтобы всю жизнь любить друг друга и быть вместе. Так полагал «старомодный» Люк…

Эти двое оказались перед алтарем — с очень разными планами. Кто же победит в опасной игре, затеянной Оливией и поневоле поддержанной Люком?..

KAY GREGORY — BEGUILED

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.